

РИЖСКИЙ альманах

РА5

ПРОЗА
ПОЭЗИЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
ОБЗОРЫ
ПЕРЕВОДЫ
КРИТИКА

№ 5 (10)

Рига, 2014

Издается при поддержке Латвийского фонда капитала культуры

Редакционная коллегия:

Т.Зандерсон
Е.Матьякубова
Вл.Новиков

Рук. проекта Борис Равдин
Гл. редактор Ирина Цыгальская

Корректор Елена Васильева
Художник Виктория Матисон

ISBN 978-9934-14-342-7
ЛОПК, 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

Стихи

Алексей Волосников	5
Владимир Ореховский	12
Янис Сирмбардис	15
Леонс Бриедис	21
Анна Аркатова	26

Приз симпатий «Рижского альманаха»

Михаэль Шерб	29
Алёна Закаблуковская	31
Елена Фельдман	32
Михаил Юдовский	36

Из украинской поэзии

Микола Вінграновський	38
Василь Симоненко	39
Ліна Костенко	40

С июньского семинара

Ирина Вахитова. Дневник моей бабушки	41
Игорь Губарев	58
Константин Лосев. Миниатюры	60

Проза

Святослав Берг	
Поминки без покойника	62
Роальд Добровенский	
Дневник романа	68

Воспоминания

Георгий-Амадей Коншин	
Страницы воспоминаний	80

Искусство

Павел Тюрин	
Художники Латвии второй половины XX века	115

In Memorium

Евгений Орлов

«О том, что волнует...» 142

Статьи, заметки, отклики

Борис Равдин

В.Ф.Марков? 146

Наталья Большакова

Мать Мария: хождение по водам или жизнь, переходящая в житие . . 173

Людмила Нукневич

«Парус, порвали парус!» 188

Владимир Френкель

Из книжных новинок последнего года 194

Сергей Пичугин

«Золотыми обмолвками, ябедами...» 201

Борис Равдин

А.И. Солженицын и Латвия:
наметки к перечню знакомых и незнакомых имен 206

Латвийскому обществу русской культуры – 25 231

Сведения об авторах 260

СТИХИ

Алексей Волосников

ПТЕРОДАКТИЛЬ

1. (Эгоретроспекция)

Мне должное, люди, воздайте,
И скрип мой простите за смелость.
По сущности я – Птеродактиль,
По должности – окаменелость,
По внешности – дикий и страшный,
Немного похож на дракона;
И был мой полет бесшабашный
Превыше земного закона.

Нежданно и скорбно усоп я
В струях вулканической лавы,
Задолго еще до Потопа,
Вкусив мало мёда и славы.

Мой труп пережил все эпохи, –
От раннего мезозоя
До позднего психозоя,
Включая безвременье культа,
Включая период застоя,
Период инфаркта, инсульта,
Шизофрении, запоя.

Похожий на челюсти щуки,
Уж ни для кого не опасен,
Мой клюв, посиневший от скуки.
Лежал я и тих, и безгласен,
Древнее всех мумий Египта,
Был труп мой уже не вонючим;
А раньше – в ветвях эвкалипта –

Веселым я был и поющим.
 Когда находился в ударе,
 Я славил Создателя неба,
 Земли и воды и всей твари,
 Хоть голос мой сладостным не был.

2. (Эгофутуризм)

Когда-нибудь некто учёный,
 Исследуя кромку обрыва,
 Увидит мой череп копчёный,
 Торчащий из глины плешиво.
 От счастья боясь шелохнуться,
 Он рядом колени преклонит,
 И клюва не смея коснуться,
 От восхищенья застонет.
 Он кисточкой нежно расчистит
 Летучемышинные крылья,
 Зелёные глазки промоет
 Увлажненной мягкой ковылью.
 Почистит когтистые лапы,
 Схватившие некогда вечность...
 Отступит, и снимет он шляпу,
 Изобразив человечность.
 Вот тут я воспряну крылами,
 И тут я защёлкаю клювом,
 В зрачках золотистое пламя
 Взыграет и страстно и любо!
 Учёный, единым ли хлебом?
 Не надо по маузеру шарить!...
 Во славу Создателя неба,
 Земли и воды и всей твари.

* * *

*«Блажен, кто посетил сей мир
 в его минуты роковые...»*

Кто посетил сей мир в мгновенье роковое,
 Но вовремя успел отсюда смыться,
 Тот снова посетить не устремится.
 Ну, разве что, в цепях и под конвоем.

Кто шкуру спас свою, умом не повредясь,
 В поту холодном будет просыпаться,
 Молить Всевышнего, и даже, может статься,
 Захочет день рождения проклясть.

Кто ухитрится жить в бесстрастии и знать,
 Что заступ взяв, копнув на континенте,
 Нет места, где не будут кости этих –
 Замученных – сей век напоминать.

* * *

Я в старость ухожу, как в скит, –
 Всё меньше гомона вокруг:
 Кто сник, а кто и вовсе спит,
 Устав от сует и потуг.

Я в старость ухожу, как в скит,
 Но ухожу, не как бы в плен,
 Но как бы, с вечностью слит,
 Грядущим в пределы перемен.

Я в старость ухожу, как в скит
 Не как в глухую немоту:
 Она по-своему манит,
 Как небо к звёздам – в темноту.
 Я в старость ухожу, как в скит.
 Я окна, дверь заколотил,

С фасада дома номер смыт.
Я здесь довольно погостил.

Я в старость ухожу, как в скит.
Куда – для встречного невесть,
И скоро солнце растворит
Мой смутный контур в синеве.

* * *

Гамлет сдался. Унизился Ричард.
Дон Кихот опустился до низменной лести,
Дант фривольный стишок посвятил Беатриче,
Спился Тристан с неверной Изольдой вместе.

Вы уже догадались? Ну да, сновиденья!
Но зачем всякий раз? И по чьей бы то воле
Происходит нелепостей сих повторенье?
Кто играет мне эти премерзкие роли?

Психиатр сказал: «Успокойтесь, мой друг!
Мало пива. Тушеной говядины мало.
Оттого и развился досадный недуг,
Обусловивший исподволь крах идеала.

Ешьте мяса побольше. Запивайте его
Светлым пивом со льдом quantum satis.
Так, чтоб в вашем мозгу не осталось чего,
Перед сном, десять верст, прогуляйтесь.

И увидите – Тристан пребудет с Изольдой в ладу,
Гамлет снова предстанет поборником чести,
Вновь прославит сонетом красу трубадур,
Дон Кихот не унизит себя грубой лестью».

Прописав мне рецепт столь наивно смешной,
Эскулап оказался наредкость прозорлив:
Еженощно мне снится бочонок пивной,
Наяву же я пьян и ужасно прожорлив.

Белая горячка

Два дня, страдая от похмелья,
Перцов тахту нервозно мял.
В башке темно, как в подземелье,
Во рту, как кот нужду справлял.

Чтоб не будить жену, он босый
Неслышно в ванну проскочил,
Под ванну сунувшись носом,
Коньяк оттуда потащил.

Он с отвращеньем, без охоты
В открытый рот сто граммов влил,
Но безудержною блевойтой
Сей дар желудок отклонил.

От резей сжавшись и ссутулясь,
Он полз назад, за шагом шаг,
И видел, как взлетел со стула
Туда повешенный пиджак.

Как замахал он рукавами,
Летя по комнате вокруг.
Перцов подумал: Доканали
Гипнотизёры ЦРУ.

Перцов со страху тихо ахал,
По стенке шаря наугад.
Он слышал, как пиджак кудахтал
И как свиньёй его ругал.

Он свет включил – не тут-то было:
Куда Перцов, пиджак – туда.
И пьяницей ругал и быдлом,
И что не место, мол, «в рядах».

Что больше, мол, по баням финским,
По ресторанам, по гостям...
И что с такою рожей свинской
Теперь его туда – к чертям!

Перцов своим дрожащим пальцем
Подергал телефонный диск:
Э... мне... полковника Уральца...
Пришли скорей ребят, Денис!

Тогда пиджак ему заметил,
Скрестив надменно рукава:
За всё, собачий сын, ответишь
В дурдоме, дурья голова!

Денис, прикинувшийся тачкой,
Скрипя к Перцову подкатил,
И взвизгнув: Белая горячка!
В дурдом страдальца прихватил.

В дурдоме он кричал и бился,
Врачам Лубянской угрожал.
И даже, вроде бы молился,
А впрочем, он не соображал.

Под утро помер он от страху,
В постель зарывшись с головой.
Сказала нянечка: Мир праху!
Потыкав щёткой половой.

1985/ 1991

* * *

В тот ящичек – старательский лоток –
По горсточке упрямо насыпает
Старатель, сея, золотой песок
Неоднократно чисто промывает.

Он не жалеет времени, пока
Из мириадов крохотных песчинок
На тонкой сеточке фильтрующей лотка
Не заблестит хоть пара золотинок.

Вот так Господь избранных своих –
По одному упорно отбирает
Из миллиардов. Что до остальных –
Кто как живёт, пусть так и умирает.

Содом с Гоморрой были сожжены
Дотла со всем срамным составом.
Что ж души их? Да в ад осуждены;
Лот – праведник с семейством лишь оставлен.

Смирись с Заветом, богозванный род,
И приумножь Старателя добычу!
... В Ершалаиме вновь убит пророк:
«А чтоб не каркал. Здесь такой обычай».

2000 г.

Город

Этот город приветлив и молод,
этот город и стар и суров.
В нем целуются солнце и холод
под напевы колючих ветров.

Эту сказку, застывшую в камне,
рассказал мне один человек.
В душу влезла однажды она мне
и с тех пор поселилась навек.

Роза во льду

На морозе негромко звеня,
ожидая весеннего бала,
дремлет алая капля огня
в бронированном сердце кристалла.
Там, за этой прозрачной стеной,
суждено изойти ей слезами.
Лишь повеет фривольной весной –
и погаснет застывшее пламя.

Ледяное ложе

Разбросав серебристые звезды
белым вихрем на снежной постели,
после бури могучей и грозной
улеглись, утомившись, метели.
Удалась ледяная забава:
ни обиды, ни боли, ни гнева.
Дед Мороз порезвился на славу.
Будет помнить его королева.

Старушка на самокате

Старушка вдаль неслась на самокате.
Она летела, будто ураган,
на остановки времени не тратя,
стрелой пронзая утренний туман.

Ее ласкал легонько теплый ветер
и сглаживал морщины на лице,
ей по дороге улыбались дети,
как доброй фее в солнечном венце.

И нежный взгляд ее туда стремился,
откуда, словно вешний ручеек,
навстречу так же быстро ей катился
на роликах веселый старичок.

Донна Анна

Быстрее собственной мысли,
ярче жгучего метеора.
Плевать, что сурово нависли
густые усы Командора.

Кулисы. Подмости. Сцена.
Нет молчания. И нет – покоя.
Серебро себе знает цену,
если оно – живое.

Старый зонтик, повидавший виды.
Бант лиловый на детском запястье.
Что там в зеркале? Радость? Обида?
Краски радуги? Сумрак ненастья?

Тучи в небе недолго гуляют.
Взмах. Короткий удар. Подача.
Слово вылетит – не поймают.
Сильно. Точно. Как теннисный мячик.

Кто-то ищет свою тропинку.
Кто-то сдвигает горы.
Бледнеет в утренней дымке
тень утрюмого Командора.

Будет бурь и штормов немало.
А проложенный путь – он тот же.
А над пустым пьедесталом
гордо реет Веселый Роджер.

Сирена

Вдали от позолоченных сестер
на тихом берегу сидит сирена.
Фонтанов и дождя негромкий хор
ее нескоро выпустит из плена.

Улыбка. Мокрый зонт над головой.
И взгляд в себя какой-то погружённый.
Рассеянный. Задумчивый. Смешной.
Растерянный. Мечтательный. Влюблённый...

Янис Сирмбардис

Перевод Фаины Осиной

Соловиное лето

Переливы виртуозных трелей,
Словно рукавицу, птица вяжет.
В первый раз пленён я акварелью
Соловиных чувственных пассажей.

Уж – обкаркали, обкуковали, –
Песня комом в горле застревала.
Сотни жизней протяну едва ли:
Бесом рассыпаться не пристало.

За спиной трухи – возы, котомки...
Сладко льёт соловушка рулады! –
Молодость зовёт светло и звонко
Открывать таинственные клады.

Поумерь сиянье звука, птица:
Я не вынесу наплыва страсти.
Время жёстко, значит, завершится
Неизбежным рока самовластьем.

Соловейко, ты иное знаешь,
Распевая на зелёной иве.
А у песни – ни конца, ни края, –
Упорхнув, возьмёшь весны игривость.

Унесёшь судьбы моей частицу,
Что у горла пёрышком трепещет.
А земля желаньем озарится –
Алый парус вспыхнет утром вещим!

В солнцеворот

Несётся дней живое существо, –
 Никто не в силах задержаться в них.
 Давно ль чтит мир Христово Рождество,
 Уж расплясались Яновы огни.

Воск яркий свет точил из темноты, –
 А нынче белая ярится ночь,
 И ведьмы на метле боишься ты:
 На вахту встать бесовке суждено.

На двери хлева знаком добрых сил –
 Рябины ветка – с косяком сплелась...
 Луч пентаграммы землю с небом слил,
 Как оберег от наважденья зла.

Пусти вокруг посевов лошадь – в рысь,
 Взяв под защиту колос бытия,
 Чтоб злаки щедростью тяжёлой налились
 И полной стала житница твоя.

Суровость будней выстрадана здесь,
 На дарованной Господом земле.
 Мир обновился, сохраняя честь,
 Мы не затоптаны, не сгнули во мгле.

Востребовано всё, где стол накрыт
 И, Божьим промыслом, душа поёт.
 Как польхают Яновы костры!
 Как сладкий клевер источает мёд!

Священная роща

Священная роща за домом моим –
 Целая уйма дубов!
 Бог благословляет или бранит,
 Скрывая в листве любовь.

Богиня счастья – тропу за тропой –
 Сматывает в клубок.
 Пчёлы жужжат: обезумевший рой
 Сладкий клевер привлёк.

Ясный вечер. Ты в нём – новосёл.
 Дай рукам отдохнуть от трудов.
 Привечающий трапезный стол
 Здесь под деревом каждым готов.

И под каждым листком,
 Напитавшимся влагой всех рек,
 Ворошат души предков тайком
 Свой истраченный век.

Я войду в тот же вечный покой
 (Тишина интересна живым),
 Погружусь любопытной пчелой
 В вещий шёлковый шёпот листвы.

* * *

Течением – снесены...
 Была любовь, не была ль,
 серебряный лик Луны
 и смех струит, и печаль.

В театре масок – власть чар.
 Сыпучей летит слюдой
 судьбы величайший дар
 из вечности – мне в ладонь.

* * *

Жалея себя, не откроешь
живительный свет вдалеке.
Полно у скорбящих сокровищ,
но вход – на секретном замке.

Коль и у небесного храма
забудется слово – как знак,
истает мощь духа. А драму
уже доиграют без нас.

О несказанных словах

Свой мир изобразил я
полным
непроизнесённых слов.

Но в этот миг
уж сказаны они.

С несказанным –
слов сказанных количество растёт,
и, по иронии судьбы,
слова несказанные
неизбежно – сказаны.

Несказанное слово мне озвучить как,
если, сказав,
я шанса этого лишусь?

И можно ль – вот вопрос –
узнать обилье в мире слов,
несказанных,
коль их не произнёс.

* * *

Поэт ли я?
Да. В редкий час.
В другой момент – поэзией не пахнет.

В другое время – я старик.
И жизни пуст прогон,
и фрак в шкафу сутуло дряхнет,
и в зале, переполненном, оваций шквал –
лишь наваждение сна.

Всё. Можешь обонять цветы канав,
тревожить облаков волнующихся сонмы
и наблюдать, как рать воинственных драконов,
в туманном воздухе кружась,
спешит истаять,
вдруг растворившись в сумеречной мгле
и ещё более туманной дали.

У потухшей печи

Протопилась печь давным-давно.
Вместо хлеба – затхлый дух дурмана.
Ветер воет, будто пёс цепной
Старые зализывает раны.

Мы и домовому не нужны,
И сверчок запечный не стрекошет.
Во вчерашний день устремлены
Холодом напоенные очи.

Где же воля, жар душевный мой? –
Выстыли под пеплом и под сором.
Совесь по дорожке – по кривой –
С нечистью торопится на сговор.

Но за всё ещё прощает Бог,
Где-то в закоулках самых дальних
Ломкий колос падает у ног –
Жест повинности, исповедальной.

И тогда к остывшим кирпичам
Прижимаешься душой и телом,
Щедрости утраченной ища –
С огоньком вершащегося дела.

Леонс Бриедис

Перевод Юрия Касянича

КОКТЕБЕЛЬ

(цикл стихотворений)

Памяти Максимилиана Волошина

* * *

Все выше, выше...

Выше лишь дыханье,
как чайка белая, –
беззвучно в небесах
над морем...

Острый ветер, не стихая,
спасает от забвения в веках, –
пока,

гремя,
тысячелетий волны,
в скалу ударив,
не утратят мощь свою,
ответа не узнав...
Которым полны,
печальны валуны в немом краю.

В веках, в тысячелетьях

В веках, в тысячелетьях...
В кораблях,
причалов не узнавших...
В соли ветра,
в закатах...

Если б даже на губах
слова копились –
заросли бы, верно,
они травой тщеты...

И пробужденье
забвеньем новым стало б.

Ведь
 сюда
 идущее – еще вдали.
 Бушует в венах
 мучительно,
 темно,
 чужая мне
 судьба,
 что сжал в кулак я, словно пальцы в горе,
 которым сумрачно грозил в ответ
 всему извечному,
 что знает только море...
 Ведь больше ничего у моря нет.

* * *

Поют ветра в полыни,
 берег хмурый
 торжественно молчание хранит.
 ... Как парус корабля, что порван бурей,
 но, не переставая, вдаль летит.

Залив. Еще залив.
 До горизонта.
 Земле нет края,
 морю,
 небесам...
 И если не хватало мне чего-то –
 то лишь того, что не был в силах сам,
 как истину, вдохнуть всей грудью смело.
 И ощутить:
 как мало о себе,
 как мало о себе узнать сумел я.

И над водою берег рвется в высь небес.

Голос Понта: Улисс

Над полночью
 утрюмый голос Понта...
 Проснулись все покинутые порты.
 От умершего моря – запах соли...

Распахнуто окно,
 тропинка боли,
 словно рука певца незрячего, уводит,
 к звезде,
 которую на небосводе
 Улисс увидел в миг, давно желанный,
 когда берега Киммерии туманной
 открылись...

И глаза, что так устали,
 Итаку там
 зеленую
 узнали...

* * *

Здесь узко, напряженно...
 Из груди
 вздох рвется к скалам,
 что стоят в печали.
 ... И дерево, как человек,
 пути
 не знающий,
 глядит в четыре дали.

Куда?
 Тропы здесь и безумец не найдет.
 Дурманит гниль травы
 и запах йода.

И небо руку жаркую кладет
 на лбы...

* * *

Наш отель в Лиссабоне мы выбирали в центре,
Оказалось в центре это крошечный мрак:
Все трамваи мира ночью грохочут в сцепке,
Все подростки мира fuck и орут им fuck,
Ни заснуть, ни выспаться, ни проветрить,
Чаек рыночных травленный пересвист,
Все девицы мира в нижней дают таверне,
Все таксисты мира курят как наш таксист,
Лишь без четверти встать, на плечах золотая дымка,
Влево глянуть, серый увидеть край
Океана и остолбенеть – кретинка,
Завтра ж музыкой станет всё – и трамвай, трамвай.

* * *

перебирание пшена,
белья постельного уютюжка,
вязанье варежек, нежна
муки просеянной подушка,
сведенье накипи со стен
кофейника, и глянец плавный
взамен – и что теперь взамен
сей медитации исправной?
где мудрости извечный фон,
покоя полотно и рама?
голем, во рту его айфон,
ничто не весит больше грамма

* * *

Вот приближается число
По всем приметам роковое.
Нам до сих пор с тобой везло,
А это что такое?
Что за собою принесут
Две, ну пускай четыре цифры?
О нет, не говори что суд,
А то заиклюсь,

И так, как памятник Петру,
Торчит талант быть виноватой
Во всём, что новогодней ватой
Взять и стереть.
Да не сотру

* * *

Неточной рифмы трепетный магнит
Строки неосторожные обрывы –
Что с ними будет? Кто их сохранит?
Нет, ну понятно кто пока мы живы...
А там тогда когда другой закон
Объемлет речь и правила предъявит,
Кто поднесет спасенный медальон
К чужим глазам и спросит – там она ведь,
В смятении отхваченная прядь,
В покое обрамленная любовно?

Как всё сказать и как не всё сказать,
Чтоб эта встреча кончилась бескровно.

* * *

Своего опыта нет – запасись чужим
Полистай журнал книжицу пережуй
Небольшим ножом сделай один нажим
По кефирной крышечке больше не приезжай
Отражает кровлю стеклобетон
И вот-вот наладится кровоток
Между краем справа лежащих жён
И уснувшей слева от этих строк

* * *

«Я жду ребенка. Он не твой» –
Роняет героиня в кадре
И я с ума сойду домой
Вернусь – и ужасы накатят
Шесть слов на выдохе – а вдох

Уже в другой, нерастворимой
 Религии, где тот же Бог
 Давно не действует, лишь имя
 Даёт всему – как свету свет,
 И ей неважно, что ответил
 Герой – любой его ответ
 Песок воронка ветер пепел.
 Я жду ребенка он не твой
 И ямба этого конвой
 Теперь до смерти будет с ними
 бледнеет в кадре героиня.

ПРИЗ СИМПАТИЙ РИЖСКОГО АЛЬМАНАХА

31 мая 2014 г., завершив «судейскую» работу, Оргкомитет Международного литературного конкурса «3-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии – 2014», объявил его победителем Михаэля Шерба.

Были названы и обладатели Приза симпатий «Рижского альманаха»:

Михаэль Шерб, Дортмунд (Германия)
 Алёна Закаблукская, Иркутск (Россия)
 Елена Фельдман, Москва (Россия)
 Михаил Юдовский, Франкенталь (Германия)

Михаэль Шерб

Возрождение

Сотворенный из света спускался во тьму,
 Лечь на влажные листья и травы.
 И река распахнула навстречу ему
 Оба берега – левый и правый.

Он сошел в камыши, словно в жаркую рожь,
 На лишайники, в мягкие лапы,
 Под прозрачную воду, где нежную дрожь
 Выдыхают надменные карпы.

Где молока густых облаков и икра
 Мелких звезд, и туманные тени
 Истекают росой в истоме песка,
 Ноют птичьей поилкой в коленях.

Сотворенный касался плодов и корней,
 Тонких веток и сладостных клубней.
 Несмолкаемый стон комариный звенел
 В паутинах каштановой лютни.

И шумел водопад, словно сдавленный смех
 Из речного зажатого горла.
 Сотворенный из света карабкался вверх
 Изнутри, опираясь на рёбра.

Кома

Путешествовать светом гораздо быстрее, чем пешком
 В невесомую ночь подниматься по лестнице тенью,
 Расставаться с собой понемногу на каждой ступени,
 На последней смешавшись со звездным сухим порошком.

Лучше светом лететь, впереди хиросим, вопреки
 Расцветающей ране, пока не достигнута болью,
 Прикрывая ладонью глаза, чтобы острою звездною солью
 Не порезать зрачки.

О, не дай, Корабел, растворенным в немой синеве
 Дрейфовать без ветрил в двух шагах от спасительной бухты.
 Лучше светом лететь, навсегда позабыв о Земле -
 Что с заглавной, что с маленькой буквы.

Холщовые поля

Внезапно кислород тебя щадит:
 Наматывает сон, как чистый бинт,-
 И видишь тополь, - выше колокольни,
 Из под асфальта выпроставший корни.

И видишь холодеющий канал,
 За ним кирпичный домик в два окна:
 Льет лампа желатиновый уют
 И ходики мгновения клюют.

И дальше лес, который тоже сон,
 Столбы стволов, соцветья черных крон.
 И за стеной деревьев, розоват,
 Горит рассвет, а может быть закат.

С прищуром птичьим сквозь небесный лёд
 Луна в канал густые сливки льет,
 И под рукой - метёлки ковыля,
 И под щекой – холщовые поля.

Алёна Закаблукская

* * *

Приходишь в мир орущим, голым, рыжим.
 Растёшь и множишь ворохи одежд –
 за слоем слой, как лист на кочерыжку
 капустный завивается... Замес
 готовят быстро... Вызревает тесто,
 шинкуют ловко лопнувший кочан.
 Вот, в этом месте взять бы, да воскреснуть.
 Но в мизансцене (пауза, оркестр)
 Вдруг возникает рыжий мальчуган
 И разгрызает кочерыжку с треском.

* * *

Я оголила окна для зимы,
 Пред новым годом сдёрнув занавески.
 Галдят сороки в близком перелеске,
 У стрекотух на это повод веский –
 Коровья шкура встала на дыбы
 На кольях, вбитых в снеговую кашу.
 Я стёкла тру до скрипа, до тех пор
 Покуда плод, катящийся за бугор,
 Не упадёт в подставленную чашу,
 Сиренево окрасив дом и двор.

Я оголила окна. Тихий свет
 И белый снег вошли в проёмы комнат
 Чтоб здесь остаться, чтоб позволить помнить:
 На этом стуле сживал мой дед,
 Подзор крахмальный – бабушка вязала,
 А чемоданчик этот по вокзалам
 Мотался с папой, а теперь стоит
 Поблёскивая лаком декупажным.
 Подумать страшно: кто-нибудь, однажды,
 Всю жизнь мою вот так перекроит...

Елена Фельдман**Credo**

Рычу, как Цербер, не пуская в стих
 Всклоченного времени приметы:
 В моем репертуаре – лишь букеты
 И колокольчик, что вдали затих,

Скрипучее дощатое крыльцо,
 Вуаль и фрак (что выберешь сегодня?),
 Серебряное тонкое кольцо
 И красно-белый шарик новогодний.

Пусть истончилась шелковая нить,
 Букет засох, фрак ни на что не годен,
 Но слог мой так же верно старомоден:
 Ведь кто-то должен прошлое хранить.

На чердаке

Чердак – что чужая душа: непроглядный, глубокий.
 Сам черт сломит ногу в завалах комодов и стульев.
 И светится только квадратик окна синеокий,
 Да слышно гудение дальних встревоженных ульев.

Давай посидим на облезлом зеленом диване,
 Подышим впотьмах золотой заколдованной пылью.
 На грязной стене, как на сломанном киноэкране,
 Проходит высокий старик с оплетенной бутылью.

Он жил тут лет двести назад со сварливой старухой,
 Растил дочерей, не буянил по праздникам даже...
 Собравшись с последними силами, квелая муха
 Садится на щеку пластмассовой куклы Наташи.

Спускаясь, коснись осторожней брязжащих ступеней.
 Не трогай трухлявой щеколды в густой паутине.
 Пусть спят бестревожно чердачные мирные тени,
 И яблоки юности зреют на кухне в корзине.

Апрель

Письмо, подложенное скромно
 Под уголок половика,
 И стих, что хлещет неумоно
 Из горлового родника, –

Все полнится весенним звоном.
 Как наша улица светла!
 Склоняется с полупоклоном
 К сараю дряхлая метла.

Немытый дом как будто чище
 И сам гремит дверным кольцом.
 Пятнистый голубь просит пищи
 Вполне в согласии с Творцом,

И с тонких крыльев голубиных
 Струится свет – благая весть:
 Что счастья нет, и нет причины,
 Но просто радость,
 Радость – есть.

Вольный проезд

Мы временем разлучены, убиты.
 Размолоты кувалдами колес
 Твоих колец серебряных орбиты
 И шелковое облако волос.

Горошина для маленькой графини –
 Дощатый пол, тряпье, вокзальный смог.

Как праздничен звон битого графина
И юнкерских сапог!

Москва, разъезд, испуганная Шуя,
С подошвой отрывающийся год.
К веселью человечьему ревнуя,
Начало века замедляет ход.

Я – мальчик в теплой шапке не по росту,
Ты – девочка, что плачет за стеной.
До красного промерзшего погоста –
София! Ты останешься со мной.

До света

Забытый на веранде на ночь свитер
Покрыт росой, как жемчугом расшит.
Бутон, пока тугой спиралью свитый,
Над изгородью каменной дрожит.

Ни шелеста, ни шороха, ни слова.
Лишь «Ante Lucem» тяготит карман.
Забился под крыльцо дракон садовый
И выдыхает палевый туман.

Приблудный рыжий пес с хвостом-обрубком
Следит за контрдансом облаков,
И в старомодной, неподъемной трубке –
Ни длинных, ни прерывистых гудков.

Дыши, покуда воздуха так много,
Что он встает в гортани, словно кость,
Покуда большеглазая тревога
Не поднесла рябиновую гроздь.

Все чудеса свершаются до света.
Под сердцем зреет первая строка,
И символом Новейшего Завета
В моей руке лежит твоя рука.

* * *

Когда родилась я на этой земле,
Вода была в наше окно.
И мне показалось: мы на корабле,
И нам утонуть суждено.

Но буря утихла, и солнце в зенит
Вошло, как хозяин – в свой дом.
И мне показалось: весь город горит,
И плаваются стекла кругом.

Но снег нас огладил прохладной рукой,
И сердца утишился стук.
И мне показалось: я стала слепой,
Не вынеся света вокруг.

Смыкаясь и вновь размыкаясь, метель
Плетет свой смертельный уют.
Но ветры качают мою колыбель,
И боги меня берегут.

Атлантида

Я смотрю, перегнувшись за борт, на далекое дно.
Море бережно ждало мой ялик в огромных ладонях.
Солнцем в бронзу закован, развязно плывет осьминог
И глядит исподлобья: зачем эта щепка не тонет?

Я смотрю сквозь прозрачную, словно стекло, синеву.
Обостренный фантазией взгляд различает колонны,
Белый купол дворца, круг агоры, и как наяву –
На ступенях гимназии мальчик, полуднем сморенный.

Надоела латынь, и риторика стала скучна.
Он глядит в небеса, подперев щеку смуглой ладонью,
И, наверное, тоже гадает с далекого дна:
Отчего это солнце плывет в облаках и не тонет?

А учитель – печальный старик, бывший греческий раб –
 Рядом тихо присев, говорит о троянцах и галлах,
 И у ног его возится юркий оранжевый краб...
 Между мраморных плит проросли сорняками кораллы.

Михаил Юдовский

Она писала мне из Испании

Она писала мне из Испании – буквами, как бесенята, мелкими,
 что скучает, купается в море, везет в подарок часы –
 недорогие, но очень красивые, с необычными стрелками,
 изящными и поджарыми, как андалузские псы.

Она описывала деревья, многорукие, как менора
 с апельсинами вместо свечек. Об испанцах – не очень к месту –
 сообщала, что галантны, обращаются к ней «сеньора»,
 удивляются, что одна, и зовут разделить сестру.

Признавалась вдруг, что поверила в жизнь иную
 впервые и здесь, где ничто ни на что не похоже.
 Я читал ее строчки, делая вид, что ревную,
 удивленному воздуху корчил страшные рожи,

расправлялся с андалузцами одним ударом навахи,
 доставал из бара бутылку риохи,
 бормотал про себя: «Ах уж эти испанские махи...»,
 добавляя зачем-то: «Ох уж эти еврейские лохи...».

Ее письма, меж тем, истончались, как влага
 под субтропическим солнцем, читаясь кондово:
 «Изумил Кадис... поразила Малага...
 несравненна Севилья... хороша Кордова».

Затем пришла бандероль. С часами. К часам прилагалась записка:
 «Остаюсь в Испании. Весной расцветет миндаль.
 Не грусти, я люблю тебя. Лишь отбрасывая то, что близко,
 видишь даль».

Я пил кое-что покрепче. Вспоминал ее родинки – десятки родин
 на теле. Говорил себе, что бессмысленно стоять на пути к
 совершенству... По слухам она то ли вступила в монашеский
 орден,
 то ли открыла на набережной бутик.

Я сидел, у безморья ожидая шторма.
 На ее часах, заблудившись меж точками и тире,
 околевали стрелки – как собаки, лишённые корма,
 умирают в собственной конуре.

* * *

... но внутри неприятно – становится тесно извне.
 Улыбается преданно то, что давно уже продано.
 Хорошо быть улиткой и всюду носить на спине
 бесподобно красивую, трепетно хрупкую Родину,

ощущать каждой клеточкой тела, что вы – заодно,
 неразлучные спутники, верные дружбе соратники,
 сообща опускаться по скользкому илу на дно
 и по тучному склону соборно ползти в виноградники.

Истончав, как слюда, за собой не оставив следа,
 времена и места, как тоска и тоска, одинаковы, но
 рассыпается мир, и сочтется морская вода
 застывающей каплею соли из треснувшей раковины.

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Благодарим Рауля Чилачаву, грузинского и украинского поэта, по просьбе “Рижского альманаха” поделившегося своими представлениями о наиболее известных образцах украинской поэзии нового времени.

У каждого из авторов этих стихотворений своя, отличная от других, манера. Объединяет их любовь к Украине, выраженная самым совершенным в мире – поэтическим – языком.

Микола Вінграновський

(1936 – 2004)

І є народ...

На сизих пагорбах рясне село горіє,
І сірі вітряки докрилюють свій вік.
В брунатних берегах ріка багряна мріє,
І гай засмучений стоїть, як чоловік.

Ні лету літака, ні шурхотіння гуми,
Тут тільки я, тут я і неба тло,
І дума про народ, моя стодумна дума
Навшпиньки заглядає у чоло.

Як міниться усе! і дурень той, хто зміни
Незмінно заміня вчорашнім днем без змін.
Народ в путі. Та він тавра не зніме
Із тих, хто за народ
 являв
 себе
 взамін

І, відрізаючи живі шматки з народу,
Пророкував народові майбутть.
Та брів народ. Де бродом, де без броду,
Без нас, нетяг, тягнувсь з не бути в бутть.

Бо він народ. Бо він глагол життя.
Він зміна змін. Йому нема заміни.

Бо він один крізь весни і крізь зими
Веде свій слід з не бути у буття.

А ми? Хто ми?
 Себе ми знаєм зроду.
Чимало віддалось нас жаху в рот.
Лиш ті не віддалися, хто народу
Віддав себе і ствердив свій народ.

Ми знову є. Ми — пізні. Найпізніші.
Що росли з худеньких матерів
В саду порубанім.
 Я знаю, не для тиші
Вулкани дивляться
З-під наших юних брів.

Є Віра. Є Свобода. Кров і шмаття.
Естрада, сало, космос, кавуни.
І є народ, в якого є прокляття,
Страшніші од водневої війни.

Василь Симоненко

(1935 – 1963)

* * *

Де зараз ви, кати мого народу?
Де велич ваша, сила ваша де?
На ясні зорі і на тихі води
Вже чорна ваша злоба не впаде.

Народ росте, і множитья, і діє
Без ваших нагаїв і палаша.
Під сонцем вічності древніє й молодіє
Його жорстока й лагідна душа.

Народ мій є! Народ мій завжди буде!
Ніхто не перекрыслить мій народ!

Пощезнуть всі перевертні й прибуду,
І орди завойовників-заброд!

Ви, байстрюки катів осатанілих,
Не забувайте, виродки, ніде:
Народ мій є! В його гарячих жилах
Козацька кров пульсує і гуде!

Ліна Костенко
(1930)

* * *

Життя іде і все без коректур.
І час летить, не стишує галопу.
Давно нема маркізи Помпадур,
і ми живем уже після потопу.
Не знаю я, що буде після нас,
в які природа убереться шати.
Єдиний, хто не втомлюється, – час.
А ми живі, нам треба поспішати.
Зробити щось, лишити по собі,
а ми, нічого, – пройдемо, як тіні,
щоб тільки неба очі голубі
цю землю завжди бачили в цвітінні.
Щоб ці ліси не вимерли, як тур,
щоб ці слова не вичахли, як руди.
Життя іде і все без коректур,
і як напишеш, так уже і буде.
Але не бійся прикрого рядка.
Прозрінь не бійся, бо вони як ліки.
Не бійся правди, хоч яка гірка,
не бійся смутків, хоч вони як ріки.
Людині бійся душу ошукать,
бо в цьому схибиш – то уже навіки.

С ІЮНЬСЬКОГО СЕМИНАРА

С 16 по 20 юня в Союзе писателів Латвії под руководством Сергея Морейно, при финансовой поддержке Министерства культуры, проходил семинар «Matris lingua» молодых и/или начинающих авторов. Предлагаем вниманию читателей работы некоторых его участников.

Ирина Вахитова

Жизнь звенит так тонко

ДНЕВНИК МОЕЙ БАБУШКИ

2 июля 1935-го года, дер. Лужки

Какая славная тихая ночь! Непонятная странная птица все вздыхает еле слышно. Время растянулось, как несрываема трава, ее тянешь и тянешь, уже все руки изрезаны, а она все не поддается. Уже два года с гордостью называюсь гарцеркой. Мама все выспрашивает у меня: кто такие гарцеры? Чтоб вы знали, мы – вовсе не военная организация, скорее даже религиозная, вообще сюда принимают и девушек. Вместе с нашими девчонками сегодня обустроивали лагерь в лесу, расположились на большой поляне, строили из песка огромные стол и стулья, разбивали палатки. Нас учат ничего не бояться и уметь выживать в экстремальных ситуациях, за все говорить спасибо и много молиться не только в трудные часы. А сейчас я на боевом посту, и в эту безмолвную ночь дежурю возле палаток...

Сегодняшний день промелькнул, как волк в дымке – вроде бы где-то есть, но не успеешь заметить. Я очень люблю такие быстрые дни. После обустройства лагеря бегали к реке Мнюте мыть посуду и стирать белье. Погода оберегала чувство счастья. Солнце плыло в реке, а мы бежали за ним. У нас чудная речка с прозрачной водой цвета свежесваренного чая. Она находится в низине: даже если начинаешь идти с горы медленно, вскоре уже несешься, раскрыв руки, чтобы сразу броситься в воду. Однако наш лагерь находится на том берегу Мнюты, где так легко с горы не помчишься, потому что на ней густой ступенчатый лес, который издали смотрится зеленой пушистой шапкой. Так что мы продирались по тропинке, где меньше деревьев. Потом все вместе купались, долго и безмятежно: капельки влажного счастья растекались по коже. Насобирали много цветов, в лагерь примчались, размахивая букетами. Цветы качались в такт

нашим веселым голосам. Мне кажется, что ходить, ступая медленно и осторожно, я не умею с самого рождения...

Вспомнила, как год назад прибежала домой к мамуле с охапкой цветов. Она покачала головой и сказала, что я совсем, как папа. Мама вспоминала, что он часто встречал ее с букетом простых полевых цветов. А я его совсем не помню... Все, что осталось в памяти, – его зеленые штаны. Он умер, когда мне было всего 3 годика. В то время наша семья пережила ужасный пожар. Горела вообще вся улица (мы тогда жили на Дисненской). У нас не осталось ничего: ни документов, ни денег. Папа был в таком состоянии, что после случившегося его постиг удар: ужас приковал его к постели. После пережитого он прожил всего 3 месяца, но был парализован. Я часто думаю, как страшно устроена жизнь, насколько слабее и уязвимее мужчины в горе... Но папе предстояло выполнить еще одну задачу: он должен был меня спасти...

В тот обычный день мама работала в огороде, а я осталась в доме; видимо, в мое поле зрения попал некий «присмак» (это любимое слово моей мамы): я просто потянулась за банкой варенья, которая стояла возле печки. Я ничего не помню, конечно же... Это все по рассказам моей мамы. Мои распущенные хлипкие колосики волос вдруг загорелись (а ведь запросто мог случиться еще один пожар). Может, просто уголек в этот момент рассыпался? Волосы загорелись на мне, а я продолжала тянуться к заветному варенью. Усмехаюсь, что ж это было за варенье такое?! В доме не было никого, только недвижимый мой родитель. Он стал мычать, как мог, его глаза были полны ужаса и страха за меня, больше все равно он ничего сделать бы не сумел. Однако главное он успел: мама его услышала и прилетела ко мне на помощь, и мою пшеничную голову потушили...

Я совсем не боюсь темноты, не боюсь воспоминаний. Вот сейчас в лагере все спят, а мне очень хорошо. Ночью проявляется какая-то особая открытость. Перед темнотой мы все, кажется, как бы без надежных одежд. При этом давно заметила, что ночь обостряет чувства, они становятся еще более яркими и выпуклыми. Тихо... Кто это там дрожит? Господи... Да... в тишине он лучше видит и слышит меня... Господи... позволь мне обратиться к тебе простыми словами. Сделай так, чтобы была здорова моя мама, мои сестры и брат. Моя подруга Яна говорит, что молиться нельзя своими словами. Когда

я умру, я обязательно спрошу об этом. Ой... какие кощунственные мысли... Интересно, буду ли я вести свой дневник?

8 июля 1935-го года, дер. Лужки

Сегодня мне исполнилось целых 20 лет. Наверное, в этом возрасте особенно чувствуется некоторая взрослость. Я не заметила каких-то серьезных перемен в себе. Руки прозрачные и тонкие, серые глаза в обрамлении светлых ресниц. Никогда не отращивала длинных волос: мне подходили довольно короткие, убранные со лба. Сегодня я как-то много думаю... Что мне нужно? Чудесное яркое солнце. Сейчас я сижу на берегу Мнюты. Рисую цветы мыслей в своем дневнике, бросаю камешки в воду и наблюдаю, как долго расходятся круги на воде. Вечером будет пирог в мою честь. Сказочно! Вода в реке совсем живая, поворачивается на солнце то одной, то другой стороной, я так люблю ее чайную прозрачность. Хочется петь! Мне 20 лет! Утром шла мимо еврейской булочной: сладкий запах корицы вернул меня в детство, хотелось протянуть ладони, будто запах корицы можно словить руками. Как много у меня есть! Какая же я счастливая!..

Вчера видела человека с куксами вместо рук. Мама говорит, что руки ему отрубили за воровство. Конечно же, сейчас он не ворует, страшно смотреть, как он своими культяпками достает монеты из кошелька. Его так и прозвали – куксатым... А он не намного старше меня.

12 августа 1935-го года, дер. Лужки

Сегодня к нам в гарцерский лагерь приходили военные. Их часть находится на другом берегу реки от наших Лужков – в Кошарах. Загадочный пан офицер мне улыбался, а потом попросил показать, что это я рисую в своем блокнотике. Мне было неловко, я решила, что он сочтет меня совсем ребенком, в моей самодельной книжечке были собраны рисунки и пожелания моих подружек. Он увидел вышивку пионов на обложке. Слегка провел по шершавой глади рукой. А потом попросил разрешение написать мне что-то на память. Я молча кивнула и слегка покраснелась. Ну, вот опять... Он нарисовал красивую красную розу и подписал – незабываемой Эле. Мне он очень понравился... Рассказала о нем своей Янке, она только похихикала. Глупости все это... Вообще, мы с Яной, как две стороны пленки – негатив и позитив. Она черненькая, я – светлая. Она боится всего нового, а я живу каждым

новым дыханием дня. Мы не умеем спешить вместе, почему-то Янке некуда бежать, я же всегда несусь со всех ног. А еще она красивая, а я ее тень, которая не перенесла бы быть красивее ее...

... Завтра пойду в Подсвилле, к бабушке. Люблю мечтать на берегу Дисны.

18 августа 1935-го года, дер. Лужки

Не помню, чтобы было так тепло. У бабушки еще купались в Дисенке меньше недели назад. Вода прохладная, но что нам сделается?! Мы соорудили большой плот и взгромоздились все вместе на него. Вода слепо смотрела на деревянную поверхность, но нас это не пугало. Все мои сестры и местные мальчишки – всего 5 человек. Мы с сестрой Стефкой держались за руки, она совсем не хотела плыть на глубину (это только я ничего не боюсь). Ее рука была холодная и скользкая, она, словно вода, вытекала мокрой струйкой из моих пальцев. Наша старшая сестра Маня в воду ни за что не полезла, это еще и потому что она намного старше, а у взрослых все иначе. Мне иногда кажется, что у нее настолько серьезный вид, что она могла бы сойти за строгую учительницу. Сразу вспоминаю нашу польскую школу. Почему-то мне всегда было страшно, но и интересно. Однажды на уроке немецкого кто-то из лихих мальчишек назвал учителя козлом. Меня аж затрясло от ужаса. Никто не засмеялся, тишина вытянулась по струнке, мы ждали ответа учителя. Он молча подошел к нарушителю спокойствия и стукнул двумя пальцами его так, что слышен был щелчок. Но никто не в обиде. Я до сих пор помню все, что нам объяснял учитель. Я закончила целых 7 классов. Маня закончила только три. А моя мамочка даже читать не умеет...

25 ноября 1936-го года, дер. Лужки

Так тускло и холодно. Бардзо зимно сегодня, так все время говорила моя бабушка. Я начала дневник, чтобы писать о себе. Но что я могу написать о себе, если в семье несчастье?! Писать о добром и светлом несомненно труднее, все плохое оно само за тебя веером ложится на бумагу. Почти год я ничего не писала. Потому что и не нужно было. А сейчас...

Когда мама вышла замуж за моего отца, у него уже было трое детей от первой жены, которая умерла от какой-то страшной болезни. Мама

всегда их любила, как родных, а я почти не помню то время, когда жив был папа. Он слишком быстро ушел от нас, мы же по-прежнему здесь и сейчас. Я стараюсь не думать о том, что все уходит. Всё исчезает. Хотя я уверена, что ничто не растворяется без следа. Как же по-зимнему холодно...

Мама рассказывала, как ей было плохо, когда умер папа. Она не знала, что делать. Просто приговаривала: «Михась, приснись мне, научи, чем кормить детей?!» А чудеса всегда очень просты. В ту же ночь маме приснился живой и невредимый отец и посоветовал одолжить у соседей муки, чтобы начать печь булки и пироги для продажи. Так она и сделала. И мы выжили...

А сейчас тяжело болеет Стефа. Я сижу возле ее кровати, она все время спит и спит, как будто сквозь сон она разговаривает с Богом. Маня говорит, что от этой болезни можно умереть. К нам почти никто не заходит. Мы все время топим печку и все равно как-то холодно. Бедная Стефа часто просит пить. Только бы с ней ничего не случилось... Когда я, бывало, резала руку, мама дула тихонько на больку – и все тут же проходило. Где та ранка у Стефки?! Как ей помочь?! Боженька, вылечи ее, я знаю, ты можешь, ей всего 19 лет... Она стала такая худенькая и бледная, и все время кашляет и кашляет, становится все прозрачнее и прозрачнее. Надо думать о хорошем. Я знаю, наша Стефания обязательно поправится!

Жи-и-знь...

Звонит так тихо, тонко...

Ты только не порвись

При натяженьи перепонки.

И на высокой ноте невозможно жить –

Нечаянно сорвешься.

Всего два выкрика души –

И сон услышит, отзовется.

Я вижу прелесть увядающей игры,

И тереблю рукой осеннее оконце.

Лети ко мне связующая нить –

И дребезжи нежнее солнца.

30 ноября 1936-го года, дер. Лужки

Нашей Стефки больше нет. Она умерла от тифа. Как оголенные

нервы, звенят эти страшные слова. Последние сутки она уже ничего не просила, просто растворялась и становилась все светлее и бесплотнее. Не могу плакать. В доме темно. Я до сих пор слышу этот грустный и пронзительный колокольный звон...

3 декабря 1936-го года, дер. Лужки

Мне тяжело молчать в одиночку. Все чаще в такие дни я обращаю взгляд к небу. Сегодня долго-долго шуршала душа в Костеле. Когда я туда пришла, службы еще не было. Я молча молилась: люди и стены растворились в безмолвии, но мне казалось, что здесь тишина правильная. Я забываю о своей боли, совсем не чувствую времени, оно льется тихо-тихо.

Однажды летом я возвращалась домой, мне оставалось пройти совсем немного. Я была на Дисненской улице возле польского кладбища. Вдруг началась жуткая гроза. Все небо сияло страшным блеском: гром сдерживал свои раскаты – просто вспышка за вспышкой ослепляли черное небо. Небо никак не могло уснуть, оно горело ярким светом. Я заскочила в первую попавшуюся избу. Стояла на крылечке и наблюдала, как в этом неестественном свете мелькает наш огромный Костел. Он был таким величественным, как средневековый замок. Казалось, что там живет некая сила, которая сама решает, когда в деревне будет едва журчать дождь, а когда будет страшная гроза. Огромные черные вОроны всегда кружат над Костелом черной силой, но в грозу их не было. Непонятно, что нужно этим черным птицам – предвестникам печали возле нашего любимого храма?! Моя молитва перерастала в шаманский заговор на хорошее. И вдруг небо просветлело, «замок» мне подмигнул, и я побежала домой.

Ах, Стефка, Стефка... Я бы хотела, чтобы ты была сейчас со мной... Нет грозы... Нет тебя... Есть боль... Очищение... Много света... Боюсь ослепнуть...

19 сентября 1939-го года, дер. Лужки

После последней записи прошло 3 года. Наверное, эти года растворились очень легко, словно акварельная краска. Когда мне очень страшно, дневник будто бы сам просится ко мне в руки. Наступила совсем другая жизнь. Она как-то незаметно просочилась в воду времени. Несколько дней назад все потерялось для меня: я почувствовала себя сорняком на родной земле. Теперь в нашей деревне

много русских. Таких голодных злых людей я еще в жизни не видела. Одеты они настолько плохо, что мы им кажемся богачами. Каждый день кого-то арестовывают или высылают. Соседи готовы доносить друг на друга, внимательно всматриваются в наши лица, будто могут прочесть все потайные мысли. За что они нас так ненавидят? Я многое не понимаю во всех этих новшествах, кругом спуют чужие люди, у всех угрюмые лица, мне страшно... Еще до вторжения новой власти польские уланы в Кошарах разбежались, не оказав никакого сопротивления русским. И теперь они такие же обезумевшие от горя и нищеты, как эти русские; те, что вернулись к своим семьям, тихо ждут своей участи. Сегодня видела того пана офицера, который мне когда-то улыбался и писал в моем блокнотике, он был грязный и оборванный, смотрел затравленно мимо меня. Конечно же, он не узнал меня... Мы ложимся спать, не раздеваясь... Мало ли что может случиться... Сегодня у нас забрали последнюю курицу. Что будет завтра, не знает никто... Цо то бенде, цо то бенде... Здравась, Мария, ласкись пелна... змилуйсень над нами...

5 октября 1939-го года, дер. Лужки

Кто бы мог подумать, что даже дома будет страшно говорить по-польски. Множество наших лавочек и магазинов сбросили былые вывески, как маски, – по новым заголовкам приходится осваивать новый язык. Наша семья очень плохо говорит по-русски, да и по-белорусски тоже. У старшей сестры Яди муж – офицер; мама говорит, что им нужно срочно бежать, но куда? Мне кажется, что и Польши – той, которую мы знали и любили, больше нет... Сводный брат Юлись увлекся русской девушкой, никто не знает, чем это закончится. Мамочка совсем больная, и мне очень страшно остаться одной. Все шушукаются, по улицам ходят военные, люди прячут свое скромное имущество. Возле реки постоянно пасутся чьи-то лошади, мы с Яной не раз видели, как приходили в дома с проверками. А всего 4 года назад мы здесь собирали цветы, много молились с гарцерками. Гарцерства больше нет. Тайком храню гарцерский галстук. Вот и сейчас, дописывая эти строки, я молюсь. Кто бы мог подумать, что и молиться будет страшно. Я прячусь и даже губами не шевелю, читая молитву на людях. Только возле домика Янки я по-прежнему люблю спускаться к реке, там пока еще можно быть свободной. Возле реки медленно желтеют листья, здесь все точно так же, как много лет назад.

И вода в реке все так же медленно течет вдаль, унося мои тревожные мысли, одетые в золото и багрянец осени.

28 ноября 1939-го года, д. Лужки

Сегодня я видела, как вывозили семьи военных, в их числе оказалась и семья Яди, которая давно живет отдельно от нас. Наверное, уже никогда не будет прежнего мира, в котором вкусно пахли мамыны булки с корицей и дом дышал праздниками. Хотя и тогда иной раз бывало слишком голодно, но мама все время что-нибудь придумывала. Скрежет шин, шепот людей, неправильная речь – теперь мы все пытаемся говорить по-русски или по-белорусски. У нас нет выбора. Белорусы говорят, что без нас им жилось хорошо, а тут пришли мы, поляки. Наверное, так все и есть, но как же дружно мы жили, все были одинаково добрые, светлые. А, может быть, я просто не хочу принимать новую жизнь? Сегодня целый день идет обжигающий снег, вся земля усыпана белой тающей тревогой.

Сейчас наши Лужки относятся к Белоруссии. А ведь я ни в чем до конца не уверена. Говорить можно по-русски или по-белорусски. Два языка имеют примерно одинаковый статус. Местные богачи уезжают; видимо, боятся, что русские все отберут. Передо мной до сих пор лицо Яди, которую увозят куда-то (мы даже не можем предположить, куда, некоторые твердят, что только в Сибирь). Нам ведь ни о чем не сообщают, все это только догадки. Ясно только, что семьям военных находиться здесь не положено. Я уже говорила, что все разбежались, а, может, арестованы или высланы. Полная суматоха. В глазах – растерянность, страх и промозглая безысходность. Спасают самое ценное и легкое по весу. Даже теплые вещи не успели упаковать. Дочка Яди Галинка расплакалась, потому что ей не дали взять любимую куклу. Потом все же один из русских солдат сжалился и протянул игрушку девочке. Малышка успокоилась, но ее мама начала рыдать. И небо все плакало и плакало мокрым снегом. Хотелось всех укутать и согреть. И самое ужасное, что в этот момент еще и мародеры появились. Золото, серьги, дорогие шкатулки – все это горестно летело вниз, на дорогу. А нам приходилось отбиваться от злых людей. Я молча смотрела, как их увозили. Когда я теперь увижу свою сестру и своих племянников?! Мужа Яди арестовали и увезли в Березбечче. Что будет с ним, как она сможет прожить на чужбине с тремя детьми?! Поцеловала ее мокрое лицо... Попрощались без слов.

1 декабря 1939-го года, дер. Лужки

По вечерам все сидят дома, гулкие шаги и сдавленные рыдания доносятся с улицы – сквозь шторы со страхом выглядывают люди, чтобы тут же их одернуть и сделать вид, что ничего не видели. Мамину двоюродную сестру Анну и ее семью тоже снарядили в дорогу. Она учительница, он военный, двое детишек. Я сама слышала, как им русский солдат (а, может, и не солдат, я не очень-то разбираюсь в военных знаках отличия, ясно было, что ему поручено выполнять приказание) посоветовал спрятать ценные вещи в игрушки. Помогал паковать теплые вещи. Никогда не поймешь, кто хороший, а кто плохой. И все эти вещи... Детские игрушки, накрахмаленные кофточки, сапоги, занавески – все это лежало в общей груди. И ведь понятно, что сапоги долго не залежатся, вот к ним тянутся руки... руки своих же односельчан, которых обошла стороной разлука с родными местами. А вот лежит белая кофточка, та самая кофточка, которую я вышивала моей тете. Когда-то своей вышивкой я даже неплохо зарабатывала... Кто бы мог подумать, что скоро вышивка будет не нужна...

Я тоже хотела уехать, улететь, убежать, уползти... Но как всё бросить?! У мамочки больные ноги, я не могу ее оставить здесь одну.

15 марта 1940-го года, д. Лужки

Каждая новая дневниковая запись все безрадостнее и безнадежнее. Оказывается, бывают трудные времена, а вновь последующие становятся еще хуже. Очень тяжело наблюдать массовое перемещение, у нас в доме даже крыс не осталось – так тут голодно. Кто бы мог подумать, что наш маленький домик, в котором разместилась вся наша большая семья после пожара, покажется теперь огромным? А сейчас нас называют зажиточными поляками (кто бы мог подумать?!), мама сама решила перебраться в маленькую баньку на огороде. К тому же семья вовсе не такая большая. Даже незамужняя Маня уехала в Вильно, уехала вскоре после вывоза польских семей. Долгое время от нее не было никаких вестей, позже прислала маленькую записку, ее за что-то арестовали, а потом выпустили. Я ничего не понимаю. Наш Юлись все-таки женился на той русской и уехал в Москву. Как он теперь? Связующая нить так тонка и непрочна...

Остались только мы с мамой. Она ходит с трудом, куда-то везти ее было бы немислимо. Почему-то в жизни стало мало красок – все

тусклое и серое. Мартовское небо не подпускает к себе, сквозь него ничего не видно. Серый снег не думает впускать весну в деревню...

Наверное, у меня тяга к языкам – я уже сносно могу изъясняться по-русски, знаю немного и белорусский язык. Дом, построенный после пожара, стоит пустой. Мама боится туда переходить, говорит, что нас оттуда все равно выгонят. Ко всему человек привыкает. Мы так и живем на той же Вейской тихой улице, что расположилась вдоль реки Мнюты. Из моих друзей осталась только Янка. Мы с ней вместе стали свидетелями тех событий в сентябре. А сейчас центральная улица Лужков уже переименована, теперь так и зовется – 17 сентября (если бы не это название, я бы не вспомнила, какого числа пришли перемены).

8 июля 1941-го года, д. Лужки

Сегодня мой день рождения. Уже 26 лет. И в этот день я должна написать, что началась война. Я не писала об этом раньше. Как-то онемело все вокруг, и я вместе со всем живым. У нас не стреляют, война какая-то растворимая – где-то там, но от этого не менее страшно. У нас нет ни радио, ни газет, но все же плохие новости доходят быстрее хороших. Я не знаю, чем нам это грозит. Мужчин в нашем доме нет: забирать на войну некого. С провизией все хуже и хуже. Я и так не помню время, когда мы ели досыта. Сегодня мама испекла мне пирог из бобов. Вообще у нас бобы на завтрак, обед и ужин. Уродились в этом году. Когда мамочка ставит котел с бобами в печку, мы ждем еды, как чуда – в печи они разбухают, и каждый щекастый боб спасает нас от голода. Господи, ты уже наизусть знаешь все мои молитвы. Пусть все будут живы... (даже восклицательный знак боюсь ставить). А жизнь все еще звенит так тихо... тонко... У меня нет ни мужа, ни детей. Война...

5 марта 1942-го года, д. Лужки

Весь прошлый год нас не трогали. Мужчин в деревне почти не осталось – всех забрали на войну. Некоторые (те, кто сумели остаться в деревне) выслуживаются перед немцами. Все хотят жить. Я ищу чистое небо. В школе у меня были хорошие оценки по немецкому языку, вот и пригодились знания. Я никак не могу понять, за что немцы так не любят евреев. Я всегда считала германцев культурной нацией, многие странные идеи мне просто не дано понять. Помню, учитель немецкого как-то процитировал нам какого-то их философа, читал нам какие-то

отрывки. Тогда мне казались такими странными мысли того философа, что-то было про сверхчеловека и про то, что простой человек растянут над пропастью, как канат. Я думаю, у любого человека есть предел прочности, и он не может служить канатом между жизнью и смертью. Какие тут канаты?! Все нити так непрочны и зыбки...

У моей Янки черные густые волосы, как у мудрых воронов, кружащих над Костелом. Когда уводили всех евреев, ее тоже хотели забрать (как говорили – на работу, но мы-то догадывались, куда их везут на самом деле), очень уж она на еврейку похожа. Спасло ее только то, что кто-то крикнул, что она в польскую школу ходила. А вот моя внешность вполне сойдет за арийскую (я знаю, что немцы любят только светленьких): светлые волосы и голубые глаза. Один немец обратился ко мне, тоже спрашивал, не еврейка ли моя подруга. Я ему ответила по-немецки (даже моих знаний хватило). Тот был крайне удивлен моим познаниям в немецком, зато Янку мою тут же отпустили.

Прямо возле книжной лавки в центре поставили виселицу. Никогда не думала, что буду спать в такое время.

30 мая 1942-го года, дер. Лужки

Боже! Езу! Уфам тебе! Верую, верую, верую! Прищуриваю глаза и вижу всё случившееся с нами повторенным тысячу раз. В замедленном темпе... Теперь, когда уже все позади, сердце никак не может уняться. Я уже начинала думать, что мои молитвы не доходят... туда. Совсем недавно нам с Яной довелось испытать полный ужас. Нас чуть не угнали на работу в Германию, приняв за евреек. Не думала, что и моя золотистая белость может оказаться не той мастью. Я даже не успела к маме забежать. Нас схватили, заорали, что прячутся еще две жидовки. Со всех сторон раздавался плач и крики, немцы прикладами утрамбовывали грузовую машину. Воспользовавшись заминкой, я потянула Янку за руку, и мы спрятались возле развалин бывшей Синагоги – это на Мельничной улице. Как ни странно, нас хранил еврейский бог. Мы всю ночь просидели в крапиве, боясь шевельнуться. Никогда не забуду этот ужас. Не понимаю, как хватило смелости вообще выпрыгнуть из машины. Терять-то на самом деле было чего – могли тут же расстрелять беглянок. Нам повезло... Нас просто не заметили... Как две крапивки, сидели и тряслись. А ночью выбрались и пошли вниз по Мельничной – к мосту и мельнице. До сих пор помню этот зловещий скрип возле мельничного колеса. Там такой красивый

вид... Но только не сейчас... Даже не понимаю, чего нас понесло вниз к реке. Умылись и расплакались. Долго сидели на берегу, обнявшись.

7 июня 1942-го года, дер. Лужки

Мне кажется, что небо летом никогда не было таким пепельным. Я устала от войны...

14 мая 1943-го года, дер. Лужки

Жили-жили и... дожили. В том доме, где когда-то обитали мои сводные сестры и брат, теперь «прописались» немцы, у них тут что-то вроде штаба. Со мной обращаются очень учтиво, даже предлагали перебраться в большой дом. Интересно, какую комнатку они бы нам выделили? Нет уж... Нам с мамулей неплохо живется и в старой баньке. Самое ужасное то, что немцы с нами обращаются даже лучше, чем те русские, что вывозили польские семьи из деревни. С утра ходят в своих полосатых трусах, тела бледные и рыхлые, как у свиной, какую-то радостную зарядку делают. Хотят зарезать курочку, приходят спрашивать разрешение. Можно подумать, у нас есть возможность отказаться. Я уже стала забывать свой родной язык. Не с кем здесь теперь «мувить по-польскому». Опять же не знаешь, кто плохой, а кто хороший. Говорят, в нашем лесу прячутся партизаны. Наверное, это безумие вести записки в такое время. Но раньше никто не интересовался моими записями... Кто я такая?! Моей вышивкой интересовались чаще...

30 июня 1943-го года, дер. Лужки

Вчера снова искали евреев. Кажется, их уже не осталось в нашем местечке. Всякий раз, когда назревает новая волна поиска евреев, – оказывается, что еще кто-то уцелел. Чудовищно звучит: уцелел для того, чтоб его расстреляли. Думаю, под горячую руку попали не только евреи, а те, кто на них похожи, в таких случаях никто не разбирается. Так же, как тогда нас с Янкой...

Одну девушку прятал наш знакомый (не буду называть его по имени). Но кто-то сообщил еще об одной еврейке... Я видела, как тащили ее за распущенные волосы. В ее глазах уже не было никакой жизни: она знала, куда ее волокут. Жалко соседа... Он так ее любил.

А я... я не могу думать о любви. Скорей бы все это закончилось... Когда уйдет война, настанет время тихой и долгой любви.

21 марта 1944 года, дер. Лужки

Уже 44-ый год, а война все не заканчивается. Странно, но слово «война» звучит очень похоже на «весна». А ведь весна идет, даже если все умрут, за зимой будет вечная весна. И ты идешь удрученный грустными думами, но невольно вскидываешь голову вверх, слышишь просыпающуюся жизнь и начинаешь верить в лучшее. А потом забываешь, что жизнь идет своими тропинками... Не получается согреть весну своим дыханием...

Сегодня поймали партизанку: какая же она молоденькая. Мне показалось, что ей лет меньше, чем мне. Ее приводили в наш дом, тот самый дом, который когда-то был нашим. Я видела ее издали. Она замерла на миг, как будто смотрела на меня. Слышала, как говорили о ней, что она очень опасна, и немцы ее давно искали. И вот теперь ее будут водить в мой дом на допросы. А я... Я вполне себе жива, со мной ничего плохого не происходит. Всего боюсь...

23 марта 1944-го года, дер. Лужки

Сегодня немцы кинули русскую партизанку в нашу пивницу (я никак не привыкну к новому слову «погреб»). Помню, как-то спустилась туда и увидела огромные хвосты крыс, сидящих на полке, это было ужасно. Там темно и сыро. Просидеть несколько дней – тут же начнется болезнь. На ней был тулуп, ей разрешили его оставить. И все это рядом с нами... В нашем погребе еще есть немного картошки и огурцы в банках. Вчера я подошла к погребу; немец, который охранял партизанку, любезно улыбнулся и спросил, чего желает пани. Я объяснила ему по-немецки, что хочу взять картошку и банку огурцов из своего погреба. Удивительно, что сам он не пошел. Я спустилась и похолодела. Партизанка сидела на ящике в полной темноте. На всякий случай я взяла для нее вареной картошки и хлеба (как будто чувствовала, что смогу туда зайти). Это все, что я вообще могу сделать. Ни слова не говоря, я сунула в ее ледяные руки теплую картошку, которую пронесла в кармане. От картошки тут же заструился дымок пара – вовсе не потому что она была такая горячая, это просто настолько холодно здесь, как в могиле. Страшное сравнение пришло случайно. Измученная женщина ничего не сказала, лишь молча кивнула. Я шепотом спросила, как ее зовут. Вначале она молчала, я думала, что она боится говорить со мной... Но вы бы видели эти глаза... Я никогда

не видела таких глаз. В них была не решимость, не бесстрашие, а вера в свою правоту и какая-то нестигаемость. Она назвалась Настей Бельской. Я подумала: «Как же я слаба против нее...» Ничего не могу сделать. Господи, сделай так, чтоб ее отпустили... Зачем я вообще об этом пишу – это все очень опасно, и я вовсе не такая мужественная, как эта русская партизанка. Почему-то мои молитвы последнее время повисают в нашем безграничном небе... Но я все равно молюсь: «Матка боска, змилуйсень над нами...» В этот момент немец забеспокоился и стал просить, чтоб я поторопилась. Перекрестивши ее, я поспешила наверх по узкой лестнице.

5 апреля 1944-го года, дер. Лужки

Настю Бельскую неделю назад перевели в другое место, я точно не знаю, это где-то в районе Городца, скорей всего, туда, где чудный графский дом и парк. В этом парке всегда темно, настолько густо посажены деревья, а внизу извилистая лента убегающей Мнюты. Я кормила эту пленную девушку, чтобы поддерживать в ней жизнь... Я помню, как истерзана была эта хрупкая партизанка: на лице ссадины, запекшаяся кровь; не представляю, как можно так бить женщину. И все равно я никогда не видела таких ясных и уверенных глаз. Я ни в чем не уверена, очень боюсь потерять свою маму. А совсем скоро зацветут подснежники. Это было самое любимое время года... Когда-то...

16 апреля 1944-го года, дер. Лужки

Сегодня её расстреляли – Н.Б. (инициалы написаны неразборчиво). Прямо там, в Городце, возле парка и красивого белого дома с колоннами. Сколько же ей было лет – 20, 22, 25?! А мне уже 29 лет, и все еще есть надежда на тихий звон жизни...

Чтобы казнь выглядела еще более устрашающе, согнали жителей с соседних деревень... Пусть все видят, как расправляются с партизанами. Она так гордо шла на расстрел. Я все прокручиваю ее последние слова: «Вы все ответите за меня». Видно было, что немцы ее боялись. Как только она это произнесла, они все забегали. И только потом я поняла, как сильно они ее боялись... Вот эту тоненькую изможденную девушку.

21 апреля 1944-го года, дер. Лужки

Немцев в деревне больше нет. Настя Бельская совсем чуть-чуть

не дожила до освобождения... Удивительно теплый апрельский день. В руках подснежники и надежда на тишину. Просто хочется лесного спокойствия, того, которым я всегда дышала в нашем гае. Когда я зашла в лес, то удивилась прозрачной тишине, по-довоенному свежей тишине. На мгновение я поддалась обаянию весны и вдохнула приятный воздух, забыла о тревожном времени. Пусть на миг...

Немцев в наших Лужках больше нет, но люди пока не научились чувствовать себя в безопасности. Короткими перебежками носимся в нужные места, стараемся быть поближе к дому, как будто там уберечься. В нашей деревне почти не осталось евреев, а какие это были уважаемые люди! Каким-то чудом уцелел только Цепелевич. Просто везучий, видимо...

Наконец-то тепло. Снова оттаяла наша огромная лужа. Говорят, она в Лужках была всегда. Наверное, и название нашей местности именно благодаря этому морю разливанному, а вовсе не потому, что у нас много лужаек.

10 мая 1945-го года, дер. Лужки

Господи! Долгожданная Победа. Хочется кричать, петь, жить, любить... Жизнь звенит так тонко... Жизнь смеется звонко...

8 ноября 1948-го года, дер. Лужки

Даже не верится, что прошло столько времени. Давно (всего 3 года, но это очень давно!) кончилась война. Живем так же бедно, хоть и свободно. Я работаю в нашей Лужковской больнице сестрой милосердия, работать начала вскоре после войны в 1945-м. Мирная жизнь засосала, некогда описывать обычные трудовые будни. Уже прохладно, а у меня по-прежнему нет теплого пальто. Вот они мечты послевоенные! Я просто мечтаю о красивом и теплом пальто. Ношу фуфайку в те моменты, когда уж слишком холодно на улице. Но сейчас как-то стыдно ходить в фуфайке, бегом в кофточке туда и мигом – назад: так и заболеть недолго. Но это все ерунда – закаленная я. Моя сестра Маня так и осталась в Вильнюсе, по-прежнему живет там одна. Был у нее любимый, звал ее в Англию, но она наотрез отказалась туда ехать. Живет скромно и скучно в одиночестве. Остальные родственники разбежались по свету: Ядя, моя двоюродная сестра Анна вроде бы все еще в Казахстане (позже выяснилось, что их туда вывезли), мужа Анны расстреляли, а Ядин муж сумел добраться до семьи в Семипалатинск, а Юлись так и остался в России. Я верю, что

когда-нибудь они смогут вернуться. Ездил в Вильнюс навестить Маню, пальто пришлось отдолжить у Янки. Она одна из немногих оставшихся рядом со мной после всех этих событий. Нам уже по 33 года. Обе незамужем. После войны осталось так мало мужчин... А свой детский блокнотик с пожеланиями я не забросила, теперь это документ, свидетельствующий о том, что когда-то здесь мы жили при Польше, хотя у меня там есть и записи по-русски: «Жди меня, и я вернусь». Кто-то во время войны мне оставил эту записку. Заметив, что это очень важные стихи...

Теперь мы давно все советские граждане. Господи! Сделай так, чтоб я не осталась одна! Яна такая красавица и тоже одна, чего уж говорить обо мне... Надеюсь, Боженка услышит нас! Уверена: она тоже хочет семью.

10 августа 1950-года, дер. Лужки

Кто бы мог подумать, что всего через год после последней записи я выйду замуж. Заметила, когда случаются хорошие события, их совсем не хочется описывать... Мой муж моложе меня на 5 лет. Также поляк из ближайшей деревни – Савлуки, зовут его Болеславом. По странному стечению обстоятельств он еще и отличный портной. Он сшил мне пальто – первое в моей жизни пальто! Правда, я никак не могу заставить себя носить его каждый день. Теперь я работаю в продуктовом магазине на Дисненской улице и зимой бегаю туда без пальто. И никак не могу привыкнуть к тому, что не будет голода, все равно готовлю всего впрок. Моя подруга Яна тоже вышла замуж. Только мы с ней больше не дружим. Вернее, она со мной. Она познакомилась с моим Болеком раньше меня, оказывается, он ей нравился. Я и сама была удивлена, что он обратил внимание на меня, а не на нее. Надеюсь, это ненадолго, мы с ней такие давние подруги. Хочется, чтобы мы помирились. Всю войну вместе были...

1 июля 1951-го года, дер. Лужки

Я так редко пишу сюда, поскольку все дни заполнены обычной дневной шелухой, так мало остается времени на писанину. Кроме того, все дни одинаковые, как картошка, что их описывать? Вот сейчас я смотрю на свой сад, много тигровых лилий, зелени. 6 июня родилась моя доченька Марийка. Жизнь идет вперед, и я вместе с ней. Мой дневник теперь пустеет за ненадобностью. И все-таки пусть живет... Свидетель моей жизни. Не знаю, буду ли я в него еще что-то писать...

Жизнь идет такими быстрыми шажками вместе со мной, я едва поспеваю за ней.

*Жизнь зовет так тихо, звонко
Ты заведи меня в цветник,
Где вечно слышен смех ребенка,
Где радуется живой родник и солнце.*

* * *

На этом месте дневник моей бабушки Элижбетты обрывается... Странички за это время немного выцвели, где-то размылись чернила и придали некоторую акварельность бабушкиным заметкам, но от этого они стали еще более живыми и настоящими. Кстати, на том месте, где расстреляли Анастасию Бельскую, есть могила с ее датами рождения: на самом деле она была моложе бабушки – ей было всего 24 года. Улица, на которой жила бабушка, теперь носит имя Бельской...

Моя бабушка прожила долгую жизнь, которую она не стала ронять на бумагу после замужества... Несмотря на то, что вышла замуж в 34 года, она успела родить и воспитать четверых детей. Жизнь ей готовила много спешки и остановок. Есть люди, которые не умеют медлить, они всюду спешат. Ее постоянные пробежки куда бы то ни было ускоряли жизнь: она как будто чувствовала, что последние годы для нее будут без движения – она прожила 10 лет без ноги, лежа на кровати. Ее муж ушел из жизни в 53 года, могла ли она подумать, что переживет его на 16 лет?! При этом ни одного упрека жизни я от нее не слышала. Она продолжала читать, начала вести исторические записи на польском, которые я так и не сумела расшифровать, и много вышивала. Удивительно, но вышивка ее спасала и в мирное время – это было одно из немногих занятий, которое помогало скоротать время без движения. А свое бежевое полупальто (бабушка не указала, что оно было коротким) она так и не носила. У моей мамы оно долго висело в шкафу, пока его не обнаружила я. Пальто, как ни странно, не только подошло мне, но и очень понравилось: такой покрой всегда будет вне моды. Дедушка был очень хорошим портным: он даже сапоги шил. Ни разу в пальто не оторвалась ни одна петелька, не разошелся ни один шовчик, так прочно и крепко сшита в нем жизнь и судьба моей бабушки... Наверное, она все знает и чувствует, внучка бережет не только пальто, но и память о ней.

* * *

Как я узнал, что ты сойдешь с ума?
Тебя красивей не было под небом,
когда впервые я тебя увидел –
Любовь меня накрыла как волна.

Мне очень нравятся поломанные вещи,
и всякие бракованные штуки.
Я думаю зачеркнутые мысли,
и делаю неловкие поступки.

Как я узнал, что ты больна?
Я глаз не в силах оторвать
от твоего лица, твой голос гулким эхом
в колодце сердца не находит дна.

Я не люблю законченный рисунок,
Мне нравятся неправильные формы.
Я бы хотел читать стихи актрисам
плохого порно.

Как я узнал, что ты обречена?
Ты – самый чистый звук гитары,
в которой, через несколько мгновений,
со звоном лопнет первая струна.

* * *

я бы хотел догнать свою жизнь, как раненую кобылу,
вынюхать ее страх в траве, ее голос в моей голове
сбить ее с ног, разорвать ей плоть, оторвать ей зубами гриву,
смерть её, боль её, грязь её, кровь её, воронья,
бить её, жрать её, переломать её,
мать её, все моё, все – мне.

а, опомнившись, перед трупом упасть на колени,
обнимать тушу лапами, плакать и выть в безлунье,
по которому ветры бегут, как северные олени,
и в котором, как и во мне, не будет ни чувств, ни ума, ни безумия,
ни смерти её, ни боли её, ни грязи её, ни крови её,
ни воронья, ничего от жизни моей.

МИНИАТЮРЫ

Бог дал – бог взял

У нашей пожилой соседки умер кот. Сказать “сдох” о домашнем любимце безвредной старушки как-то язык не поворачивается. Ну, все мы там будем, бог дал – бог взял, земля ему пухом и прочее, и прочее... Хоть кот при жизни был и подлец, но добрая женщина решила предать тело земле по христианской традиции. Тело было загружено в средней паршивости сумку – саван, и в помощь вызвана подруга, близко знавшая усопшего. Скорбная процессия уныло потекла с лестницы, но, от внезапно свалившегося горя и естественной возрастной рассеянности, наши старушки позабыли в квартире лопату и свечи – неперменные атрибуты кладбища, и, чтобы не таскать жирный труп вверх-вниз, оставили сумку внизу у лестницы. А надо вам сказать, райончик, в котором происходило дело, имел заслуженно гниловатую репутацию... Короче, через минуту милые женщины сумки внизу не обнаружили... Поперли, значит, баульчик лихие люди. Вот она – воровская удача! Тут и Станиславский не смог бы сыграть удивление и ужас вора, заглянувшего в украденную сумку! Под впечатлением жулик оставил раскрытую торбу за углом ближайшего дома, где ее и нашли ошалевшие от горя и ужаса женщины.

Чтобы успокоить нервы и достойно проводить любимца в иной мир, наши героини решили взять “маленькую” в ближайшем лабазе. Ходить с телом в магазине им показалось и тяжело, и кощунственно, поэтому многострадальная сумка во второй раз оказалась у дверей без присмотра. Надо ли говорить, что выйдя из лавки, обалдевшие страдалницы опять не обнаружили “гроб покойного”. И снова беготня и бестолочь, опять нервы. А сумка опять за углом, на этот раз – магазина.... Но кота все же похоронили, а водку выпили. И воры навсегда запомнят этот день!

Сермяжные щи

Сегодня в обед пробудилось во мне что-то до боли сермяжное, лапотное, заговорил, б..ь, чернозем в крови! Захотелось кислых щей с ломтями местного ситного! Ирка на время была понижена в звании до “мелкой прислуги за все”, за свои русофобские польские корни и за полное незнание сакральных таинств русской кухни. А дальше началось безумство: с воем горели все четыре конфорки, сверкали ножи, интимно багровела морковь, в стороне бледнел корень петрушки. Потрескивали от жара глиняные бока горшка. Исходила кислым капуста в жерле духовки, из-под приоткрывшейся крышки кастрюли в изнеможении вылезали вываренные копченые ребрышки... И, среди всего этого – я, в адской жаре и пару, с бокалом пива и грозным взглядом василиска! Лицо от густого пара было багровым, как шапка кардинала, как жаркий андалузский томат, как цветок страсти, как кровавая испанская коррида! Пот, как южно-африканские бриллианты, на полках De Beers искрами отражал нестерпимый свет ламп. В паузах между глотками я все импровизировал и импровизировал... От живота, с треском нарезал неровные толстые краюхи грубого черного хлеба, и подал их прямо на разделочном дереве. Пизанской башней кривился столб темных мисок... Тускло серебрилась куча огромных ложек... И никаких салфеток! Пусть утираются рукавом... Аминь.

Святослав Берг

ПОМИНКИ БЕЗ ПОКОЙНИКА

Отрывок из повести «Наследники»

– Это здесь! Точно говорю, мой нос покойника чует за версту.

– А на вывеске сказано, что это «Госкино». Государственное учреждение, значит. А у государства покойников не бывает...

– Много ты понимаешь, Иван! Все государственные мужи – покойники. Только вид делают, что живые. И ничто человеческое им не чуждо...

Четверо бомжей, словно дрожащие тени, осторожно крадутся к забору, за которым величественно выступают контуры дачи самого Бас-Басова...

Тишина стоит окрест ветхая, вся в прорехах, сумрачно-тревожная. Кажется, ни души вокруг, ни живой, ни мертвой... Финал, что ли?.. И что же, вот так просто и быстро пришел конец всему, и кончились, не разгоревшись, мучения некогда такой веселой и нарядной, такой богатой и щедрой дачи? Кончились мучения сих заповедных мест, семьи и дома... Не может такого быть, потому что все и вся тогда бессмысленно, непонятно для чего и зачем...

Под забором не дремлют четыре стражника – дворняга Арон, овчарка Рекс, бесхвостый азиат Патрик и королевский пудель Алонсо. Собаки чуют, что с той, наружной стороны забора кто-то крадется на их территорию... Они понимают, что много есть на свете желающих проникнуть на поминки, чтобы выпить и закусить задарма. Вон, четверо бродяг уже покушаются на священную частную собственность! Ни молвы не надо, ни приглашений не требуется, они все и всегда знают наперед: где, кто, когда и как помер, но главное – где и как накрыт поминальный стол. А юбилейный стол Бас-Басова и накрывать заново не надо, он стоит на веранде в саду нетленно и хлебосольно, благоухая дарами кухни и огорода! Да разве могли «аристократы духа» съесть и вылакать все прелести праздничного стола, который ныне превратился в тризну...

Четверо калитку открывают уверенно, идут дружно и смело, достойно несут свою бедность. Понимают, где стол был яств, там гроб стоит, и что приготовлено с любовью хозяйскими руками, должно быть с благодарностью съедено и выпито. А особых приглашений на

поминки не требуется. Тут все сами знают, как устроиться и сколько выпить. Главное, не лезть на глаза родственникам усопшего. А тут, в «Госкино», кажется, никаких родственников нет. Из всех посторонних – родственники нежелательны в больших количествах. Хорошо, когда нет заплаканных и постных физиономий. Без них веселей...

– Здесь это, я что говорил! Вон, от обилия заморских плодов столы ломаются!

– Теперь и я вижу, что здесь...

Четверка дружных псов оторопело смотрит на четверых бомжей, и не решается предпринять против них активные действия... То ли жалостью прониклись сердца охранников, то ли убогий вид пришельцев поверг их в смущение...

– Вань, глянь, какие псы ждут нас! – Единственная женщина среди бомжей, истощенная, с испитым лицом дама, в возрасте, с курительной трубкой в желтых зубах, поправила на талии широкий армейский ремень, на котором гордо пучил живот довольно дорогой кошелек, в котором хранилось всего лишь три металлических рубля.

Муж ее, Иван или Ваню, как они его называли меж собой, мужичок был маленький, неказистый, лет этак под 70... Бритая голова его болталась на тощей шее, словно бурдюк с вином. И вот этот бритоголовый карлик без тени робости подошел к залегшим, словно перед прыжком, собакам и нежно сказал им:

– Милые друзья! Простите нас, что без приглашения, но христианская мораль предписывает нам выполнить наш долг, помянуть усопших отца и сына, то есть вашего Хозяина и его родного сыночка Аввакума. Аввакума вы, конечно, не знали, он тихо и мирно жил в Покровском. Священник он, поп... Ну, и как, разрешаете нам помянуть усопших?

Азиат Патрик первый поднялся, обнюхал ласкового карлика и лизнул ему руку. Следом подошли трое других... Знакомство состоялось. Псы приняли карлика в свою компанию...

– Ваню, замолви за нас словечко! Не покусает?

– Что-то ты, Жора, сдаешь позиции лидера...

Тот, кого назвали Жорой, мужик наиболее из себя видный, с внушительным облысевшим черепом и густой черной бородой, засмеялся довольный, обнял за плечи супругу Ваню, и весело пропел густым басом:

– Лидер – не диктатор, я всегда слушаю общество. Твой Иван

сегодня проявил чудеса находчивости, и я рад его инициативе. Ты не подавляй, Хавронюшка, муженька своим авторитетом, он будет настоящим твоим защитником! Как ты, Жека, согласен?

Рыжий Жека, он же – Евгений Сутягин, пожалуй, самый молодой из четверки – лет ему было не больше сорока, габаритами не уступающий Георгию, но менее вальяжный, какой-то серый, неприметный и рыхлый телом... На вопрос товарища ответить сразу не смог, хотя и предпринял некоторые усилия раскрыть рот. Молчун, должно быть, этот Сутягин...

Решив проблему с охраной полюбовно, четверка бомжей решительно двинулась к столу...

– Это – дача большого человека, как минимум генерала...

– Точно, Ваню, героя Кавказской войны. У него еще супруга очень, ну очень молодая особа! Знаменитая актриса...

– Давай, Хавроня, наливай по стаканам водочку. Вон ее сколько – графины, бутылки, ящики! Стой, братцы, «конина» есть. Наверняка из Парижа – «Мартын, Бурбон либо Луи Наполеон»!

– Не зря приезжала дама из Парижа, первая жена Хозяина! Богатая баба, о ней говорили, что её дочь София за Попандопуло замужем! А Попандопуло, как известно, компаньон наших толстосумов Тарабукиных... – Хавроня, просвещая товарищей, ловко разлила по стаканам коньяк, расставила перед каждым по тарелочке с салатами, копченостями и пирогами. Подняла высоко свой бокал...

– Вином, Хавроня, поминаешь генерала? Не положено! – бритоголовый карлик Ваню, муж Хавроньи, почувствовав тягу к лидерству, говорил с женой без обычного уничижения...

– Правильно, Иван! – Георгий весело хохотнул, хлопнув приятеля по спине, и провозгласил: – Помянем, братцы, отца и сына Басовых! Пусть земля будет пухом... Не чокайся, Жека, балда, на поминках не чокаются. Выпей молча, а то разговорился – два раза сказал «у», а сейчас чуть ни фразу из двух букв – целое «ну!»... А дальше-то что? «Ну, вздрогнем?»

– Что ты к нему привязался? Жека молчуном был, молчуном и помрет. Такая его планида... – Хавроня тяжело вздохнула: – А закусточка – пальчики оближешь. Зелени всякой навалом, деликатесов не сосчитать, а уж мяса – никогда в жизни не доводилось столько видеть... – Отпила из рюмочки глоток. – Все ж помолиться сперва не мешало, потом закусывать. А то ведь и по шее наkostenять могут

всякие «Тарабукины». Они, Тарабукины все видят, мерзопакостные, зрят в оба... И старший, и младший, и их Попандопуло тоже не дремлет...

– Не бойсь, Хавронюшка! Теперь твой Иван тебя защитит от всякой нечисти. Вон как мужик преобразился!.. Глянь-ка, свора собачья лежит у его ног, и выполняет всякое его желание...

– Так что же, Жора, конец твоей карьере лидера?

– Выходит так. Но я не в обиде, пора отдохнуть от забот...

– Так кого мы помянули, отца Аввакума или Апполинария Басова?

– Вот как бывает, мужики: на смертном одре встретились отец и сын... после долгой разлуки. Поп-то из Покровского оказался родным сыном Бас-Басова, нашего генерала... Люди бают, отец Аввакум успел причастить отца родного перед смертью. Очистил душу старого женолюба от грехов, взял на себя груз его ошибок и заблуждений... Ан сердце не выдержало, и отдал Богу душу молодой еще отец Аввакум... У него еще попадья тоже очень ну очень молоденькая девочка... Впрочем, как и у самого Басова. Ей, видать, было совсем мало годочков, когда отправилась на погост...

– Отравилась, бедная! Знать, любила старого мужа... Как Мария Кочубей старого, мерзкого старика Мазепу!

– Да, мужики, чего не бывает на свете. Ну-ка, Жека, расскажи анекдот про Владимира Ильича! Что перед смертью завещал наш вождь и учитель?

– Гм, – прочистил горло Евгений Сутягин...

– Его не дожدهшься, лучше я расскажу, – Хавроня перехватила инициативу. – Итак, братцы, умирает наш Ильич, весь при смерти. Иосиф его спрашивает: чего завещаешь, отец родной? Какова последняя твоя воля, дескать. Ильич на полном серьезе, с хитрым прищуром глаз отвечает: как умру, отрежьте мне этот, как его, некий орган, как бы покультурней выразиться... Короче, Иосиф и еще один член Партии, Калиныч, кажись, искренне удивлены: как так, как так, дорогой наш Леонид Ильич...

– Причем здесь Леонид? – Иван легонько шлепнул жену по спине.

– Ой, виновата: Володимир то был... Хитер и умен мужик! На вопрос друзей лукаво отвечает: А вот придет на мою могилку Иудушка Троцкий и скажет – «Ленин умер, ну и хрен с ним!» И опять будет не прав! Не прав будет, то есть, ха-ха.

– И я говорю ха-ха три раза!

– Хватит смеяться, здесь поминки все-таки...

– Смеяться разрешено лишь на собственных похоронах!

– Други! Раньше бывало как? – спотыкаясь, заговорил Рыжий Жека, и все друзья его мигом умолкли. – Раньше бывало так: идешь утром на работу и думаешь...

– Ну-ну, поживей думай, мыслитель!

– Думаешь: кружку пива купить или пачку «беломора»? Всю рабочую смену стоишь и мучаешься... Вот задача, так задача... Закончил смену и бегом к пивному ларьку. Пивка хлебнул, папирос нету! Папиросы купил – пива нету! Вот проблемы, так проблемы... Не то, что у Ленина... Язык ему отрезать надо...

– Да уж, нынче проще – держи нос по ветру! Как тока где-то гроб несут или криком кричат по усопшему, значит поминки будут. И тут, други мои, не зевай! Вот как сейчас, повезло аль нет? То-то, что повезло. И водочка, и «конина», а вон еще и сигареты, пачка «Марльборо»... Забыл какой-то хмырь...

– Хорошо-то как! Идиллия: соловьи поют, лягушки квакают, солнышко светит ясное, сад благоухает, собаки охраняют... А почему? А потому, что мы – люди, у нас понятие имеется... Мозги наличествуют! Человек – царь природы, венец Господнего творения...

– Я вот все думаю, Иван... Возьми человека, любого... Жил-был, ума и добра наживал, страдал, мучился земными муками, и вдруг: бац и преставился... Ну и кому?..

– Что кому, Хавронья?

– Да богатство-то это. Деньги, дача, труды тяжкие и великие, ум и статус почившего, опыт его и знания! Куда девать? С собой никто ничего не унесет... И ведь у каждого из нас своя железобетонная система взглядов на сущий мир, на баб-с и прочее...

– Мысли гуляют, чувства бродят...

– Мысли пуцай гуляют, а чувствам нечего бродить... Беда может грянуть... – Не впервые ли за свою жизнь произнес цельную фразу молчун-тугодум Рыжий Жека.

На него удивленно уставились не только друзья-соратники, но даже веселые псы-охранники...

И тут из внутренних покоев «бесовской дачи» вышли четверо молодых, спортивно сложенных ребят... Двое «шуриков-муриков», один Атос де Грие и кто-то из «тарабукиных»...

Не говоря ни слова, внове явившиеся господа набросились на тихих,

мирных сотрапезников и, под ярый лай протестующих собак, стали жестко и профессионально бить-избивать «нечесанных бомжей»... Пьяные, сытые бродяги безропотно принимали «дары Господни», а Хавронья даже пыталась мило, как бы наивно и виновато улыбаться разбитым в кровь ртом...

... А удары сыпались жестокие, со всех сторон, и ногами, и мощными, молодыми, натренированными кулаками... Первым вырубил мужественного бородатого Георгия, понимая, что вожак может взбунтоваться и в конце концов дать такие сдачи, что мало не покажется... С Иваном и его женой Хавроньей разобрались в считанные секунды, а вот молчун Жека Сутягин под ударами гнулся, скрипел, но держался на ногах... Стоял крепко, как молодой дуб... Странно, но он только защищался, сам ударов по врагу не наносил... И тут своре стражей не понравились изуверские выходки «хозяев» и трое «охранников» от лая перешли к более действенным мерам... Азиат Патрик мертвой хваткой взял Шурика за лодыжку и почти прокусил кость... Шурик от боли и страха потерял сознание... Арон хитро подкрался к Атосу и хапнул его за отвисший зад. Бедный кавалер де Грие рванул стометровку в неизвестном направлении... А вот лидеру охраны, красавцу-овчарке Рексу пришлось повозиться с мерзкой Тенью Шурика – с самим гориллоподобным Муриком! Как ни пытался Рекс завалить гориллу, не получалось... И все же, поминутно меняя тактику нападения, «немец» все-таки завалил киллера... Освободившиеся от занятий Патрик и Арон помогли ему сорвать с Мурика всю его шикарную сбрую... Убегал горилла в чем мать родила, потешил всю киношную тусовку, которая в эти утренние часы нежилась на «Елисейских полях» кинофабрики... Оператор догадался включить кинокамеру, и последний кадр фильма великого и ужасного Бас-Басова был снят...

А несчастные бомжи с трудом пролезли через дыру в заборе, чтобы навсегда покинуть священные места частной собственности... Этот лаз давно был проделан собаками, и Хавронья первая заметила спасительный выход из положения, в которое нежданно-негаданно вляпалась их дружная семейка...

И собачки пошли за ними «в самоволку», не все... Пудель не решился воспользоваться грязным подкопом, покрутился перед дырой в заборе, обнюхал «райские ворота» – что-то ему не понравилось и, помахав приятелям ручкой, то бишь хвостом, потрусил во внутренние апартаменты. Потому как он был комнатный и к тому же

ДНЕВНИК РОМАНА

Книга в латышском переводе Талрида Руллиса вышла 10 лет назад, в 2004. В оригинале главы печатал красноярский журнал “День и ночь” (эту публикацию номинировали в России на премию Ап. Григорьева), в “Даугаве”, “Провинциальном альманахе” (Даугавпилс), журнале “Дальний Восток”... Название по-русски – Арцымагнус, по-латышски – “Магнус, принц датский”.

*

Шут, о котором ясно, что перед нами великий артист. Величайший комик и трагик одновременно. И король (датский? какой же еще) говорит: лучше мне умереть, чем с ним расстаться. Он поет и свистит за всех птиц, слышанных и неслышанных, виданных и невиданных; он умирает взаправдашней мертвеца, он, старик, изобразит влюбленную девочку так, что ... не нужно писать в таких случаях текст, он напишется в свое время. Совсем другая цена искусства, поскольку его мало. За шута дают тройной его вес золотом, но все понимают, что только идиот пойдет на такую сделку.

Горбатые глаза. Сам-то стройный, как тополь, а глаза горбатые.

*

– Он кричал, знаешь, так страшно... так раздирающе вопил – уж сколько народу при нас колесовали, четвертовали, да и так же вот на кол сажали, но такого крика никто, слышишь, никто не помнит. Хорошо, очень хорошо кричал! Потешил, значица, государя Ивана Васильевича, батюшку нашего.

*

Среда, 15 сентября 1999 года, 7:49:59. Представляю себе аспирантку года 2099-го, зевающую над проставленной мною датой. «И новых доцентов плодить» (Александр Блок)? Не будет доцентов, все перевернется кверху дном. Мир не подумает развиваться как про-

должение прямой, проведенной от древней Ассирии через греков, Рим и нас грешных. Весь мусор наших измышлений и озарений тоже полетит в корзину, и некому будет о нем вспомнить. (Но ведь это не дневник, вечно ты путаешь!)

*

- Горбуны, горбуны, вы пошто такие горбатые?
- От рождения таковы, господин хороший, от рождения.
- Этих я спрошу, – быстро сказала она. – Горбуны, горбуны, пошто вы такие горбатые, а?
- От злосчастия нашего, матушка.
- Так было и у вас счастье?
- Было, как не быть. Только недоброе было счастье, злое. Точно, как мы сами – горбатое.
- Иной раз и мне кажется, что мне выпало горбатое счастье.
- То-то что иной раз. Иной раз посмотрю на тебя – принц, ты светишься! И никакого горба. А иной раз – преогромный горб, и сгибаешься ты под ним, как под ношей.
- Это я сам. Это я себя самого так трудно несусь.
- Мудрено говоришь. Мы люди простые, нам не понять.

*

...поскорее вводить в компьютер точные данные, документы, детали. Без этого выходит туман. В котором (или из которого) объекты выплывают случайно.

Пропадает невероятно много соображений, заготовочек. Не запишешь в ту же секунду, значит забыл. Обидно.

*

Урок палаческого ремесла, проводимый с важностью, точно университетским профессором. Три-четыре ученика глядят в рот преподавателю. Практика: реальная казнь. Или только наказание плетьюми? Провинившийся школяр становится «учебным пособием» и, если выживет, молчит, не смеет заикнуться о перетерпленном.

*

Музыка в это время – колдовство, чары, наркотик. Звериная острота восприятия удесятерит силу всякого искусства. И книга

– колдовство. Яды, как сильное и таинственное оружие. Терроризм не посредством взрывов, как теперь, а тихий. Яд в ухо. Да-да, Гамлет. Как там его, в “Царской невесте”. Бомелий?...

Они все христиане. И продают друг друга в рабство татарам. Размахивают христовой любовью, как дубиной.

Страшно ортодоксальны, за жест готовы горло перегрызть. И в то же время – Грозный должен был уживаться с лютеранами! А может и с католиками. Да и с татарами тоже, если очень нужно.

*

Чувственность музыки и поэзии. Юмор весь вокруг телесного низа, как выражается Бахтин. А также войны. Также и вокруг ест. отправлений. Храбрости-трусости. А также церкви: святотатственный юмор. Политический. И все это вместе.

Чудеса и магия, как неоспоримый факт. То, что ты жив, чудо.

*

Без морали людоедство немедленно становится занятием логичным и оправданным. Калорий, жиров и углеводов в человечине не меньше, чем в баранине. Зачем же голодать большей части населения планеты? Съесть политических противников гуманней и экологичней, чем пытаться и морить их в тюрьмах.

Не поймут никак, что смерть (как, впрочем, и жизнь) – не наказание и не награда.

Обвиняют Бога в существовании зла и гибелей, но Бог есть любовь. А не лечащий врач.

Что были бы мы все, если б слово о любви к ближнему не было произнесено, если бы сама идея не возникла? Ну да, любовь эта почти несбыточна. Почти никем из смертных не достигнутая планка, но планка-то имеется! И каждый знает, насколько и он, и ближние далеки от нее. Знает и то, что был Франциск Асизский, Владимир Соловьев, мать Тереза, Иоанн-Павел, нынешний папа. Любовь к ближнему, что там ни говори, возможна, и по пути, указанному Христом, некоторые шли, а многие хотя бы пытались.

*

О Магнусе. Другой бы давно сдался. Он проигрывает снова и снова, цепь катастроф. Но поднимается и начинает сначала.

Мария говорит Магнусу: “Я тебя не боюсь. А ты меня?” (Формула подойдет для каждого, хоть раз в жизни).

Город – новость. Новая степень защищенности от свирепого мира. И судьба Пскова и Новгорода, Казани.

От смерти тебя спасли и на сей раз – а кто тебя от жизни спасет? От такой жизни...

*

Магнус, принц – это который ливонский король?

– А знаю, горбатый.

– Какой горбатый? Он был красавец, стройный, румяный, молоко с кровью... то бишь, кровь с молоком.

– Это у него было под настроение. Иной раз горбатый, и горб этот свой трехтонный еле волокёт. А иной раз – ах, принц датский, и все тут, прямой как тростиночка. А поро-одистый!

– Такое бывает. Могу подтвердить. Я и сам, случалось, проснись – горбун горбуном. А там губки тебя тронут милые, сладкие; ребеночек, все равно, чей, голоском прозвенит, радуга обопрется цветным коромыслом об горку, что о плечо. Глядишь, рассосался горб-от. Не чуеть ты его, – до другого горбатого разу.

– А земля-то, глянь, не горбата? Земля горбата с рождения, и – ничего! Терпит.

– И нос с горбункой, как пирог с начинкой.

– Лутше гроб, чем горб.

*

Ничто не саморазумеется. Ты говоришь, нужно быть честным? А почему? Мне кажется, гораздо лучше, легче и веселее обманывать. Не мучиться, а мучить других. Грабить и убивать, – лично для тебя-то что тут плохого? Если не тебя грабят, а ты, если не тебя, не вас, а их убивают? Заповедь христианской любви, добродетели падает в душу как откровение. Так вот оно что! Можно любить чистоту и от нее получать радость и наслаждение? Не может быть!

*

Когда Магнус берет города голыми руками – только обещанием не зверствовать как Иван, – русский царь в ярости. Он рвет и мечет не только потому, что у него отнята победа и трофеи. Он понимает, что

король Магнус так же, без оружия, может взять и Псков и Новгород, и Казань и Москву. Это замечательный момент: доброта может брать города, особенно если ей противостоит живодерство.

Живыми забивают в гроб, гвозди в крышку и – в землю. Казнь, одна из жесточайших (не помню, чтобы где-то была описана кроме как у Аллана Э. По).

Грозный говорит: каждый из вас принадлежит мне, со всеми потрохами. Сперва мне, а уже потом Богу. Это я Богу отчитаюсь за вас. Поняли? Он еретик и временами – безбожник: страшная тяжесть содеянного заставляет смутно надеяться, что Бога нет и что Божьего суда не будет. Но и тут же его погибель: ибо только как помазанник Божий он может распоряжаться чужими телами и душами, так сатанински распоряжаться.

3 марта 2000

Иван умеет играть на свирели! Только вынужден это скрывать: музыка, если она не духовная – бесовское наваждение. «Моя бы воля, слышь, принц, – был бы я не царем, а скоморохом. А что, брат? Скоморох всея Руси – каково звучит? Да знаешь ли ты, что беспортошный этот шут вольней нас, коронованных особ? Вольней, вольней, и не спорь! Он закону неподвластен, и Богу – нет, и царю – ни-ни. Разве нечистому? Но тот – господин снисходительный. Свободен как птица, как дурак или вор. Знаешь байку: повстречалась Смерть разбойнику из-под Вязьмы, а он Костлявую обобрал, обчистил, да еще и юбку задрал. Родила Смерть девочку, назвала Чумой... Дай-ка я свистну. У нас сказки есть про Соловья-разбойника – у вас чать нету таких? Ты свистеть-то умеешь? Да нет, не так, не губами одними, а по-разбойничьи, в два пальца». (Свистит пронзительно: сбегается дворня, стража). – А что? Смерти я бы тоже вжарил. Какая она ни на есть страшилище, но ведь баба. Не умней всех других – хоть жен, хоть блядей. Ну отчего ей власть над царями, за что она ей? Как же Сам-то не догадается: вручил мне скипетр и державу, дал могущество, мудростью не обделил, хитростью тоже. Дал талант за таланом. А дуре этой безмозглой разрешил нависать над душой, косою ейной подлой помахать. Зачем я царь, если перед ней бесправней холопа? Магнус, знаешь ли ты, для чего я столь многих казню? Я у ней отнимаю добычу. Я ей, сучке, доказую: не она их берет, рабов моих, – я беру, я решаю, какою мукой их мучить, какою милостью миловать. А она, блядища,

знай усмехается. Ух, паскуда, тебя бы на дыбу, тебя бы на растерзание псам, по косточке каждому кобелю, чтоб духу твоего не... Ты никак заснул? Ну, слабак. Всего-то и выпито...

17 марта 2000 г.

Доброта и жажда красоты пусть господствуют. Пусть они противостоят каждой пытке и казни, каждому разбою и насилию, как другая возможность, как адекватный и превосходящий ответ на все выпадает ада. В самом человеке к его изумлению пусть наслаждение от добра превосходит яркостью наслаждение от зла – а ведь последнее бывает потрясающе сильным. Любовное наслаждение, не искаженное злобой, докажем это, есть неоспоримое добро и неоспоримая красота. Млечный путь, как струя семени – космического, и отданного в радости и любовной страсти. От Адама к Еве.

Другие страсти: к наживе, к власти над людьми и вещами, к мучительству и пожиранию себе подобных – искажение нашей природы, задуманной Богом иначе.

Понятия благородства, чести, снова и снова – любви, добра, красоты, еще не тронутые немецкой классической философией, уже разлиты в мире, они существуют объективно, как сторона бытия, примиряющая с жизнью. Бедность, нищета ума, оторванного от любви, от Бога, от воображения, от жажды чуда, от чудесного детского любопытства еще не уставших народов.

Стареющие деспоты сходят с ума. Они обязательно стареют – ибо добровольно не покидают трон. И не могут не спятить (объяснять ли, почему?) Страна и народ сходят с ума вместе с диктаторами, и впадают в еще большее безумие – чтобы угодить обожаемому монарху, вождю и т. п.

3 апреля 2000.

Сухо: “Чрезмерная любовь к Отечеству вредит пищеварению!”

Это уже 10 апреля. Понедельник.

Я был там! Был! Мы все там были, в наших предыдущих веках, присутствовали тем же набором хромосом, той же бегучей кровью были представлены. Это так же бесспорно, как – все там будем (известно где; уточнять не принято).

21 апреля 2000, самое начало суток (0.35).

У меня будут два героя: детеныши ангела и черта. Ангелочек, похожий на амурчика: попка с крылышками, и бесенок: рожки с копытцами. Оба сидят на какой-нибудь люстре, ногами болтают. Бесенок тоже крылат, только крылышки черные, точно обугленные.

24 мая 2000.

Пролетел шмель, гудя мотором, как небольшой бомбардировщик. Не ихний, а свой.

– Так не мог подумать Магнус. Ты мог бы так подумать...

– И не подумаю. Что это за примитивные сравнения? Слово из газеты “Суворовский натиск”.

25.08.2000.

Русская земля прирастала усилиями людей, бежавших от деспотизма Москвы. Дома все были над ними хозяева, над жизнью, любовью, смертью, каждым движением. А там, в Сибири, никого над ними не было, кроме Бога, да и Бога они, похоже, не боялись, а брали себе в сотоварищи.

18 сентября 2000.

Наконец-то обнаружил нужную книгу.

Herzog Magnus,

König von Livland.

Ein fürstliches Lebensbild aus dem 16. Jahrhundert

von

Karl Heinrich von Busse

Aus dessen nachgelassenen Papieren herausgegeben

von

Julius Freiherrn von Bohlen

Leipzig

Duncker & Humblot

1871

*

Мама уверяет, что ее отец, мой дед, выводил генеалогическое древо напрямую от принца датского, который был владельцем острова Эзель. Но Магнусову дочку извели, когда она была маленькая, лет 8. Других детей не было.

Примечание, 3 апреля 2001 года.

Только что получил письмо от мамы. Она, Наталья Сергеевна Магнус, на 91 году от роду пишет мне, что в Архангельском, что ли, в бывшем дворце Юсупова был писанный маслом портрет того самого Магнуса, владельца острова Эзель, что в Гатчине в нашем доме имелся большой лист бумаги, на котором было рукою ее отца – моего деда, Сергея Романовича Магнуса, начертано генеалогическое древо рода, и вначале был опять же датский принц М. И еще пишет, что сведения о роде были в 6 книге Новгородского дворянства, где самые древние фамилии, что в журнале “Вопросы философии” работал Магнус тех же кровей... Где-то мне попадались упоминания о том, что король Ливонии Магнус был женат дважды, но никаких сведений нигде ни о первой жене, ни о других детях (кроме Евдокии, которую извели будто бы по приказу Бориса Годунова) нету.

*

Насчет жестокостей. Анестезии не было, и обыкновенная жизнь наполнена пытками и казнями: раны, болезни, дикие звери, дорожные несчастья, разбойники, стихии. Не говоря о страданиях душевных – унижения, рабство поголовное, снизу доверху.

Россия безусловно мало изменилась. За 500-600 лет, а ведь это немало.

Время жизни Магнуса – поворотный пункт всемирной истории, равный, может быть, разве теперешнему (последнему?). Возрождение, Реформация, самые крупные подвижки за полторы тысячи лет. Инквизиция. Иезуиты. Великое одиночество православной России, национальная религия и своя, ревниво оберегаемая от остальных народов, св. Троица. Татарское христианство? (Дать это кому-то из героев. Хотя бы автор дневника напишет: это какое-то

татарское христианство!) Отрицание личности. Нет: права выбора, ответственности за выбор. А значит, и человека нет. Государственность вместо человека. Сожравшая целые поколения. Грешным делом, думаю: а нужно ли было нам становиться колоссом? Состоящим из пигмеев.

Подозреваю, что вопросы неновы, хотя и крамольны по-прежнему.

01.01.01.

Первое января две тысячи первого года.

Терпимость не означает, что нужно перейти в чужую веру. Просто у тебя и у того (тех) есть право веровать по-своему. Но терпимость к нетерпимости – нетерпима, это уже просто трусость.

12 января 2001 года.

Писал ли я о том, что Иван всю жизнь прожил в аду? В отлучении от Бога, в которого он верил. В страхе перед теми, кого угнетал и казнил. «Чем больше рабов, тем больше страх перед рабами». Плиний?

Он был отлучен и от реальной жизни. Вроде китайского императора, с трех лет – в искусственной, пронизанной лицемерием и дикими страстями атмосфере. Стал игрушкой в руках соперничающих кланов, и всякий раз возвращал его с детства мыслью о его власти. Ты можешь все, они должны трепетать перед тобой, ты волен в их жизни и смерти! Убийства и пытки обязательно должны были затягивать его все глубже в бездны садизма (слово не оттуда). В следующий раз нужно было выдумать муку поновей, посладострастней. Другой жизни он не видывал и не увидит никогда; он принимал свой обвешанный черепами и посаженными на кол страдальцами двор за центр мира. Да, – но его путешествия, в монастыри прежде всего, а также на войну? Он путешествовал вместе со своим двором, ни разу не вырвавшись наружу. (Клопы и вши во временных пристанищах?) Со своей инфантильной жестокостью, умноженной на внешнюю спесь и внутреннюю неуверенность. Чего он добился? Окончательной победы над Казанью? Но он сам уничтожил людей гораздо больше, чем татары, а непрерывные войны истощили терпение самой земли.

Этот царь – внутренний враг страны, гораздо более опасный, чем враги внешние. Разбойник № 1. Глава государства, следовательно, судья и палач в одном лице, законодатель и исполнитель, царь и над церковью.

Как он опустошил города и села! Убил законного наследника. Вся последующая смута – от него.

Не нужно было его завоеваний? Не нужно могущества – такой ценой, такого государства – такой ценой? Насаженное им холопство осталось, и это одна из самых грозных опасностей наставшего века.

Иван Грозный в 1873 году разрешил именно Магнусу открыть лютеранскую (его вероисповедания) церковь в Москве. Которую потом и разорил. После «измены» Магнуса.

*

Вообще побыстрее читать о нем! И записывать. Сегодня день смерти Сталина. Я был в десятом классе? Или в девятом? Мне шестнадцать. Помню ощущение свежести жизни после сталинских похорон. На которых нас вполне могли раздавить – мы, построившись парами, пытались пройти к Колонному залу. Там ведь была очередная Ходынка. После 5 марта все как бы начиналось сначала. Газеты читал жадно.

*

Итак, мой латыш мечтает о Латвии, вернее, о свободе и красоте своего языка и народа, русский и Мария – о России, которая там, внутри, безобразна и страшна за пределами, и все равно без нее нельзя, и ее не сменит Мария ни на какое положение и благополучие. Поэтому, пользуясь разрешением Магнуса, она хочет замуж за русского. Поэтому возвращается в Россию – четко осознавая, что может быть обрекает себя и дочь на смерть. Внучка Ивана великого, племянница Ивана Грозного, а дочь ее Евдокия – внучка датского короля, племянница датского короля, правнучка и внучка русских государей. Единственная особа королевской крови, вот почему Борис Годунов, который выглядит рядом с ней никем, спешит ее уничтожить. Так же, как царевича Димитрия. (Все время где-то рядом дышит Пушкин. Он о Магнусе читал Карамзина, все прочел и оценил, и узнать бы его быстрые, точные мысли, голые еще, не одетые ни в какую лит. форму!). А Магнус всю жизнь грезит о Дании, и его виртуальное королевство, которому он отдается с таким жаром, с такой надеждой и верой, остается для него ссылкой.

Я же отнюдь не собираюсь исправлять историю в «приятном»

для кого-либо духе, чем занимаются писатели каждой страны с тошнотворным рвением. Однако же проявлю естественное уважение ко всем участникам мистерии, в том числе и к древним обитателям этой земли. Мой герой будет тоже благородного происхождения – но латышского или ливского. То есть это будет семейной легендой, не такой уж древней, но с древними корнями. Итак, он происходит от какого-то князька дохристианских времен, 12 или 13 век. Причем якобы была история латышей (или нескольких местных племен и народов в их борьбе и объятиях), латышская летопись, жанр, заимствованный, быть может, у русских монахов, записи латинские, авторы – священники нескольких поколений, латышского происхождения, не желавшие забывать о своих корнях. То было несколько книг, хранившихся в пристройке старого собора, скажем Екаба. И сгоревших во время пожара. Точно так же в его дневнике будет речь о народных песнях, заклинаниях и пр., о языческих обрядах, он сам нагишом пахал в Янову ночь или когда, но самое интересное: он расскажет о своем приятеле, атамане разбойников и поэте, и он не в восторге от этого поэта, но поминает каких-то других латышских авторов, безусловно не известных ныне.

Мои герои живут почти в тех же местах, что и я, в пространстве нас разделяют расстояния пустынные, преодолеваемые почти мгновенно, если, конечно, передвигаться не вплавь, не пешком и не верхом на коне. Но и вплавь, и пешком, и верхом на коне мне добраться до них, а им до меня было бы не так уж сложно, речь о каких-то сотнях километров, редко – тысяче.

Нас разделяет не столько пространство, сколько время. Четыре с половиной столетия. Там, внутри книги, еще середина 16 века. Населяющие книгу люди не знают почти ничего из того, что знаем мы. Мы, если уж откровенно, не знаем почти ничего из того, что знают они.

Зачем нам нырять в этот омут?

Если б я знал.

Знаю, что нужно.

Докомпьютерная эра, вся, от начала мира, вот-вот спрессуется, сплющивая все прожитые нами века, вдавливая их друг в друга, так что Иван Грозный упрется локтем в Екатерину Вторую, а Наполеон и вовсе с изумлением воззрится на какого-нибудь Каллигулу, оказавшегося по соседству.

Прожитые нами века.

Нами, не кем-нибудь другим.

Мы сделаемся человечеством только если все люди наличных поколений, населяющие Землю, соединятся со всеми людьми всех поколений.

Сделаемся ли мы когда-нибудь человечеством?

Бог весть.

Дневник Бирке. Он не хочет быть латышом, но не может не быть им. Не может не чувствовать всю сладость своей тайной природы – насквозь латышской. Медленно перестает сопротивляться. Где-то уже писал я или нет, что у меня будут три ностальгии: Магнуса по Дании, а также по его несостоявшемуся королевству, Марии – по России, Бирке – по Латвии?

Кто-то из них рассуждает: почему все народы так не любят друг друга? Потому

что вовне идет агрессия. Война, или в лучшем случае торговля, которая также способ проникновения и завоевания. Все чудеса родной песни, любви и нежности, братства, дружбы, душевного сродства, благородства, понятого в традициях своего народа и веры – по-татарски даже – всё остается глубоко внутри народа, неразличимое для чужих. Нужно полюбить, чтобы чужое начало начало приоткрываться, медленно, как бы нехотя.

Георгий-Амадей Коншин

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

*(Печатается в сокращённом виде)**Воспоминание – это единственный рай,
из которого мы не можем быть изгнаны.**Жан Поль Рихтер*

Мой отец Амадей Ливио родился в провинции Масса-Карраре, Италия, 22.03.1898 года. Рубил камень в мраморных карьерах. Может быть, поэтому мрамор стал моей любимой горной породой, когда я стал геологом. В 1921 году отец одним из первых вступил в Коммунистическую партию Италии и активно участвовал в рабочем движении. В 1922 году он бежал во Францию, а в 1923 году в Италии был заочно приговорён к 28 годам тюрьмы по обвинению в убийстве во время вооружённой стычки с фашистами. В 1924 году как политэмигрант приехал в СССР и вступил в ВКП(б.). Работал директором Одесского интерклуба. На итальянском, испанском и французском языках проводил беседы о неизбежной победе коммунистических идей. Его работа получала одобрение со стороны контрольных органов компартии Украины. Однако в 1936 году он был арестован по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности, но вскоре освобождён, и оставался членом портового комитета ВКП(б.). Как я потом узнал, именно в 1936 году началась тотальная чистка в рядах Коминтерна и политэмигрантов по обвинению в троцкизме. 27 апреля 1938 года отец был арестован вторично по тому же обвинению и приговорён тройкой НКВД к 10 годам лагеря без права переписки. А первого октября 1938 года расстрелян тут же в Одессе, хотя по лживому официальному свидетельству о смерти, выданному Одесским Горзагсом, умер 13 марта 1948 года от язвы желудка. В графе «место смерти», как всегда в этих случаях, стоял прочерк.

11 сентября 1957 года отец был посмертно реабилитирован и восстановлен в компартии. В 1991 году мне за заслуги отца в развитии коммунистического движения Италии была вручена в отделении Красного креста в Риге золотая памятная медаль в честь 50-летия КПИ. На медали была замечательная надпись «*Вы пришли издалека и пойдёте далеко*» (в переводе с итальянского). К большому сожалению, в 1992 году в мою квартиру забрались воры и похитили все ценные

вещи, включая медаль. Это была для меня огромная потеря.

Моя мама, Елена Ивановна, девичья фамилия Канаева, родилась 30 мая 1914 года в Петербурге. Мои дед и бабушка по маме – Иван Михайлович Канаев и Надежда Ивановна Канаева, по происхождению из крестьян, переехали из Владимирской губернии в Петербург, где дед, человек грамотный и толковый, был банковским служащим (у немца – владельца банка) и дослужился до важной должности кассира. У них было восемь детей: два сына (Сергей и Иван) и шесть дочерей (Анна, Клавдия, Вера, Елена, Тамара и Любовь).

Родители Г.-А.Коншина: Ливио Амадей и Елена Ивановна (в девичестве Канаева).

Жалованье деда позволяло ему содержать такую большую семью. После Октябрьской революции всё изменилось. Дед потерял работу, и когда в Петрограде начался голод, вся семья переехала в Одессу, где в это время жизнь была намного легче. У деда было рекомендательное письмо от петербургского хозяина, и он устроился на работу в один из одесских банков. Семья жила очень скромно. Деду удалось получить маленькую квартирку в центре города, по адресу Тираспольская, дом 24, кв.10, где все жили вместе, как говорится в тесноте, но не в обиде. Мама, закончив в 1929 году среднюю школу, проработала два года закройщицей на одесской обувной фабрике и год инструктором физкультуры в доме отдыха в Звенигороде, а затем поступила в одесский Институт водного транспорта и закончила его в 1938 году. Она познакомилась с папой в 1930 году в Интерклубе, куда была направлена Горкомом комсомола для работы в активе клуба. Несмотря на значительную разницу в возрасте они полюбили друг друга и в 1933 году поженились.

В одном из сохранившихся писем к Ливио мама писала: «*мы просто созданы друг для друга и я с «китайцем» (так она иногда его называла), которого выбрала в первый и последний раз, проживу счастливо всю жизнь*».

Детские годы. Одесса

Я родился 24 июля 1934 года и в свидетельстве о рождении был записан как Амадей Карино Ливиович. Карино по-итальянски означает дорогой. Мы с папой и мамой жили в небольшой квартире при интерклубе. Сам интерклуб размещался рядом с оперным театром, в большом здании дворцового типа. До революции в нем находился Английский клуб, а сейчас – Музей морского флота. В интерклубе ежедневно проводились встречи с иностранными моряками, показывались кинофильмы, читались лекции о международном положении и строительстве социализма в СССР. Материально мы жили довольно скромно. Мама, параллельно с учёбой в институте, всегда работала, проводила массовки в рабочих клубах. Многие моряки, не в первый раз приезжавшие в Одессу, пытались вручить папе при встрече небольшие подарки для мамы – кофточку, сумочку, конфеты. Но папа всегда твердо отказывался. Исключение он делал только для апельсинов. – Спасибо, – говорил он, – но это только для Карино.

Когда папу арестовывали, его последними словами, сказанными маме, были «я честен перед партией и скоро вернусь». После ареста мужа мама, студентка последнего курса института, бросила писать дипломную работу и поехала в Москву, ходила по всем инстанциям и подавала жалобы с заверениями в честности и невиновности коммуниста Амадей. Но возвратилась в Одессу, так и не получив ответа. Однажды, где-то в ноябре 1938 года, произошло событие, которое внесло ясность в ужасную участь Ливио. Ночью в квартиру дедушки на Тираспольской пришёл неизвестный человек и по секрету сообщил тете Тамаре (мама в этот день гостила у подруги), что он недавно вышел из тюрьмы, где сидел в одной камере с отцом. Амадей при вызове на допросы всегда надевал на себя кожаное пальто, но и оно не спасало от жестоких побоев, наносимых следователями. По его мнению, Ливио грозил расстрел, что потом и подтвердилось. Но тогда ещё оставалась слабая надежда.

После ареста мужа маме было очень тяжело; многие знакомые отвернулись от неё, как члена семьи «врага народа». Но в студенческой среде нашлись и настоящие друзья, которые не верили обвинениям и оказывали ей моральную поддержку. Позже они не раз помогали маме в трудных ситуациях.

Не получив официального ответа о состоянии следствия, мама была

вынуждена после окончания института уехать на работу в Куйбышев.

Моя жизнь в Одессе с бабушкой и дедушкой мне нравилась. Их квартира на Тираспольской улице находилась в типичном одесском дворике, хорошо известном современному читателю по фильму «Ликвидация».

Типичный одесский дворик

Наш двор представлял собой по форме замкнутый прямоугольник, входом и выходом в который служит арка. По периметру двора на двух этажах располагались небольшие квартиры. Наша квартира находилась на первом этаже и состояла из трёх маленьких комнат и кухни. Во дворе перед квартирой был разбит цветник, а под квартирой находился подвал. Посередине двора была голубятня и колонка с питьевой водой. В углу двора располагался общий туалет: квартиры в одесских двориках еще не были оснащены такими бытовыми прелестями, как санузлы.

Двор никогда не пустовал: хозяйки всегда были в курсе всех новостей и любили о них посудачить. Мамочки и бабушки обращались к детям каждая на своём языке, смеси русского, украинского и еврейского: *Який гарний хлопчик! А де твоя мешпоха?*

По воскресеньям мы с дедушкой обычно ездили купаться на шестнадцатую станцию Большого фонтана. Бабушка к нашему возвращению готовила свою фирменную икру из синеньких, покупала большой арбуз и бублики с маком. Было очень вкусно.

Война

Я хорошо помню воскресный день 22 июня 1941 года. Мы с дедом возвращались на трамвае с пляжа. При въезде в город я спросил у деда: – Отчего везде такие большие очереди? Дедушка подумал и ответил: – Если большие очереди у сберкасс, то, наверное, началась война. Так и оказалось. Вскоре Одессу начали бомбить, во время воздушной тревоги все прятались по подвалам. Началась знаменитая оборона Одессы, и ее жителям предстояло эвакуироваться в восточные и южные области СССР. Без мамы было не обойтись.

В июле маме удалось почти невозможное. С помощью своих друзей в Черноморском пароходстве, преодолевая многие трудности, она приехала из Москвы в Одессу. К этому времени город уже находился

на осадном положении, и выбраться из Одессы можно было только морем. Маме благодаря её связям удалось получить для всех членов семьи особое удостоверение в том, что мы «эвакуируемся из прифронтовой зоны», а также посадочные талоны на большой пароход «Ленин», который должен был выйти из Одессы 24 июля. Но утром перед самым отправлением в порт случилось неожиданное. Дедушка вдруг наотрез отказался покидать своё насиженное гнездо, объявив бабушке, что должен остаться, чтобы охранять квартиру, а немцев он не боится, так как в «Петербурге он убедился, что они порядочные люди». После бесполезных попыток переубедить деда, было принято решение эвакуироваться без него. Однако, когда мы приехали в порт, то увидели, как пароход «Ленин» уже покидает рейд.

Но через два дня пришла страшная новость: «Ленин», на борту которого было несколько тысяч человек, напоролся на мину и продержался на плаву менее десяти минут. Среди погибших могла быть и моя семья. Так мой дед благодаря своему упрямству спас нас от почти неизбежной гибели.

Теперь маме было нужно доставать посадочные талоны на другой пароход. Чудом ей удалось договориться, что нас возьмут на последний покидающий осаждённую Одессу пароход «Абхазия». Он вышел из Одессы 16 октября 1941 года в сопровождении боевых кораблей Черноморского флота и, несмотря на бомбёжки с воздуха, когда всем пассажирам надевались плавжилеты, без потерь пришёл в порт Туапсе.

Почти всю войну я провел в эвакуации в Средней Азии, в городе Чарджоу, а затем началась новая страница моей жизни.

Рига. Новая квартира

Мы с мамой прибыли в Ригу в марте 1945 года, и с вокзала сразу поехали на нашу квартиру, в которой с небольшими перерывами мне предстояло жить до 1973 года.

Мама попала в Ригу со специальной военизированной частью, которая должна была как можно скорее обеспечить безопасное движение по Западной Двине. Это считалось крайне важной задачей, и все причастные к её решению обеспечивались в Риге собственным жильём. По маминым словам, уже через несколько дней сотрудник городской комендатуры показал ей несколько свободных квартир в центре

города, покинутых прежними владельцами, бежавшими на запад вместе с немецкими войсками. Когда ей показали нашу будущую восьмикомнатную квартиру, она, недолго думая, на ней и остановила свой выбор. Квартира располагалась на втором этаже красивого пятиэтажного дома, на бульваре Райниса, дом 3, напротив большого парка.

На пороге квартиры нас встретила пожилая женщина по имени Эмма, служанка бывшего хозяина. Она почти не говорила по-русски, хотя и понимала разговорную речь. Помню, отвечая на мамины вопросы, она то и дело говорила: «я, я, я». Я думал, какая она умная, а оказалось, что по-латышски это означало «ја, ја, ја» то есть «да, да, да» – она просто соглашалась в чем-то с мамой.

...Нашу квартиру начали «уплотнять». И количество столов на кухне росло по мере уплотнения. Первыми новыми соседями оказались капитан НКВД Парадизов и его сын Юрий, старше меня на три года. Он всегда смотрел на меня сверху вниз и всячески старался показать своё превосходство. Но наши отношения едва не привели к трагедии. В день моего рождения, когда мы вернулись из школы, а взрослые ещё были на работе, он вошёл ко мне в комнату и спросил:

– Ну, и сколько тебе стукнуло?

– Двенадцать.

– Ну, значит, ты уже взрослый пацан, и я хочу тебя поздравить.

И тут он вынул из кармана настоящий пистолет ТТ и несколько патронов.

– Откуда? – спросил я.

– Да я уже давно выследил, где их батя прячет, да он и не заметит.

Я заморожено смотрел на Юру.

– Ну что, постреляем? – спросил он, не сомневаясь в моем согласии.

Окно моей комнаты выходило во двор, и прямо напротив метрах в десяти была глухая стена. Мы открыли окно и выпустили в стену по несколько пуль (их следы можно заметить и сейчас).

– Ну, всё, – сказал Юра, – патроны кончились. А теперь давай я встану рядом с дверью и притворюсь немцем, а ты понарошку выстрелишь в меня.

Я послушался, навёл на него пистолет и нажал на курок. Неожиданно раздался выстрел, и пуля просвистела рядом с Юриной головой.

Мы онемели от ужаса, Юра не догадался проверить ствол, а в нем был тот последний патрон. Пуля пробила находящийся рядом с дверью электрический выключатель, и нам потом пришлось придумать какую-то чушь, чтобы объяснить маме его поломку. Но ни мама, ни Парадизов не выяснили, что же произошло на самом деле. Правда, Эмма на следующий день узнала от дворовых соседей, что *«эти комиссарские дети устроили днём страшную стрельбу, но лучше не поднимать скандал. Может быть и хуже»*.

Через несколько месяцев Парадизова перевели из Риги в какой-то другой город.

...В конце 1947 года мама вышла замуж за Игоря Александровича Коншина. Вскоре я был им усыновлён и стал носить фамилию Коншин. Игорь Александрович родился и вырос в Одессе в интеллигентной профессорской семье, сносно играл на пианино, знал французский и был заядлым книжником. В 1941 году он был призван в армию, воевал в технических частях авиации и закончил войну в Венгрии в чине капитана. Мой отчим оказался очень интересным, внимательным и дружелюбным человеком и оказывал на меня благотворное влияние. У нас дома часто собиралась компания друзей мамы и Игоря, и мне иногда разрешалось недолго присутствовать при их интересных, а порой весьма остроумных беседах. Мама готовила свой фирменный пирог с капустой и торт «Наполеон», а Игорь – настоящий салат оливье. Майонез для салата он готовил сам, как считалось, по старинному французскому рецепту. После нескольких рюмок водки начиналось самое интересное. Игорь читал наизусть Киплинга, адвокат Шалин вспоминал нашумевшие судебные процессы, а профессор Николай Сигизмундович Столыгво рассказывал смешные случаи из своей богатой медицинской практики.

В 1948 году я закончил 71-ю семилетнюю школу с Похвальной грамотой. Школа эта находилась на Стрелниеку, 4а, теперь там Шведская школа экономики. В моем классе было около 25 учеников. Дружба с некоторыми из них прошла через всю мою жизнь. Это Семён Либман, Зорик Фальков, Володя Гордиенко, Виктор Баранов, Володя Посвольский и Павел Дембо. Все они были умные, начитанные, весёлые ребята; в своём большинстве, так же как и я, вернулись из эвакуации и воспитывались без отцов. В 1949 году я поступил в 22-ю среднюю школу, в 8-б класс. Почти все мои друзья стали учиться там же.

22-я школа

История 22 средней школы началась в 1945 году. В 1947 году она переехала в здание спичечной фабрики, перестроенное под школу, и в ней училось около 400 учеников.

Выпускниками 22 школы были в разное время многие яркие личности: Михаил Таль, чемпион мира по шахматам, Александр Каверзнев, незаурядный тележурналист-международник, автор документального фильма «Афганский дневник», Николай Нейланд, политолог и журналист, Отто Лацис, журналист, Петр Вайль – писатель, главный редактор русской службы радиостанции «Свобода», Зинаида Славина, актриса Московского театра на Таганке и другие.

Миша Таль учился в 8-а. Между нашими классами регулярно проводились шахматные турниры на шести досках, причём места на них менялись. В моем 8-б Володя Посвольский и Павел Дембо имели первый шахматный разряд, а я только третий. Но все же, мне как-то раз довелось сыграть с Мишей. Конечно, я с треском проиграл, но до сих пор с гордостью рассказываю своим внукам, что мне выпало счастье проиграть двум чемпионам мира по шахматам. Вторым был Алеша Широ. Но наша с ним встреча произошла намного позже.

В 8-б у меня появились новые друзья: Юра Столыгво, школьная кличка *Шнянц*, и Борис Новиков по кличке *Блиндер*. С 1949 года минуло 65 лет, но дружба с Юрой (а теперь Георгием Николаевичем) Столыгво продолжает обогащать мою жизнь. Это один из самых мудрых и обаятельных людей, которых мне повезло встретить и узнать. Его судьба сложилась непросто. Он родился в 1934 году в Риге в интеллигентной обеспеченной семье. Отец, Николай Сигизмундович, был известным врачом, профессором медицины, мама, Мария Лонгиновна, имела музыкальное образование. В июне 1941 года оба они были арестованы как буржуазные элементы и депортированы в Сибирь. Так случилось, что семья по бесчеловечным законам НКВД была разъединена. Мария Лонгиновна с Юрой были сосланы в небольшой посёлок рядом с городом Канск Красноярского края. А Николай Сигизмундович оказался в Усольяге, вблизи Соликамска, одного из лагерей системы ГУЛАГ. Вначале мать и отец Юры не имели сведений друг о друге. Чтобы узнать, где находится её муж, Мария Лонгиновна рассылала по так называемой лагерной почте письма в разные лагеря, и, наконец, ей посчастливилось узнать нужный адрес.

Позже Николаю Сигизмундовичу заменили содержание в лагере на ссылку, причём предоставили возможность выбрать место ссылки рядом с женой. Как мне недавно рассказал Юра, его отец добирался до Канска под конвоем через 16 пересылок, и только в Красноярске его расконвоировали. Он был уже настоящим «доходягой», то есть болен и истощён до предела, и ему удалось выжить только благодаря уходу жены

Боря Новиков отличался незаурядным артистическим талантом и был душой нашей компании. Он прекрасно имитировал Леонида Утёсова и других популярных певцов и мог в жанре «человек-оркестр» изобразить джаз-банд. Учился *Блиндер* не очень, но зато служил для нас источником других знаний. Его отец был директором Рижской табачной фабрики, и Боря регулярно снабжал нас сигаретами Мокка и Прима, которые мы тайком курили после школы. Но вот однажды он каким-то образом достал и принёс в класс модель старинной корабельной пушки и убедил нас, что можно даже испытать, как она стреляет. На большой перемене Боря установил пушку на учительский стол, зарядил порохом из спичечных головок и поджёг фитиль. К нашему изумлению пушка с шумом взорвалась, оставив огромную дыру в столе и несколько мелких дырок на стенах. Все были в шоке, и надо было срочно что-нибудь сделать, чтобы скрыть это ЧП. Кому-то пришлось в голову призвать на помощь школьного завхоза. Он, подумав, согласился заменить повреждённый стол на другой, похожий, но потребовал от нас, чтобы после уроков мы перенесли из подвала наверх полтора кубометра колотых дров: в то время в школе было печное отопление. Директор так ничего и не узнал, а завхозу мы присвоили прозвище «полтора кубометра».

В нашем классе учился и Леша Волосников-Мэрфи. С ним я подружился в начале 60-х годов и расскажу об этом талантливом человеке позже.

В июне 1952 года я окончил школу с серебряной медалью и с согласия семейного совета направил письмо в Ленинградский университет с просьбой принять меня на геологический факультет. В то время серебряные и золотые медалисты принимались в ВУЗы без экзаменов, требовалось лишь заблаговременно явиться на приёмную комиссию, чтобы заполнить необходимые документы. И вот настал день, когда простившись с Игорем, я вместе с мамой выехал в Хабаровск, чтобы

отправиться на поезде в Ленинград. Помню, что на прощанье Игорь со свойственным ему юмором сказал: «*Гарюшка, береги себя и помни, что грамм здоровья стоит больше тонны знаний*».

В Хабаровске, когда мы гостили у тётки Любы, мама, наконец, поведала мне то, что так долго скрывала – всю правду о моем родном отце, включая его незаконный арест и трагическую смерть. Мама сказала, чтобы я никогда не сомневался, что мой отец был замечательным честным человеком, и она верит, что настанет день, когда я смогу им открыто гордиться. Но пока это должно оставаться для всех тайной, и в любых анкетах при поступлении в университет мне следует в графе «отец» указывать только Игоря. Иначе меня могут признать членом семьи врага народа, и об университете не придётся даже мечтать.

Первый курс

В июне 1952 года я приехал на две недели в Ригу, чтобы перед поступлением в Ленинградский университет (ЛГУ) повидаться с тетей Тamarой и с друзьями.

Почти все мои друзья этим летом находились в Риге, и мы почти ежедневно встречались, вспоминали забавные истории из школьной жизни и строили планы на будущее. К этому моменту все из нас определились, в каких ВУЗах продолжать учебу. Замечу, что почти всем ребятам удалось осуществить свои планы. После военного поселка в Советской Гавани я увидел Ригу новыми глазами. Мне было известно, что ее принято называть маленьким Парижем. Но мне как наполовину итальянцу было приятно узнать, что Рига по сути – это и маленький Рим: квартальную планировку города еще 200 лет назад придумал генерал-губернатор, рижский мэр, итальянец Филиппо Паулуччи. В Верманском парке сегодня в его честь установлена памятная стена.

... По приезде в Ленинград я на следующий день отправился в Приемную комиссию ЛГУ и оформил необходимые документы для поступления на геологический факультет.

При оформлении было необходимо выбрать будущую специальность, и я согласился с предложением пройти обучение на кафедре Геология месторождений радиоактивных элементов. Меня предупредили, что обучение будет проходить в специальном поме-

щении за железной дверью, в группе не будет девочек, и для некоторых предметов потребуется особый допуск (некоторые лекции и практические занятия будут вестись в режиме для служебного пользования). Это объяснялось тем, что детальная информация об урановых месторождениях считалась тогда секретной. Запомнилась подробная анкета на двадцати страницах, где требовалось привести массу информации обо всех моих родственниках, включая такие вопросы как партийность, место работы, наличие судимости, нахождение во время войны в оккупированных районах и др. В последней анкетной графе говорилось об особой ответственности за предоставление неверных данных. Но я по совету мамы и отчима утаил информацию о моем родном отце, хотя и опасался, что, если истина обнаружится, то университета мне не выдать как своих ушей. Но всё к счастью обошлось, и мне вскоре сообщили, что я принят на геофак в специальную группу.

Несколько слов о бытовых вопросах. Стипендия для «геохимиков-2» была 400 рублей – значительно выше обычных 280, а повышенная степенуха могла достигать и 600 рублей. Родители обещали высылать мне 500 р. в месяц, так что умереть с голоду не грозило, тем более, что цены в студенческой столовой под именем «Академичка» были умеренными (обед из трех блюд стоил 40 копеек, а при отсутствии денег можно было бесплатно поесть черного хлеба с горчицей). «Академичка» была своеобразным студенческим клубом, и придуманное мной четверостишие: «лучшее место для любовной смычки – за столиком в Академичке» послужило для нее хорошей рекламой.

Общежитие на Васильевском острове

В общежитии я познакомился с замечательным человеком Володей Похиалайненем (кличка «Поха»). Отличный геолог и к тому же неплохой поэт. Запомнились строки из его студенческого стихотворения: «Нам все равно поэтам и бродягам, каким на свете поклоняться флагам». Отец Володи, Иоганн, лютеранин из ингерманландской семьи, получил высшее образование в Эрфурте и по возвращении в Россию успешно занимался садоводством. С началом «зимней» финской войны он был депортирован в Среднюю Азию на строительство Ферганского канала и только в конце войны смог перебраться в Ташкент, где его ждали жена и сын. У Володи, как и у меня, были свои счета со сталин-

ским режимом, и это нас сблизило. Как-то он по секрету поведал мне, что по окончании учебы постарается распределиться в Магадан, и там найдет возможность зимой перебраться по Берингову проливу через мыс Дежнева на Аляску. Эти планы сбылись, но только наполовину. Он действительно начал свою деятельность в Магадане, но его так увлекли научные проблемы геологии и стратиграфии северо-востока России, что магаданский период растянулся на всю жизнь. Он блестяще защитил докторскую диссертацию и опубликовал более 70 научных работ. Стал известен в Магадане и как автор и редактор многих поэтических сборников. И не было ни одного сборника, где бы он не вспоминал о родном ему Питере.

Сергей Шульц перешел на геологический факультет с исторического, и вся его дальнейшая жизнь ознаменовалась замечательными достижениями как в геологической науке, так и в поэзии и исторической литературе. Не буду детально останавливаться на его вкладе в современную геологию. Назову лишь две самые крупные монографии: «Земля из космоса» и «Геодинамические реконструкции». Его недаром называли «Вернадский нашего времени». Удивляли поразительная память Сережи, знание поэзии. Он и сам был хорошим поэтом, недаром быстро сдружился с Иосифом Бродским.

В начале 90-х годов Сергей поразил своих друзей и коллег, даже хорошо знавших о его разносторонних интересах, фундаментальным трудом «Храмы Санкт-Петербурга. История и современность». И, наконец, подлинным шедевром стала его уникальная монография «Невская перспектива. От Адмиралтейства до Мойки».

После окончания ЛГУ мы не раз встречались с Сергеем во время моих командировок в Ленинград. Особенно запомнилась мне наша встреча зимой 2000 года. В тот мой приезд Сергей привел нас в знаменитое Литературно-артистическое кафе «Бродячая собака» – один из центров культурной жизни Серебряного века. На стенках кафе оставили свои экспромты многие поэты, в том числе и Сережа, который был одним из авторов книги «Бродячая собака».

Сережа преждевременно скончался в октябре 2004 года. Я узнал о его смерти слишком поздно, чтобы успеть приехать на похороны.

Весна 1956 года была отмечена важным политическим событием – докладом Хрущева «О преодолении культа личности Сталина», где

была дана оценка многим преступлениям Сталина и тем беззакониям, которые происходили с 1937 года. Мы обменялись с мамой письмами по этому докладу, и у нас появилась надежда на скорую реабилитацию отца.

Ташкент

Шестого февраля 1958 года я отправился поездом из Ленинграда в Ташкент – «Рио де Жанейро» Средней Азии. Половина пассажиров вагона при проведенном опросе поставило Ташкенту отметку 5, остальная половина – 4, и я понял, что жить там можно.

По приезде я отправился в Краснохолмскую экспедицию и был принят ее начальником. Надо напомнить, что эта экспедиция относилась к так называемому Первому главку Министерства геологии, который занимался поисками и разведкой урановых месторождений на территории СССР. Экспедиция находилась на улице Навои в районе Анхор, самом центре города, и я до вечера бродил по его площадям и паркам.

Ташкент меня очаровал своим февральским 15-градусным теплом, азиатским орнаментом, контрастами старого и нового города и вкусной ароматной кухней. К обеду над центром города стояло марево от готовящихся на каждом перекрестке шашлыков, плова, лагмана, шурпы и других замечательных блюд. Цены были невысокие, шампур изумительного шашлыка стоил полтора рубля.

После недельного отдыха я отправился в свою стационарную партию 55, где мне пришлось проработать до конца года. Она располагалась в 15 километрах от Самарканда в предгорьях Зеравшанского хребта, рядом с таджикским кишлаком Агалык. Речка Агалыксай с множеством притоков протекает вдоль селения по скалистой долине.

Начальник партии Юрий Васильевич Петров принял меня товарищески и сообщил, что он уезжает на месяц в Ташкент и оставляет меня за главного в области геологии. Партия 55 относилась к категории поисковоразведочной. Перед отъездом Петров дал мне ключи от своего домика, где я должен был жить, и передал под расписку пистолет ТТ на всякий непредвиденный случай: многие рабочие нанимались на работу без предъявления паспорта и имели криминальные привычки.

Чем прочнее была порода, тем больше был заработок рабочих.

Если канава проходила в известняках, и я проставлял невысокую категорию, рабочие кричали что-то вроде: не обижай, начальник, пиши гранит, совсем из сил выбились. И мне иногда приходилось идти на уступки вопреки нормам. С рабочими, занятыми на подземных работах в штольне, была другая проблема. Они во время перекура могли усесться прямо на отвалы горной породы, с прослоями уранинита, а когда я пытался объяснить, что это очень вредно, слышал в ответ: да мы после смены раздавим пару бутылок, и никакая зараза не прилипнет.

Горных рабочих в партии было человек 50, в большинстве это были молодые таджики из Агалыка. Они стремились побольше заработать, чтобы при женитьбе хватило денег на калым, величина которого колебалась от 10 до 50 тысяч рублей в зависимости от красоты и молодости невесты.

Утром я вставал рано, и обычно перед домом уже стоял гость из кишлака, какой-нибудь старый таджик или узбек с местными дарами: дыней, виноградом и лепешками. Прощаясь, он благодарил за то, что его родственник имеет такую хорошую работу у такого хорошего начальника.

Полевые будни

В мае начался долгожданный поисковый период, то есть настоящая интересная жизнь со всеми ее тяготами и романтикой. Наш поисковый отряд включал помимо меня несколько ребят десятиклассников – приборных операторов, повара и конюха, все в основном таджики из Агалыка. Народ в отряде подобрался молодой и невредный.

Нам предстояло проверить на содержание урана гранитный массив площадью около 600 квадратных километров. Работа была не очень сложной. Я разбивал по карте поисковую сеть и расставлял операторов через 50 метров друг от друга. Каждому оператору вручался переносный радиометр, включающий длинную трубку с датчиками радиации, наушники и дисплей. Операторы шли по маршруту параллельно друг другу, внимательно «прощупывая» выходы гранитов. Если радиация была выше нормы, они подзывали меня криками: «Начальник, посмотри, уран нашел». Но это, увы, была, ложная тревога. Эти аномальные точки были связаны с гранитными валунами, обросшими мхом. Именно на скоплениях органики уровень радиации был повышен.

Забегая вперед, скажу, что залежей урана в гранитах Каратепе мы не нашли. В противном случае я вряд ли прожил бы до 80 лет.

Возвращение в Ригу. Геология Латвии. Друзья. (1959-1966 гг.)

В марте 1959 года, отработав год в Краснохолмской экспедиции, я приехал в Ригу в законный отпуск.

К этому времени мой отчим вышел на пенсию и уволился из армии; вместе с мамой они вернулись из поселка Сафоново в нашу рижскую квартиру на бульваре Райниса. Я собирался встретиться в Риге с друзьями, а также обсудить с родителями планы на отпуск и на дальнейшее трудоустройство в экспедиции, куда мне предстояло вернуться. Надо напомнить, что по действующим в те времена «крепостным» правилам выпускник ВУЗов должен был отработать три года в той организации, куда он был направлен по распределению. И только на четвертый год он получал право свободного выбора работы.

Проведя в кругу семьи и друзей только неделю, я ясно почувствовал, что мне совсем не хочется возвращаться в Ташкент и связывать своё будущее с опасной для здоровья разведкой месторождений урана. Мама тоже была против того, чтобы я продолжил работу в экспедиции и, учитывая, что я в это время сильно кашлял, предложила свой план: проверить состояние моих легких и оценить возможность работы в полевых условиях.

И дальнейшие события разворачивались следующим образом. У меня признали бронхит и дали справку о необходимости лечения. Затем, сославшись на это заключение, я отправил на имя Петренко, начальника экспедиции, заявление с просьбой уволить меня по состоянию здоровья. И уже через 10 дней получил заказным письмом свою Трудовую книжку с записью уволен из состава экспедиции по состоянию здоровья на основании справки ВКК от 20.04.59 г.

Так я стал свободным человеком и стал думать о новой работе...

Так я выглядел по приезде в Ригу

Первые шаги в изучении геологии

В конце пятидесятых в Риге действовали две геологические организации: Управление геологии Латвии, проводившее геологоразведочные работы на территории республики, и Институт геологии и полезных ископаемых АН Латвийской ССР, который занимался научными исследованиями по актуальным для Латвии направлениям геологии и геофизики.

Мой выбор остановился на Институте по двум соображениям. Во-первых, по складу ума я больше склонялся к науке, чем к работам на производстве, а во-вторых, мои родители поддерживали приятельские отношения с директором Института Спрингисом и его семьей. И вот в мае 1959 года я был принят на работу в Институт в должности младшего научного сотрудника со специализацией в области литологии четвертичных отложений. Здесь самое время рассказать, какой незаурядной личностью был директор Института, доктор геолого-минералогических наук член-корреспондент АН Латвийской ССР Карл Яковлевич Спрингис (1903–1987). Он относился к категории так называемых русских латышей. До приезда в Ригу он 20 лет своей жизни отдал геологическим исследованиям на северо-востоке СССР. Карл Яковлевич снискал всеобщее признание – и как ученый, и как организатор геологических исследований в Латвии. Он умел предвидеть склонности будущих исследователей и предоставлял им широкие возможности для учебы в аспирантуре. Для меня он был настоящим учителем и подлинным научным наставником. Институт геологии в то время располагался в небольшом особняке на улице Ханзас. В коллективе института было много молодых специалистов, которые стали впоследствии выдающимися учеными, заложившими основу современной науки о геологии Латвии. Биографии и научные труды многих из них отражены в обзоре А.С.Савваитова «Прошлое – путь к настоящему и будущему в изучении четвертичной геологии Латвии».

Особенно тесные отношения завязались у меня с молодыми геологами-четвертичниками Сашей Савваитовым, Интом Вейнбергом и Ояром Аболтыньшем. Александр Сергеевич Савваитов был и остается для меня настоящим другом, мудрым и отзывчивым человеком. Он был на год старше меня, родился в Витебске, приехал в Ригу после войны вместе с родителями. Его отец был известным

военным врачом, главным терапевтом Военного округа. Квартира Савваитовых находилась в доме рядом с нынешней Ратушной площадью, в самом центре Риги. В 1951 г. Саша, как и большинство моих друзей, окончил 22-ю среднюю школу; высшее образование получил в Московском геологоразведочном институте и в 1957 г. поступил на работу в Институт геологии и полезных ископаемых АН Латвийской ССР, где мы и познакомились. Забегая вперед, подчеркну, что Савваитов стал исключительно авторитетным латвийским геологом, доктором геологии, автором и соавтором более 100 научных публикаций и отчетов по вопросам четвертичной геологии и возможной алмазности Латвии.

Где-то в июне Спрингис на своей «Волге» привез меня и Сашу Савваитова на классический разрез четвертичных отложений Даугмале. Здесь я впервые увидел ту самую морену, изучению которой я посвятил несколько лет работы в Институте. (Морена — это геологическое тело, сложенное ледниковыми отложениями. Представляет собой несортированную смесь обломочного материала самого разного размера — от гигантских глыб-отторженцев, имеющих поперечник до нескольких сотен метров, до глинистого материала, образующегося в результате перетирания обломков при движении ледника).

Со временем при институте был создан Специализированный информационный центр (СИЦ) по морской геологии, геофизике и освоению морских месторождений полезных ископаемых. Заниматься этим СИЦом поручили мне. Самой востребованной услугой здесь было выполнение переводов. В состав группы входил Саша Белугин, о нем следует рассказать подробнее.

Он был подлинным цыганофилом. Саша окончил факультет иностранных языков Латвийского государственного университета, защитил диплом на тему: «Особенности диалекта латышских цыган». Саша был талантлив. Скоро обнаружилось, что он настоящий полиглот — помимо основных европейских языков, он владел ивритом, урду, фарси, хинди, санскритом. По нашим подсчетам, в общей сложности он владел в различной степени не менее чем 50 языками, и знал около десятка наречий и диалектов цыганского языка. Однажды Саша зашел в мой кабинет и попросил дать ему внеочередной отпуск на несколько дней для поездки в Москву. Причина была уважительной. В Москву приезжал известный канадский лингвист, редактор международного

журнала «Revue de Gitano» (?), где была опубликована одна Сашина статья. Саша улетел в Москву и вернулся через три дня в приподнятом настроении. Саша рассказывал, что, встречая канадского лингвиста, он познакомился с девушкой Надей, филологом, цыганофилкой со стажем. В общем, Саша переехал в Москву, устроился на работу в ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам), под псевдонимом Лекса Мануш писал стихи для детей. (Лекса — цыганское сокращение от Александра, Мануш — «человек» по-цыгански). У меня сохранилась его книжка «Хочу лошадку». Он подарил мне ее со следующей надписью:

*На коне цыганском, Гарик,
Все объездишь дали.
Передай привет цыганам
От меня в Италии.*

Саша скончался в 1997 году еще совсем молодым. Ему было только 55 лет.

Википедия посвятила ему статью «Лекса Мануш», где Александр Дмитриевич Белугин характеризуется как советский цыганский поэт, лингвист и этнограф. В этой статье приведены многие неизвестные мне факты о научной деятельности Саши. Вот некоторые из них.

В 1990 году в Индии в переводе Саши на цыганский и английский был издан древнеиндийский эпос «Рамаяна». В 1997 году в Риге издали «Ķigānu-latviešu-angļu etimoloģiskā vārdnīca» («Цыганско-латышско-английский этимологический словарь»), одним из составителей которого был Саша. Сегодня наследие Лексы Мануша — это десятки научных работ, исследования в области истории и культуры цыганского народа, это сотни стихов.

Рижская компания

После работы я обычно проводил время в своей компании. Ее основу составляли школьные друзья и приятели.

В 1958 году почти все они начали свою трудовую жизнь. Володя Посвольский, Рафаил Цинман, Миша Потехин, Юра Кузнецов работали инженерами на заводах и в КБ. Павка Дембо пробовал силы в журналистике, а Семен Либман делал карьеру в Министерстве высшего образования.

Зорик Фальков руководил буровыми работами в нефтепоисковой экспедиции в Скрунде.

Юра Столыгво после демобилизации из армии работал в Елгавской больнице, вместе с женой Ритой, и как-то раз мы с Зориком навестили молодую врачебную семью и пили неразведенный медицинский спирт.

Зорик по кличке Нуска

Леша Волосников, увы, не получил высшего образования. Проучившись несколько лет в Ленинградском театральном институте, у Акимова, он был отчислен за драку и вернулся в Ригу вместе с женой Галей, закончившей театроведческий факультет того же института.

О Лехе стоит рассказать более подробно. Его мама Нина Диодоровна до войны жила в Риге, где вышла замуж за сотрудника английского посольства в Латвии, по фамилии Мэрфи. В 1934 году у них родился сын Алексей. Перед самым началом войны Мэрфи выехал ненадолго в Лондон, но тут началась война, он не смог вернуться в Ригу за своей семьей, а Нине Диодоровне вместе с Лешей пришлось перед приходом немцев в Ригу эвакуироваться. Связь с Мэрфи была утеряна, и после войны Нина Диодоровна вышла замуж за Волосникова, чью фамилию и носил в дальнейшем Леша.

Лешина квартира находилась на первом этаже красивого дома на улице Элизабетес, где сейчас находится гостиница «Моника». У Леша часто собирались наши приятели и актеры рижских театров. Леха вел жизнь свободного художника, обладал независимым характером и был талантливым художником. Он подарил мне две картины. Одна называлась «Город» и до сих пор украшает квартиру моей дочери Лены.

Вторая картина «Зурбаган», к сожалению, утеряна. Мы с Лешей в это время увлекались Александром Грином. Выдуманный им сказочный город Зурбаган, который фигурирует во многих его произведениях, будил наше воображение.

Леша писал стихи, но мало кому показывал. У меня сохранился его рукописный сборник «Метели» (1955 – 1959 г.г.). Вот несколько строк: «Я заболел дыханием весны. Меня убило жизни пробужденье. Меня убили голубые сны – сны, полные прозрачного томленья. Еще весною

сменится весна, осыпав ветки цветом розмарина. И я забудусь в этих чудных снах, но буду жить в цветении жасмина».

А. Волосников. «Ночь». Картон, гуашь, пастель. 1960-1970-е гг.

С деньгами у Леша всегда было трудно. Он иногда давал частные уроки живописи молодым девицам, но предпочитал жанр натюрморта, причем натуру – овощи, фрукты и другие съедобные вещи, ученицы должны были приносить с собой. Вечером это служило неплохой закуской, а в качестве мясного блюда подавались жареные голуби. Он ловил голубей в парке с помощью сеток и других нехитрых приспособлений. А вино, конечно, приносили гости.

Помимо упомянутых выше ребят, в компании были новые имена. К ним относились в частности Рафа Цинман и Илан Полоцк. Рафаил Цинман был душой компании. На наших встречах он не расставался с гитарой, и его коронной песней была «Бригантина», начинавшаяся словами – Надоело говорить и спорить.

Илан Полоцк работал тогда в легендарной газете «Советская молодежь». Это был замечательный, романтически настроенный человек, отличный собеседник, эрудит, спортсмен. Его кумиром был Хемингуэй. Когда в Риге гостили известные советские поэты и писатели,

Посвольский и Цинман

Илан Полоцк

Илан делал всё возможное, чтобы заманить их в свою квартиру, где проводились своего рода литературные вечера. В дальнейшем он стремился приобрести опыт в самых разных сферах деятельности: работал спасателем на Кавказе, в дельфинарии на Черном море, перегонял табуны в Киргизии и занимался рыбным промыслом на Дальнем Востоке. Очерки и рассказы Илана часто публиковались. Считается, что он был одним из лучших латвийских журналистов. А еще он зарекомендовал себя прекрасным переводчиком английских детективов. Илан умер в июне 2013 года и похоронен в Риге на кладбище в Шмерли.

Илан посвятил нашей компании небольшой рассказ «История одной компании», опубликованный в газете «Советская молодежь» где-то в конце 50-х. Он считал нас чем-то вроде классической неформальной группы. Ничто нас вроде бы не связывало – ни работа, ни учеба. Ничего, кроме взаимной тяги друг к другу и приверженности к дешевому болгарскому вину «Гамза». Оно продавалась в полуторалитровых плетенках, и, как показали расчеты, превосходило другие сорта сухого красного вина по показателю градус на копейку.

В период с 1960 по 1966 год летом я выезжал на полевые работы по Латвии. В 1960 году мы с Сашей Савваитовым детально изучали разрез четвертичных отложений Розены на берегу реки Салаца. Мы провели там несколько недель и даже отмечали праздник Лиго. Интересно, что на эстонской стороне жители, как и полагается, жгли ночью костры и распевали народные песни, а на латвийской стороне все делалось тайком. Вероятно, это было связано с так наз.

разгромом «латышских националистов» в конце 1950-х гг., после приезда Н.С. Хрущева в Ригу. В Латвии празднование Янова дня запретили на многие годы и зашифровали его словосочетанием «день летнего солнцестояния». Старания Министерства культуры Латвии доходили до полного маразма. В этой связи шутили, что мальчик Янис из букваря переименован в Юриса, а популярный Jāņa siers (янов сыр) тоже предлагали как-то переименовать с учетом «текущего момента».

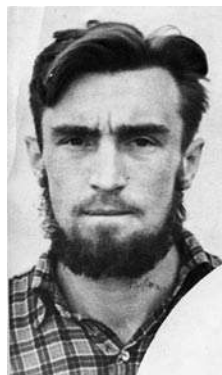
Перед полевым сезоном 1962 года Леша Волосников познакомил меня с Михаилом Красильниковым, удивительным талантливым человеком, многолетняя дружба с которым обогатила мою жизнь. До этого я знал Мишу лишь понаслышке. Он родился в 1933 году в Белоруссии, в Орше, где проходил военную службу его отец. Затем семья жила в Хабаровске, во время войны – в Сибири, после войны в Калининграде (Кёнигсберге). С 1948 г. М.Красильников жил в Риге. Он, также как и многие мои друзья, окончил 22-ю школу, но годом раньше. В 1951 году поступил на филологический факультет Ленинградского университета. И хотя мой геологический факультет располагался в соседнем здании, видеться с Мишей мне тогда не пришлось. В университете Красильников проявил себя талантливым неординарным поэтом. В сборнике «Самиздат века» целую группу ленинградских поэтов, начинавших в 50-е годы вместе с Мишей (Владимир Уфлянд, Юрий Виноградов, Сергей Кулле, Михаил Ерёмин и др.) назвали «кругом Красильникова». Жизни и творчеству Красильникова посвящено много публикаций. Здесь я вкратце отмечу лишь основные события, которые предшествовали нашей встрече.

В 1952 году студенты второго курса филфака Михайлов, Кондратов и Красильников разыграли в перерыве между лекциями футуристический спектакль или славянофильскую демонстрацию (по-современному, хэппенинг). На всех были расписные рубахи, посконные брюки, в руках лукошки. Они усаживаются на пол, разливают в общую миску бутылку кваса и, хлебая квасную тюрю деревянными ложками, напевают «Лучинушку и стихи Хлебникова». И в заключение этого удивительного действия все достают гусиные перья и с серьезным видом что-то записывают в тетрадях. Конечно, эту неслыханную по тем временам акцию разогнали, участников свели в партком, и призывали к раскаянию и выдаче зачинщиков. Вскоре после появления в газете «Комсомольская правда» нашумевшего фельетона «Трое с гусиными

перьями» их выгнали из комсомола и из университета. Однако, после смерти Сталина они были восстановлены на филфаке и продолжали учебу. Новый хэппенинг случился в ноябре 1956 года. Дело это было громким. Во время прохождения ноябрьской демонстрации по Дворцовой площади Миша и несколько рижан, которые тоже учились в Питере, начали выкрикивать «лозунги антисоветского содержания»: «Да здравствует свободная Россия!» «Да здравствует свободная Латвия!», «Свободу Венгрии!» Когда колонна демонстрантов возвращалась к университету по Дворцовому мосту, Миша был молниеносно захвачен в машину и арестован. Он был осужден на 4 года и стал чуть ли не первым арестованным по ст.58-10 после доклада Хрущева на XX съезде. Заключение он отбыл от звонка до звонка в Мордовии в политическом лагере Дубровлаг. Первая публикация стихов Михаила Красильникова состоялась в сборнике «Пятиречье» – два выпуска, изданных в 1958 и мае 1959 г., тираж – один экземпляр, адрес издания: Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Явас, п/я 385/14.

Вот одно Стихотворение из сборника «Пятиречье»:

*Все вежливей и все резонней,
Весомей прежних доказательств,
Тоска обдумывала в зоне,
Как побольнее наказать их.
Обуревая необурых,
На циферблате застывала,
На стол упреков о минутах
Набрасывала покрывало.
И необурые обулись,
Тоска костюм меняла сотый,
Издоранный вчера об улиц
Обугленные повороты.
И постепенно пену злобы
Прибой отшивывал куда-то,
Где неприкаянную робость
Вели испытые солдаты.*

Миша после освобождения из лагеря

Арест Миши стал потрясением для его отца, прослужившего всю жизнь в армейском Политуправлении. Он был вынужден демобилизоваться и преждевременно выйти на пенсию.

Выйдя на свободу, Красильников сумел восстановиться в университете и получить диплом. Однако на газетную работу его не брали. Поэтому он, недолго думая, принял мое предложение поработать до лучших времен в Институте геологии на полевых работах в должности коллектора.

С Мишей и Сашей Савваитовым мы в 1961-1962 годах объехали почти всю Латвию. Нашей главной задачей было опробование морен. Мы жили с Мишей в одной палатке, вместе копали морену и вместе сидели вечером у костра. Я тогда Мишу как бы приватизировал. После лагеря он не мог обходиться без чифиря. Тогда в любой аптеке можно было достать кодеин. Он брал десять таблеток, добавлял их в чифирь, выпивал и целую ночь напролет мог рассказывать.

Иногда у нас было и что-то покрепче. Когда Миша выпивал, он преображался. А если нечего было выпить, он сидел мрачнее тучи. Я посвятил Мише одно стихотворение, несколько строк из которого приводятся ниже.

*Тоска, болото, накомарник,
И боль вечернего огня.
Я стал наверно наркоманом
Все это разом хороня.
Я жду – я скоро в бездну кану.
О, медики, как страшно им!
Глотаю философский камень –
Простой аптечный кодеин.
И вот уже под небом низким
Так ярко, будто неспроста
Зажглась, как глаз кокаиниста,
Больная белая звезда.
Как сладко мне под той звездой.
Во власти трепетной игры
Встречать абстрактные миры,
Что вдаль несутся чередой.
Такое вряд ли повторится
Приравнен году каждый миг.
Каледойскопом пляшут лица
Друзей и недругов моих.*

Как-то раз после чифира с кодеином Миша рассказал замечательную историю о поэте Хлебникове. Вот идет Гражданская война, Хлебников с каким-то приятелем едет в поезде на юг. Как обычно, у него с собой пара наволочек, в которых он носил свои рукописи. Вдруг поезд остановили махновцы, высадили людей и половину расстреляли. Хлебникова с приятелем не тронули, они пошли по степи, голая степь. Видят, какая-то там балка, горит огонек, люди уху варят. Они подошли к костру, их приняли, угостили ухой и самогоном. Они согрелись. И им стало после этой Гражданской войны ужасно тепло на душе от этого костра. Тут костер затухает. Подбросить нечего. Тогда Хлебников берет свою наволочку, достает оттуда свои стихи и кидает в костер один листок за другим. Приятель пытается его остановить: «Велимир! Ты что делаешь? Ведь это твои лучшие стихи». Тот: «Это ерунда. Нужно, чтобы как можно дольше было хорошо». И вот это «чтоб больше, дольше хорошо было» для Миши много чего значило.

Общение с Мишей повлияло на мои литературные вкусы. Он открыл для меня таких прекрасных поэтов как Пастернак, Заболоцкий, Мандельштам. Оказалось, что Миша писал дипломную работу по Леониду Мартынову.

Эту Мишину способность открывать для своих рижских друзей новые имена, стихи и книги отмечали многие. В 2001 году в журнале Даугава, №6 были опубликованы воспоминания о Красильникове нескольких его друзей. И один из них, Валерий Тищенко, отмечает: «Смешно сегодня сказать, для меня было просто потрясением, когда я через него вышел на сборник «Вехи». Может быть, я бы прочитал «Вехи» и без него, но ведь прочитал благодаря ему. И в принципе, для меня этого уже достаточно. За это я ему, вот скажу, бесконечно благодарен. Могу привести и массу других примеров: Бердяев там, Соловьев, поэзия такого периода, другого периода».

Запомнился мне и полевой сезон 1965 года, когда мы детально изучали знаменитый разрез Личупе на правом берегу р. Огре у места впадения в нее р. Личупе. Там собралась любопытная команда: Валя Бергман, Сережа Шабанов, Катя Муравьева, а иногда приезжали Борис Новиков и Саша Савваитов. Вале поручили купить в Риге каких-нибудь продуктов на его усмотрение. Он приобрел 30 башенок твердого, очень пахучего зеленого сыра. Сейчас в такой упаковке его нет в продаже, но, кто помнит, тот знает, что он употреблялся исклю-

чительно в тертом виде для макарон. Но макарон у нас не было.

Сережа Шабанов был принят на работу в качестве чернорабочего и должен был раскапывать обнажение. Когда я пытался ему помочь, он менторским голосом говорил, что я неправильно копаю и мешаю ему работать. Но я прислушивался к его советам. Как-никак он имел высшее техническое образование и был комсоргом на Рижском вагоностроительном заводе, членом райкома. И вдруг в 68 году, во время чешских событий, он выступил с осуждением ввода советских войск в Чехословакию. Думаю, тут не обошлось без влияния Миши Красильникова. Но в результате Сергей был исключен из комсомола, уволен с РВЗ и оказался по протекции Миши в наших рядах.

Катя Муравьева добровольно примкнула к нашей группе в качестве поварахи. Ее биография, как и многих людей, которых мне удавалось повстречать, была непростой. Ее отец принадлежал к полутысячелетнему дворянскому роду Муравьевых-Апостолов, а мать была внучкой Родзянко, председателя Государственной думы России. После Октябрьской революции они оказались во Франции, где отец окончил университет и прослужил инженером-химиком вплоть до 1958 года. В марте 1958 года он вернулся в СССР с женой и тремя дочерьми и поселился на Украине, где ему была предложена работа по специальности. Надо сказать, что Никита Муравьев был еще весьма даровитым поэтом и художником. После его смерти жена с дочерьми переехала в Москву. Им предоставили комнатушку в общежитии на Божедомке, и жили они очень скромно. Все три сестрицы Муравьевых – Агаша, Вера и Катя – приезжали в Ригу и заходили в гости к Красильникову, там я с ними и познакомился и предложил Кате провести пару недель в полевых условиях. Ни Катя, ни, судя по ее рассказам, ее отец ни разу не проронили ни единого слова сожаления о решении вернуться на родину предков. Им нравилась та творческая атмосфера, которая отличала советскую интеллигенцию шестидесятых.

Рига в середине 60-х

Рига, можно сказать, являла тогда собой кусочек Европы не только по архитектуре, но и по духу. Казалось, что в Прибалтике больше свободы, чем в Москве или в Ленинграде. Поворот к свободе, несомненно, стал возможным благодаря так называемой «хрущёвской

оттепели», которая предоставила относительно широкие возможности для творческого самовыражения личности.

В рижских театрах, филармонии, в знаменитом Домском соборе часто выступали первоклассные коллективы и артисты из Москвы и Ленинграда. Летом эпицентр культурной жизни перемещался в Дзинтари. Тогда туда еще не было нашествий юмористов, зато приезжали лучшие оркестры. Веселая и шумная Рига, независимо от национальности, тянулась к культуре, поэзии, кинолубам, молодежным кафе.

Из рижских кафе тех лет самыми знаменитыми были «Каза» и «Дубль». В «Казе» я почти не бывал, моим кафе был «Дубль» – на теперешней ул.Калькю. Здесь, как нигде в другом месте, отлично варили двойной кофе, отчего и пошло название «Дубль». Тут всегда было полно народу, громко спорили, говорили о высоких материях, декламировали стихи. Чужим здесь было не по себе. Кофе тогда стоил удивительно дешево: ординарный – 8 копеек, двойной – 16.

Зимой моих знакомых, помимо «Дубля», можно было застать в двух местах: в ресторане «Метрополь» и в баре ресторана «Рига» – в обиходе: «Шкаф». В «Метрополе» пела известная певица Мирдза*, а в баре на фортепиано играл талантливый пианист Леня Марухно. В «Шкафу», в основном, собирались молодые художники.

* Цируле Мирдза (в замужестве – с 1976 г.: Мирдза Зуйка; 1932-2011, Рига), легендарная солистка-вокалистка Рижского бюро эстрадных оркестров. Училась в музыкальном училище им. Я.Мединя (не окончила), на сцену вышла не позднее 1954 г., около двадцати лет с успехом выступала в ресторанах Риги и Юрмалы («Астория», «Балтия», «Луна», «Метрополь», «Рига», «Юра(?)»...), в особенности была известна исполнением джазовых композиций в стиле Э.Фиджерайд. См. о ней: Ицкевич В. Рижские эстрадные // Ригас Балсс. 1965. 15.06. С.5; Šidlovskis V. Pirmais Rīgas estrādes mūzikas festivāls // Literatūra un māksla. 1965, 12.06, 5. lpp.; Лиепиня Д. «Вы были тем ветром» // Ригас Балсс. 1995. 28.03. С. 8-9; Личная карточка Цируле Мирдзы Александровны 1956-1960 гг. // Personāla dokumentu valsts arhīva. Фонд 70. Оп.1. Ед. хр. 463 (Рижский центральный универмаг. Ресторан «Астория»). Л.35-35 об. Увидеть и услышать певицу можно в кинофильме «На дальних берегах» (Азербайджанфильм. 1958).

(<http://kinofilms.tv/film/na-dalnix-beregax/36921/>), где с 5 мин. 10 сек. до 6 мин. 20 сек. она (в основном, за кадром) в роли ресторанной певицы поет «Карамба, сеньеры», муз. Г.Начински, слова Х.Хейнриха.

У микрофона Мирдза Цируле. Гитара – Антон, пианист – «Бамбук», барабан – Гунар, аккордеон – неизвестный. Ресторан «Метрополь», Рига. Начало 60-х гг. Собрание Л.Марухно.

Летом особой популярностью пользовалось открытое кафе «Птичник», по-латышски «Путну дарзс». Оно располагалось рядом с нынешним отелем «Hotel de Rome». Здесь, помимо богемы, собиралась разношерстная публика: народ из ближайших контор, спекулянты, деловые люди и прочие личности.

В 1962 году я через Волосникова познакомился с художником Артуром Никитиным. Но о нем я буду не раз рассказывать в следующих главах моих воспоминаний.

Миша в это время работал в Бюро путешествий на улице Вальню, и мы часто пили здесь кофе во время обеденного перерыва.

В конце шестидесятых в Риге гастролировал ансамбль старинной музыки «Мадригал», который основал Андрей Волконский, один из родоначальников русского музыкального авангарда. Миша с увле-

Благодарим Н.Брода, Л.Голанда, С.И.Лыбу, в 1960-х – 1970-х гг. директора ресторана «Астория», Л.Марухно, Ю.Мутулиса, поделившихся с нами воспоминаниями и сведениями о Мирдзе Цируле. (Прим. ред.)

С Артуром в Старой Риге

Я и Красильников в «Птичнике»

чением рассказывал о его нашумевшей «Сюите зеркал» на текст Гарсии Лорки. Первая строка текста гласила: «Христос держит зеркало в каждой руке». А зеркала умножают явление Христа.

После концерта Волконского в Домском Соборе Миша пригласил Андрея и солистов «Мадригала» ко мне в гости на Райниса. Насколько помню, вместе с Андреем пришли сестры Лисициан и Беатрис Парра, певица из Эквадора. Я растопил камин... Пили «Гамзу». Разговорились. Мадригальцы восхищались Ригой, Миша читал любимого Уфлянда и неожиданно вспомнил, как трудно жилось в Союзе во время войны. Волконский, подумав, произнес печально: «Миша, ты прав, у нас в Швейцарии даже шоколад пропал».

Рижские поэты

В те годы то в кафе, то в каком-нибудь клубе или университетской аудитории частенько молодые поэты читали свои стихи. Наиболее известными среди молодых поэтов были Владлен Дозорцев, Иосиф Бейн и Сева Лессиг.

С Владленом я порой встречался на поэтических тусовках. Иногда в дальнейшем мы общались, но вряд ли были приятелями.

Что касается Бейна и Лессига, то наши отношения были более близкими.

Иосиф Бейн

Я познакомился с ним еще в то время, когда учился в университете и приезжал в Ригу на каникулы. Раньше мы с ним не встречались, хотя они учился одновременно со мной в 22-ой школе и даже посвятил школе стихи:

*Ты была и грустной и веселой,
Звучным колокольчиком звеня,
Ты не средней, самой лучшей школой
Навсегда осталась для меня...*

Иосиф Бейн в Риге.

После школы, в начале 50-х, Иосиф поступает в Рижский педагогический институт. Но вскоре его из института исключают. Говорили, что дело было так. На лекции по истории зарубежной литературы преподаватель З.М.Гильдина, комсомолка 20-х годов, восторженно вспоминала, как она видела Ленина на каком-то съезде комсомола. И тут Бейн поднял руку и спросил: «Скажите, пожалуйста, а Ленин Вас видел?» Вскоре он получил повестку в военкомат и два года прослужил на Дальнем Востоке в порту Ванино, кажется, в муззвезде. Ему даже разрешили посещать литературное объединение при газете «На страже Родины» в Советской Гавани. Позже мы с Иосифом делились воспоминаниями об этом городе, где по стечению обстоятельств я окончил среднюю школу.

В 1954 году после того, как его комиссовали, Бейн приехал в Ленинград поступать на итальянский факультет Ленинградского университета. В университет не приняли – будто бы потому, что сочинение «Маяковский – поэт трибун и агитатор» Иосиф написал стихами на 12-и страницах, но допустил десяток грамматических ошибок. Как будто, звонок Даниила Гранина давал Иосифу возможность поступить на заочную журналистику, но он не воспользовался этой протекцией. Тем не менее, покидать Ленинград он не собирался, постепенно входил в литературную жизнь Северной столицы. Здесь, в Ленинграде, Иосиф Бейн познакомился со своим тезкой Бродским. Известно, что как-то раз он вместе с Бродским читал свои стихи.

*Стою – под радугой-дугой.
Кричу – сомнения отбросив,*

*Нет, я не Бродский, – я другой.
Еще неведомый – Иосиф...*

В Ленинграде Иосиф познакомился и со своей женой Ниной Истоминой – ставшей матерью его шестерых детей.

Я в это время учился в университете и жил в Автово, занимал отдельную комнату в коммунальной квартире. И вот однажды вечером ко мне зашли Иосиф с Ниной. У них в руках было по объемистому пакету. Иосиф рассказал, что над ним сгущаются какие-то тучи, он боится обыска и изъятия рукописей. А в пакетах находился весь его поэтический архив ленинградского периода. Он попросил сохранить бумаги до более спокойных времен. Когда в 1958 году я собирался уезжать по распределению в Ташкент, я вернул Бейну его пакеты.

В 1962 году Бейн возвращается в Ригу, изредка наезжая в Ленинград по творческим делам. А я вернулся в Ригу из Средней Азии в 1959 году и иногда встречал Иосифа на молодежных сборищах или просто на улице.

На прохожих Бейн производил, мягко говоря, очень странное впечатление. Всклоченный, рыжебородый, прижимая к потертой матросской шинели кипу вечно рассыпающихся бумаг и что-то бормоча, он казался обывателям то ли юродивым, то ли воплощением дьявола.

Как-то он написал о себе:

*Как можно рыжей бородой,
Что не по Марксу, так гордиться?
Поэт в России должен спиться...
Искусство связано с бедой.*

Хотя в Риге Бейн стал постоянным и одним из ведущих членов литературного объединения при газете «Советская молодежь», его почти не печатали. За тунеядство даже хотели поместить в «психушку». Но ограничились фельетоном «Муза из подворотни» (Сов. Латвия. 1961. 12 дек.), одним из авторов которого Иосиф считал рижского (позднее – канадского) журналиста И.Героля. Надо сказать, что тунеядцем Бейн не был. Помню, несколько месяцев он работал дежурным питомника служебных собак. Утром и вечером ему звонил начальник питомника и происходил стандартный диалог: «Товарищ Бейн, собаки накормлены? – «Так точно, собаки накормлены». Потом

его устроили инженером по культуре Рижской базы рефрижераторного флота. Там он проработал несколько лет. Иосиф рассказывал, что, ничего, справлялся. Как-то раз даже медвежий цирк притащил на корабль. Народ все боялся, что они трап сгрызут. «А потом, – говорил он, – я попался с каким-то не очень верноподданническим стишком*. И меня понизили в должности. Назначили грузчиком, но приписали, что в силу неполной загруженности четверть ставки инженера по культуре за мной остается...».

В 1969 году Бейн уехал в Израиль и прожил там почти сорок лет, умер в 2011 году. За поэму «Черный Октябрь», стихи разных лет Иосиф дважды был удостоен литературной премии имени Голды Меир, являлся лауреатом международной литературной премии «Серебряный стрелец» в 2009 и 2010 годах. Жил бедно, одиноко, жена скончалась еще в 1970-х гг. В последние годы он практически ослеп, стихи записывали за ним его поклонницы, стихов было по-прежнему много.

Иосиф скончался на 77-м году жизни. Незадолго до смерти он писал: «Моя фамилия Бейн. С иврита переводится как «между». Может быть, и по своей вине, а уж по беде точно, я чувствую себя внутренним эмигрантом, стоящим между русскими и евреями, между кладбищем моей покойной жены, Нины Истоминой, у которой лишь отец был евреем, и кладбищем моего отца, потомка раввинов, похороненного в Риге».

Сева Лессиг

С Севою Лессигом мы познакомились в середине шестидесятых в кафе «Юность» (на углу Стрелниеку и Элизабетес, теперь там банк), где собирались и читали стихи рижские поэты. Известность кафе приобрело благодаря украшавшим его стены гравюрам заме-

* Недавно нам напомнили один из подобных стишков И.Бейна, посвященных председателю Верховного суда Латв. ССР Болеславу Азану (Благодарим проф. Р.Т. за память. – Ред.):

Почему Азан
До сих по не наказан?
Или все Азаны одним миром мазаны,
Или, может, Азану
Это противопоказано?
(1962)

чательного художника Семена Шегельмана, вскоре уехавшего на Запад. Мы с Севой быстро подружились, и он нередко ночевал в моей квартире на бульваре Райниса. Биография Севы была не простой. Он родился в 1933 году, но о себе говорил: «Я не знаю, кто я». Скорее

Кафе «Юность», начало 60-х. Слева направо: читает стихи Вс. Лессиг; за первым столиком: Б.Куняев, И.Цыгальская, С.Рубинчик; за вторым – Г. Волосникова (в девичестве Рогачевская), Г.-А.Коншин, Н.Коншина (в девичестве Павлович); за последним столиком – справа на первом плане А.Волосников, у стены – О.Вилните. Собрание И.Цыгальской.

всего, он вырос в детском доме. Сева окончил филфак Латвийского университета. Постоянной работы не имел, иногда подрабатывал журналистом на радио. Его почти всегда можно было найти в кафе «Дубль», где ему как постоянному клиенту варили в долг двойной кофе. Пока никого из приятелей не было, Лессиг строчил на свежую голову немного печальные лирические стихи. Лессиг, так же как Бейн и Дозорцев, был неизменным участником всех поэтических «читок»,

регулярно устраивавшихся на филфаке, в самой большой аудитории над знаменитым магазином «Сакта».

Нас с Севой связала одна, можно сказать, романтическая история. Однажды вечером мы ужинали в «Молочном» ресторане и заметили двух симпатичных девушек, они были, кажется, из Петрозаводска. Первая попытка их склеить оказалась неудачной. Но, когда Сева прочел им несколько своих стихотворений, они сменили гнев на милость. Одну из девушек звали Эмма. Вторая представилась как Мэгги, хотя ее настоящее имя было Света. Это была настоящая русская красавица, белокожая, голубоглазая, с обворожительной улыбкой. И Сева, как это случается с поэтами, влюбился в нее, как говорится, с первого взгляда. Особой взаимности тут не было, но все остальное было, что не мешало Мэгги вести довольно разгульную жизнь. Она проводила в Риге длительный отпуск, и, вырвавшись на свободу, отрывалась, что называется, по полной. Но, вопреки всем слухам, Сева все больше и больше привязывался к ней. Он называл Мэгги своей Музой и часто напевал Высоцкого: «Я кручу напропалую с самой ветреной из женщин, я давно искал такую, и не больше и не меньше». (Музыка В.Высоцкого, стихи Игоря Кохановского. Прим. ред.)

Однако, эта, вроде бы романтическая история, перешла в категорию страсти-мордасти. Мэгги в результате своих случайных связей заразилась гонореей, и ее поместили в больницу на улице Барбюса и Горького. И тут Сева продемонстрировал, насколько он был предан своей любви. Все дни, пока Мэгги лечилась, он приходил в больницу с коробкой пирожных и читал ей стихи. Это было очень трогательно, даже слишком. Я думаю, что выражение «на тебе сошелся клином белый свет», полностью относилось к Севиной любви.

Году в 1963-64 он переехал в Москву, работал в редакциях газет «Сельская молодёжь» и «Советский спорт», был принят в Союз писателей СССР и издал сборник стихов «Белый свет». Эти стихи были своего рода воспоминанием о Мэгги. Умер Сева совсем еще молодым. Мне очень нравится одно из последних его стихотворений «Песня травы»: «Я плоть от плоти тех зеленых трав, Которые цвели о прошлом годе. Из тлена их, из их семян восстав, я продолжаю род травы в природе. // Я просыпаюсь с тяжестью росы, Осевшей за ночь в самом сердце листьев. Беззвучны тихой повести часы, И голос мой неясен в

*Рига. Вечер в клубе института ГВФ. Середина 1960-х гг.
Справа, в белом воротничке, автор воспоминаний;
рядом (рука полусжата в кулак) – А.Волосников.*

птичьим свисте. // Я распрямляюсь. Торжество зари! Мой час настал. Пока не пали тени, В меня вонзают косы косари Под пенье птиц, под их сердцебиенье. // Мне внятно всё: немолчный гул земли, И шелест ног босых, и всплески стали. Я вижу, как меняется местами Всё, что вблизи и что еще вдали».

В те годы то в каком-нибудь рижском клубе, то в студенческой аудитории иногда читал свои стихи и я, а Леша Волосников показывал свои картины.

Павел Тюрин

ХУДОЖНИКИ ЛАТВИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

(Печатается в сокращенном виде)

Академия художеств. Факультет живописи. 1966 г.

Ирина Вульфсон, Павел Тюрин, Юрис Бакланс, Иммант Мелдерис, Сильвия Руткевич, Аусма Данемане

В начале 80-х годов минувшего столетия мне довелось проводить интервью с некоторыми латвийскими художниками. В этот период времени я активно занимался созданием новых диагностических методик для исследования психологии творчества.

Необходимость в научных исследованиях психологии искусства, и тогда и сейчас, обусловлена тем, что, по мнению многих специалистов,

природа художественной одаренности продолжает оставаться неразрешенной и запутанной проблемой. Причиной тому – специфические особенности искусства, резко отличающие его от других видов человеческой деятельности и существенно осложняющие диагностику художественных способностей. Вот, например, некоторые из них:

1. В художественном творчестве человек всегда сам определяет степень адекватности, полноты и завершенности своего произведения. Незаконченное с точки зрения наблюдателя может быть совершенно законченным с точки зрения автора. И наоборот, законченное с точки зрения зрителя, может быть далеким от завершения по мнению художника.

2. В искусстве уже созданные произведения не обязательно диктуют параметры других, будущих произведений. Вновь создаваемое может опираться исключительно на собственные признаки – быть самодостаточным представителем самого себя.

3. Художественное произведение обычно есть результат преднамеренного и непреднамеренного (случайного). Возникшей случайности художник может придать статус необходимости, переструктурируя изображение в пользу случайного («обыгрывая» случайность), и т.д..

Вместе с тем, именно эта ненормативная сторона творчества, которая в искусстве получает крайнее выражение, приводила многих исследователей творчества в искусстве к убеждению, что изучение художественного творчества всегда будет оставаться на периферии объективных научных методов.

Один из самых трудных вопросов в диагностике способностей – что принять за критерий одаренности в искусстве. Точность ли изображения по отношению к тем или иным эталонам, чувство цвета и формы, воображение, новизну (оригинальность) по сравнению с уже созданными произведениями, социальную необходимость и интерес со стороны определенной части общества (большой части зрителей, художественного сообщества и пр.) или что-то еще? Экспериментатор, в поисках признаков одаренности, часто оказывается в положении человека, который ищет нечто реально существующее (что-то же есть в человеке, что делает его произведения творческими!) и в то же время как бы несуществующее (если под творчеством понимать процесс принципиально неалгоритмизируемого характера, в том числе и для самого субъекта творчества).

Чтобы понять особенности одаренности художника, необходимо знать, на какой основе и каким путем приходит художник к выбору того, что становится для него внутренней опорой для создания своего произведения; в каких реалиях совершаемой деятельности им усматривается то, что становится существенным и необходимым в формировании уверенности, что данное произведение должно быть именно таким, а не иным – «здесь так надо!», «именно так хорошо, а иначе – совсем не то!». Именно в специфике личной гарантии создаваемого художником качества могут быть обнаружены особенности индивидуального творчества художника, а также поняты особенности переменной детерминанты его творчества – «бесконечно малой», исчезающей величины, которая, возникнув и проявляясь в данной конкретной ситуации, расходует и истощает себя в ней.

В своих исследованиях психологии изобразительной деятельности я разработал специальный «путеводитель» – схему беседы с перечнем обязательных тем-вопросов, когда основные вопросы задаются каждому испытуемому, а дополнительные формулируются в зависимости от его предыдущих ответов.

В интервью задавались следующие три вопроса (темы):

1. С чего начинается ваша работа, что вызывает ее появление?
2. Каким образом заканчивается картина, над которой работаете? Что дает вам основание считать, что работа завершена?
3. Что вы делаете после того как работа закончена? Как начинается следующая?

В ходе такой беседы художник своими ответами помогал сформулировать более частные, уточняющие вопросы. Например, если на вопрос «Что дает вам основание считать, что работа завершена?» художник отвечал: «Просто кажется, что работа больше ни в чем не нуждается!», следовал дополнительный вопрос «Что это значит, что работа ни в чем не нуждается?» и т.п. Обсуждая, казалось бы, «технические» вопросы (о начале и конце работы над картиной и т.п.), художники всегда переходят к рассказу о задачах, которые ставят перед собой, о побудительных мотивах в творчестве, какими критериями руководствуются, вынося суждения о качестве своих работ и других художников, поясняют и иллюстрируют их примерами из собственной практики и др.

Интервью с художниками проходило в их мастерских, т.е. в обста-

новке для них привычной, располагающей к непринужденной беседе об их идеях, концепциях и взглядах на искусство.

Многие из тех, с кем я тогда проводил эксперименты и беседовал, сейчас уже ушли из жизни, что придает сохранившимся интервью с ними дополнительную ценность.

Полагаю, что высказанные художниками взгляды интересны сами по себе как самоотчеты о своем творчестве. Они также могут представлять определенный интерес для искусствоведов, историков и теоретиков искусства, для биографов художников.

В учебной аудитории Латвийской академии художеств – 2-ой курс факультета живописи – 1967 г. Руководит курсом Конрад Убанс (на фото слева) – кавалер ордена Трех звезд IV степени (1938 г.), член Союза художников СССР, Народный художник Латвийской ССР (1959), награжден орденом Трудового Красного Знамени (1967 г.), лауреат Государственной премии Латвийской ССР, профессор Государственной Академии художеств.

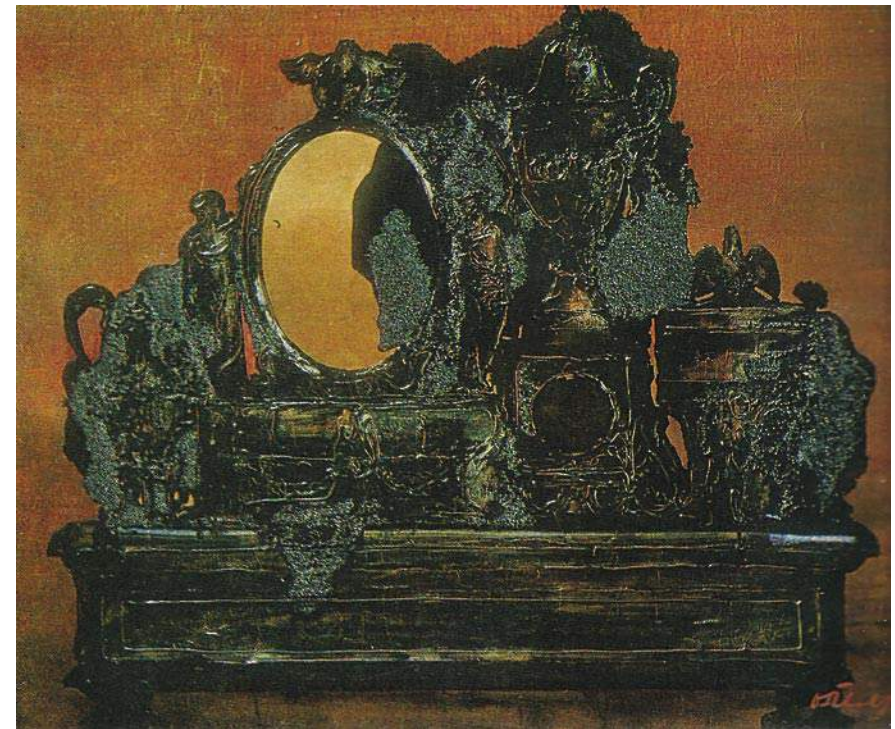
В 1917 году К.Убанс был в составе комиссии (в нее входили Я.Гросвалдс, А.Цирулис, В.Тоне и др.), определившей образ флага независимой Латвии – красно-бело-красного, который был принят в мае 1917 г. на заседании Общества содействия искусствам.

На фотографии: справа – Имант Мелдерис, в центре – Павел Тюрин, за ним – Ехиель Риц, в глубине слева – Ирина Вульфсон, справа – Сильвия Янсоне и Аусма Данемане.

Возможно, публикуемые интервью будут полезны начинающим художникам, которые нередко излишне усердствуют в подражании образу жизни и манерам именитых мастеров. Знакомясь с размышлениями художников и их картинами, можно видеть, насколько разнообразны используемые ими приемы, насколько непохожи у каждого из них представления о задачах искусства. В публикации сохранены их индивидуальная манера и стиль изложения.

Ояр Аболс

(1922 – 1983)

«Натюрморт «Купеческий ренессанс», 1977 г.

Я начинаю разные по замыслу задания по-разному. Если я ставлю перед собой какую-то эстетическую задачу, – то это одно. Если хочу выразить какую-то идею, мысль, то начинаю разрабатывать ее метафорически. Каждый художник действует по-своему. Сколько

людей – столько правд. Нет одинаковых людей ни в отношении восприятия цвета, ни в отношении восприятия формы. Никто еще в мире не дал единственно верного определения искусства. Мне кажется, что искусство – это самовыражение индивидуума, а они разные. Но ясно одно – искусство без метафоры не бывает. Это знают еще со времен древнего Египта – метафора двойственности человека через сочетание человеческого и звериного образов – сфинкс; метафора стабильности, стремления к покою – пирамида (там, конечно, есть и многое другое). Любой предмет может стать метафорой, если он призван повествовать о чем-то другом, а не о себе. Если нет метафоры, то это натурализм. Например, если бы я просто изобразил бутылку, то это голый натурализм. Но я бутылку могу изобразить так, что она будет нести идею стабильности, если стоит; или идею напряжения, если находится в каком-то ином положении...

Идеи, которые мне хотелось бы выразить, я не могу написать как сухой трактат. Я хочу о них рассказать поэтически, через сравнения, метафоры, парадоксы. Каждый предмет таит в себе что-то, у него есть свой внутренний мир, и этот мир о чем-то говорит. Каждый художник выбирает из всего этого многообразия что-то своё. Можно те же идеи, которые выражались с помощью метафор, показать абстрактным путем – выразить идею языком формы. Задача художника придать идее зрительную форму, которая может быть очень разнообразной – жесткой, мягкой, восходящей, широкой, узкой, расплывчатой, волнующейся ... Ведь художники друг от друга отличаются в большей мере, чем, скажем так, – чиновники. Они отличаются по вкусам, видению, эрудиции, мироощущению, интеллигентности ...

Чаще всего, когда я начинаю работу, у меня нет плана. Все может зависеть от настроения, от того, как проснулся, что ночью придумал. Но я не верю никакому вдохновению, это все пустые разговоры; нужно здоровье и много энергии. Часто бывает так: беру холст, ставлю на мольберт и начинаю воображать, что там может быть (это когда нет идеи). Сначала все идет рутинно – ставятся какие-нибудь цветовые отношения, которые мне нравятся, а это зависит от многого – от вкуса, опыта, запрограммированного веками. Художник рождается со своей цветовой гаммой, в целом такой, которая характерна для его народа. Каждый народ как бы выбирает свои краски, а это определяется его историческим путем. На старых латышских тканях, теперь

представляющих этнографическую ценность, зафиксировано цветочное чувство народа. Можно прямо с этих тканей брать уже готовые цветовые сочетания, переносить их на холст и добавлять к ним ничего не надо – в цветовом отношении все будет сделано.

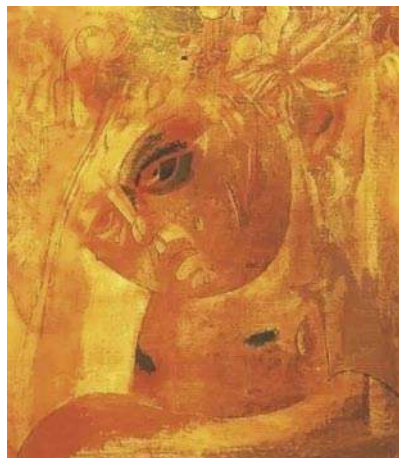
Если у меня уже есть готовый эскиз картины, то работа идет быстро. Если нет, то работа идет ощупью, тогда я вроде бы на холсте эскизно работаю. Иногда замысел картины ясен уже в начале, а иногда он уточняется в процессе работы. Бывает так, что художник просто мажет... и появляются интересные случайности на холсте, их надо схватить и на этой случайности построить картину. Умный художник эти случайности использует.

Сейчас у меня идей, которые я хотел бы реализовать, больше, чем когда-либо. Было бы здоровье и время их реализовать. Я берусь за ту картину, которую я сейчас в силах написать, что зависит, в том числе, и от количества моей энергии. Я пишу картины «не с легкой руки», для меня любая из них требует много усилий – умственных, физических. Много сил требует предварительная подготовка к работе – грунтовка холста, очищение кистей и др. Нужно считаться с трудностями самого процесса работы. Для меня это не ленивый процесс – опускать кисточку в краску и писать. Для меня это значит снимать холст с мольберта, класть работу на пол, наливать на нее краску, размазывать, снова поднимать холст на мольберт и так далее. Раньше многие считали возможным говорить художнику, когда его картина закончена, а когда нет. На самом деле только автор, как суверенный мастер, может это знать, его опыт, знание, школа, практика. Я для себя знаю, когда работа готова. О зрителе я думаю меньше всего. Надо писать так, чтобы не чувствовался пот в картинах, чтобы она была как бы нерукотворная. Это вопрос технический, но мой опыт дает мне знать, что такое произведение искусства, его уровень. Этот опыт приобретается долго, с детских лет, с воспитания, всей жизнью.

Борис Берзиньш

(1930-2002)

Мне кажется, я мог бы сделать все, только надо понять, что ты делаешь. И тогда самому станет ясно, зачем это делать. Цвет должен давать уверенность, что то, о чем ты думаешь – это не

«Девушка с венком», 1975 г.

«Купальщица», 1985 г.

пустяк. Надо всегда думать о том, что привело эту вещь на холст, здесь ли ей место или на обеденном столе. Раз она здесь, на картине, значит, она не могла оказаться где-то в другом месте. И это надо передать. Конечно, не одним цветом предмета. Есть фон. Фон заставляет быть вещь здесь, в этом цвете.

Цвет должен быть не танцующим, а постоянным, и чувства художника становятся глубокими, а не пустячными, когда художник с вещами – они как будто идут вместе, держатся друг за друга. Куда идут – я не знаю. Наверное, к чему-то высокому, а не перебирать драгоценности в сундуке. От того, что их пересчитываешь, – ничего не изменится. Так не живешь.

Не могу сказать точно, когда кончается картина. Это ощущение взрыва внутри. Все равно, что падают подпорки и картина стоит сама, без твоей помощи. Тогда начинаешь думать о чем-то другом,

глядя на картину. Всегда знаешь, когда у тебя выходит. Не лучше выходит или получается, а правдивее. Видишь, где истиннее, а не лучше.

Владимир Глушков

(1948 – 2009)

«Автопортрет», ок. 1990 г.

О своих манифестах я предпочитаю не рассказывать. Лучше не рассказывать о них вообще. Часто это приводило к плохим вещам. В литературе подобные случаи кончались бы тем, что стали бы говорить: это моя строчка, это моя идея, хотя сами о них услышали от других и потом об этом забыли. Лучше не рассказывать о своих концепциях другим, а записывать их для себя и показывать их в картинах.

Реальная жизнь оперирует реальными категориями. История искусства это доказывает. Жизнь в искусстве это не просто творчество. Художник должен быть умным человеком, чтобы уметь выкрутиться из сложных жизненных ситуаций. Для того, чтобы стать, присутствовать, существовать в искусстве – быть в наличии, – ему нужны такие вещи: он должен жить как это записано в паспорте – он с такого-то года, у него такой-то пол, возраст, фамилия. Иначе он не сможет заниматься творчеством, которое есть другая категория в

жизни. Для того, чтобы заниматься творчеством, художник всегда что-то должен делать помимо творчества. Он должен это делать, должен самому своему творчеству. Чем меньше художник делает в этом отношении, тем меньше у него шансов выиграть в этой игре – творчестве. Ведь многие картины, шедевры искусства остались в жизни только потому, что у них счастливая судьба. Искусство – это пропаганда определенных гуманистических ценностей. Ну, а какой же ты пропагандист, если ты не создал для этого условий. В свою очередь, человеческие ценности должны быть подкреплены художественной ценностью.

Я когда-то был абстракционистом, пока не сформировался, не «сформулировался». Я открыл для себя, что мне нравятся те средства в живописи, которые воздействуют на зрителя. Изобразительное же действует на человека более сильно, чем абстрактное. Я теперь знаю, что действует на зрителя. Если я сомневаюсь, то иду на выставку, смотрю картины разных художников – там сразу видно. Вот это сильно действует на зрителя, а вот это нет. Например, лицо ведь больше привлекает человека, чем квадрат. Лицо всегда выглядит как что-то конкретное, любое лицо.

Я много потратил времени на изучение искусства. Я просматриваю альбомы по истории искусства и выбираю из них для себя уже найденные другими готовые средства воздействия. Сравниваешь одного художника с другим и видишь, что один действует сильнее. В молодости художник подражает, в старости он рисует уже что-то одно им выбранное и предпочитаемое. У каждого человека свой тип лица, но он же имеет к тому или иному типу тенденцию, к какому-то собирательному образу. Из истории искусства, с выставок я заимствовал такие изобразительные образы, которые производят всегда и на всех вполне определенное впечатление, – я их беру и просто вставляю готовыми в свои картины в разных комбинациях. Зачем искать, мучиться в попытках выразить то, что ты хотел выразить таким образом, чтобы произвести на зрителя воздействие, когда то, что и чем бы ты хотел произвести это воздействие, уже давно найдено?! Все уже давно есть, только бери! Художники в своей массе совершенно безграмотные люди – они все время пытаются действовать по интуиции, самовыражаться и, чаще всего, это у них получается на примитивном уровне. Нужно просто найти метод

создания картин, соответствующие средства выразительности. Тогда они делаются быстро и легко, причем на уровне, не уступающим достигнутому другими художниками. В искусстве много этих средств выразительности. Варьируя их, размещая их по-разному на плоскости, можно делать бесконечные серии картин.

У меня была тема «Грации» – определенного типа фигуры, помещаемые в разных позах, ситуациях. Ее можно было продолжать сколько угодно долго. Или серия «Близнецы». Эти серии у меня были как какая-то навязчивая идея, навязчивый персонаж. Картины этой серии разные, но с одним главным, неизбежным впечатлением. Серия сама прекращается, как бы сама завершается, исчерпывается, надоедает. Потом появляется что-то другое.

В свое время я очень интересовался психологией рекламы. Оказывается, существует набор таких выразительных средств, которые действуют на зрителей всегда определенным образом, – есть образы молодости, добра, зла, насилия и многие другие. Комбинируя их в разных вариантах друг с другом, получаешь всегда разные и всегда захватывающие зрителя вещи. Зритель, когда он видит эту «грацию», понимает, что в жизни этого нет, и поэтому это толкает его на видение, поиски в картинах духовности. Точнее, толкает потому, что это есть якобы реальность (т.к. используются изобразительные детали – руки, ноги, голова, человек), то, что человек знает как реальность, но он же одновременно знает, что реальные детали так существовать не могут. Этот парадокс, несовместимость – реальность, существующая нереально, – в картине делает ее странной, загадочной, непонятной. Зритель попадает в ловушку, он начинает искать духовность реального. Это есть одно из средств выразительности. То же самое есть в иконах. Все образы в картинах должны быть чуть-чуть утрированы. Когда слишком реально, виртуозно, то становится слишком пусто.

Например, еще одно средство – это делать как на фотографии. Если ты видишь фотографию, то ты знаешь, что фотоаппарат фотографирует то, что есть – реальное. Когда рисуешь то, что есть в реальности, то зритель всегда предполагает, что это может быть и не то, что было на самом деле. Но, если рисунок делаешь как фотографию, то он становится живее. Это тоже одно из средств выразительности.

Всегда нужно знать меру, в том числе в отношении иллюзий. Когда слишком большая иллюзия, то появляется декоративность в

работе. Тогда видно только, как краски намазаны. Нужно создавать не иллюзию реальности. Если знаешь меру, то, делая иллюзию реальности, создается совсем другая иллюзия. Иллюзия нужна для того, чтобы суметь вести глаз зрителя, чтобы зритель начинал верить в то, что изображено реально.

Нужно рисовать то, что не видно. Например, если рисуешь лист дерева, то саму толщину листа не видно (которая все же есть), но если сделать его толщину не видной, то это плохая иллюзия. В картине должно быть заметно присутствие красок, чтобы было видно, что то, что ты делаешь – сделано красками, т. е. нужно делать не слишком эластичными средствами. При слишком аккуратных иллюзиях поверхность неприятная, появляется слишком красивая, слишком тщательная поверхность. Тогда теряется сила средств выразительности. Но есть вещи, которые нужно делать с особенным тщанием. Линия до горизонта на холсте сантиметр, не больше, но в реальности, на самом деле на этом маленьком кусочке умещаются километры. Тот художник, который не знает, как это показать, не создаст иллюзию.

Когда я начинаю картину, я знаю, что мне нужно провести сначала, что потом. Я изучал технологию изготовления картины. Сначала углем намечаешь композицию фигур, свободно компоуешь. Самое активное должно находиться в центре. Потом фиксируешь лаком рисунок углем. От этого он приобретают сероватый тон, фигуры становятся красивее, яснее. А дальше наносишь краску. Есть подмалевки, и остается конкретизировать каждую иллюзию. Знаешь, какие краски хорошо ложатся, какие плохо кроют. К этому я пришел, когда меня заинтересовало, каким образом многие старые мастера делают такое большое количество картин; Рубенс, например. И делалось ими с такой легкостью! Все оказывается просто: они знали технологию изготовления картин. Они знали, какими красками делать тень, свет, дерево, небо, металл. Оказалось, нужно исключать неправильные ходы. Но и их можно делать, если тебе хочется.

Нельзя заниматься вечным ремонтом. Любая картина красива тем, что она завершена. Если делать незавершенность, то именно как средство выразительности. Любая картина – импровизация от начала до конца, но то, что там делается, имеет последовательность, потому что составлен набор средств выразительности, которым пользуешься. Сейчас у меня стали появляться такие средства-элементы-червячки,

дырочки... (так я их для себя называю) – они будут появляться во многих картинах, просто как новое средство, которым я пользуюсь. Есть вещи, которые мне просто очень нравятся, и которые я буду вносить сейчас в каждую картину. Сам процесс рисования для меня это такой рассеянный процесс – рисуешь, а думаешь о чем-то другом.

Я рисую для того, чтобы завершить свои взгляды, размышления об искусстве, чтобы доказать самому себе, что это есть, что стало существовать то, что декларировал. Когда только говоришь о них – это только разговоры. Когда ты их нарисовал, то в картине они уже живут сами, они уже есть как вполне реальное, как что-то самостоятельное, как какая-то схема, модель, которая сама живет.

Картины получаются тогда, когда их делаешь. Я сажусь и просто начинаю рисовать что попало, пока что-то не сформулируется. Я всегда начинаю рисовать только изобразительное, конкретное, но это только элементы для картины. Сажу и рисую эти элементы в разных сочетаниях, и появляется что-то само по себе без всякого намерения. В том, что я делаю, нет смысла, но в самих картинах обязательно будет какой-то смысл, именно потому что я пользуюсь изобразительными элементами. Не может не быть смысла, потому что конкретное всегда несет содержание. Этих смысловых оттенков бесконечное множество. Они всегда получаются неодинаковыми, как любая комбинация неодинакова.

Зритель должен забыть, что перед ним картина, что это всего лишь плоскость. Когда зритель видит изобразительное, реальное, конкретное – это всегда на него воздействует как что-то действительно существующее; ведь зритель очень доверчив. В картине надо добиться того, чтобы зритель оказался обманутым и тогда он в наших руках! Если ты рисуешь людей, то любые сдвиги, искажения их вызывают какое-то душевное движение. Ты можешь ставить их в любые сочетания с людьми, вещами – будет получаться что-то необычное, странное. Странность картины, необычность сочетаний обычных элементов вызывает у людей испуг. Человек более доверчив, когда он испуган. В картине должно быть то, что вызывает испуг, – это странность того, что там происходит. У многих очень хороших художников прошлого в картине есть странность. Реальное, которое в жизни таким не бывает, – вот, на картине, картине, изображающей реальные вещи, оно же вот, есть! Зрителю просто некуда деться – он захвачен происходящим на картине.

Ошибки в картинах видишь примерно так, как если бы играл гамму и были бы срывы, перебои. Эти перебои легко видны – голубое нужно усилить, убрать коричневое. Это уже прикладная работа, но ее приходится делать. Иногда это доставляет удовольствие, иногда хочется плюнуть. Если я, например, рисую букву черной тушью, а тушь плохо ложится, то видно, что должно быть черным, а что белым. Или, например, стол запачкан желтой краской, то сразу видны нерегулярности, видно, что это необоснованно. Но если ты не можешь избавиться от недостатков в картине, которые от тебя не зависят, то их нужно подчеркнуть, чтобы придать им видимость намеренности, авторской поддержки случайности. Но, в общем, эта работа имеет прикладной характер, ты просто делаешь картину и уже не смотришь, что там происходит, потому что она уже давно по существу готова.

Улдис Земзарис

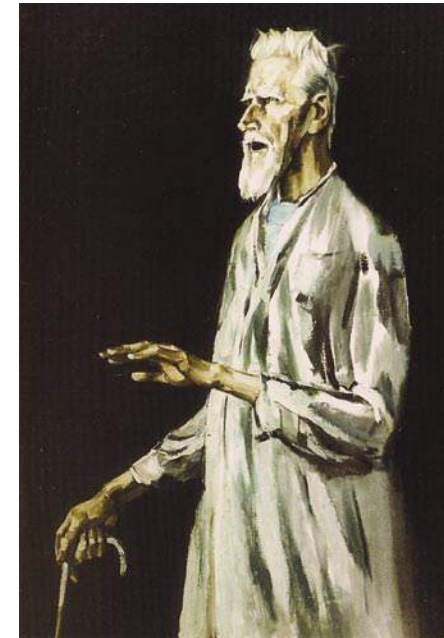
(1928)

Между искусством и наукой мало, очень мало общего. Наука работает на цивилизацию, на техническое развитие общества, но против культуры. С наукой идет много такого, что от культуры вообще мало может что остаться. Наука и культура, искусство – это совсем разные вещи. Наука все раскладывает. И результаты науки часто попадают в глупые и бесчестные руки. А искусство – это образы.

Я пишу, конечно, не всех людей, которых вижу или которых знаю. Я выбираю для изображения, которым симпатизирую. В людях я ценю доброту, честность, искренность. Так я воспитывался. Тех, кого я рисую – это, во многом, мой круг людей. Это люди, с которыми мне интересно. Я пишу тогда, когда что-то во мне отзывается на внутренний мир этого человека. Картина, в какой-то мере, напоминает карикатуру. В ней должно быть что-то в человеке преувеличено, подчеркнуто. И когда я пишу, то хочу что-то в человеке изменить, что-то сделать не так, как в натуре.

Я часто пользуюсь методом шаржа, для увеличения сходства. Это делается для большей выразительности того человека, которого я пишу. И мне нравится, когда человек, которого я изображаю, одобряет те искания в формах, которые появляются на картине. Мне нравится, когда человеку эти искажения понятны, и нравятся моменты, когда мы с ним можем обсуждать работу в процессе ее создания. Этим те,

кого я рисую, поддерживают и поощряют меня к живописи. В картине главная черта человека должна быть преувеличена, подчеркнута. Человек должен быть похож в картине в главном. Если он не похож, то в картине нет главного.

«Мой профессор Карлис Миесниекс». 1978.

Когда начинаешь писать, никогда не знаешь конечный результат. Начинаешь картину от своей идеи, замысла, приблизительно от того, что видишь. И в процессе работы то, что ты делаешь, как-то отвечает тебе. Получается диалог с холстом. Профессионализм заключается также и в том, что ты знаешь, когда следует остановиться. В живописи нужно избегать неизобразительности, необразности. Неизобразительные сюжеты лучше делать в чем-то другом, например, в литературе. Изобразительное, образное я хочу делать, прежде всего, в живописи. Я считаю своим преимуществом, по сравнению с писателями, то, что я могу сделать сюжет образным. Когда я занимаюсь литературой, пишу книги, я могу словами делать изобразительно то, что не художнику сделать труднее.

Море – это моя вторая основная тема в живописи. Я пишу море уже давно и много. Но с натуры писать море невозможно – оно постоянно меняется. Облачко было там, а через десять минут уже здесь; освещение сейчас одно, а через полчаса уже другое. Каждый кусок морского пейзажа, каждое облако дает свое отражение в море и тут же меняется его цвет. Я пишу морские пейзажи в мастерской по воспоминаниям о море, о том настроении, теплоте, которое вызвало у меня море. Для того, чтобы сделать морской пейзаж, я с натуры делаю карандашные наброски композиции, основных тональных распределений в пейзаже. Когда делаешь морской пейзаж, приходится много компоновать, потому что, когда пишешь море, приходится «побеждать» многократную горизонтальность моря – однообразие горизонтальности волн, горизонта, облаков, берега. Сейчас для меня главная трудность в работе это – как освободиться от вещей и дел, которые мне мешают заниматься живописью. Освободить время для живописи от обязанностей, которые отвлекают от живописи. Это и важные и пустяковые вещи, но они мало оставляют времени для работы.

Вадим Зорин

(1940)

Меня привлекали тональная мягкость, разнообразие в тональных отношениях. Однако, потом они мне стали казаться слащавыми. Стало казаться, что этой же мягкости можно добиться, достигнуть цветовыми отношениями. Сейчас меня больше интересуют отношения серого и зеленого.

У меня отношение к натуре совершенно абстрактное. Стараюсь делать большими массами, без вырисовывания веточек. Предметность вносит дробность, пестроту, мелочность. Мне думается, что так мне легче схватить настроение. Больше нравятся спокойные цвета, спокойный колорит. Больше нравится меланхолия, чем что-то резкое, яркое. Яростный драматизм меня не привлекает. Мне вспоминаются в Валмиере похороны цыганского барона. Это было уже давно. Это было что-то жутковатое, мистическое, красное. Я запомнил, что мне тогда очень хотелось это изобразить. Действительно, композиция – это мир придуманный только мною, а пейзажи – это навеянное конкретным мотивом.

Все же меня интересуют работы формалистического толка. У меня

«Натюрморт с цветами», 2007 г.

три влечения. Привлекает то одно, то другое. То формалистические, то пейзажные, то образные композиции.

Выбираю то, что не имеет далей. Когда слишком далеко (например, горы, озера блестят), я не вижу цвета. Все там меняется постоянно, непонятно, какой он. Если делать дали, то получается придуманно. Близкое место мне подсказывает цвет. В даях цвет в разное время видится по-разному. Получается погоня за бесконечностью. Это мне не нравится. Вижу, конечно, в пейзаже голубые дали, но цвет у них условный. Поэтому море, небо мне не нравятся – я не в состоянии их передать. Дело не в деталях. Первые, ближние планы мне нравятся не из-за того, что в них есть детали. Я детали стараюсь увидеть в последнюю очередь. Детали должны получаться сами собой, за счет других каких-то качеств. Простых! Колорит, ритм, тональность. Форма – это и есть содержание, она не нуждается в описаниях, она выражает сама себя. Вопрос не в сюжете. А выбор форм определяется интуитивно, настроением. Чем дальше находишься в этих формах, тем сам больше начинаешь вызывать в себе это настроение.

Никогда не ощущаю, что работа закончена. Просто чувствуешь, что делаешь-делаешь, и лучше не становится – тогда работа заканчивается. Когда чувствуешь, что не в силах сделать лучше. Я пишу долго. Холст становится фактурный, обогащается.

Исидор Коган

(1936)

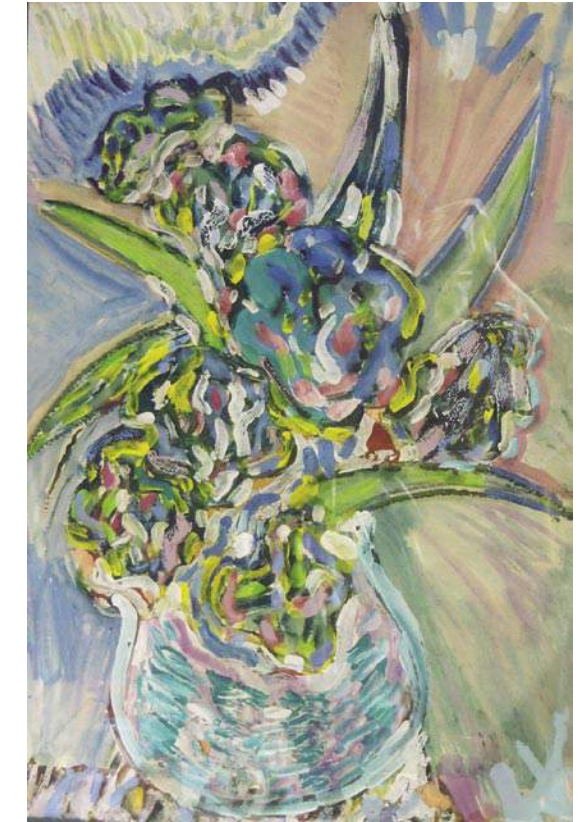
Обычно я чувствую некоторое томление, неудовлетворённость, ощущение нехватки чего-то. Тогда на уровне сознательном понимаешь, что давно не писал. Иногда стимулом может быть виденное на телеэкране (передача о каком-либо художнике). Как правило, моя реакция двойственна: я восторгаюсь мастерством, цветом, умением изображать «объекты» (особенно в случае фигуративной живописи), но тут же возникают мысли: я так не умею, кто я такой? Радость и восхищение талантом другого и неудовлетворённость собой своеобразно уживаются вместе. Иногда я просматриваю фото своих работ, либо просто смотрю-взираю на стены, где висят картины. И всякий раз возникает ощущение значимости своих лучших работ, их конкурентоспособности на условном рынке.

Иногда желание писать вызвано покупкой букета цветов, прогулки в поле. Иногда – небольшой (несильной) депрессией, провоцируемой погодой (осенне-зимний период), либо отсутствием новых, более ярких впечатлений.

Значительно реже я планирую написать картину (собираю иллюстративный материал, просматриваю монографии). Исключительно редко делаю набросок фломастером, цветными карандашами... В любом случае, когда начинается работа, первоначальный план, идея исчезают, либо существенно трансформируются.

Первые капли краски на холсте обладают для меня какой-то завораживающей силой: хочется на них долго-долго смотреть. Экспрессия цвета самоценна, вне зависимости от научных, либо опытных советов и рекомендаций.. Начиная новую работу, я кладу краску на холст, по сути, спонтанно. Затем быстро оцениваю общий колорит, добавляю, либо переписываю, кладу новый слой и т.д. Часто выдавливаю краску на картину непосредственно из тюбика. Если имеются маленькие тюбики, рисую ими, как кистью. Такой способ позволяет руке быть более свободной, менее «деревянной», что ли.

Я смешиваю, объединяю цвета, не заботясь об их «чистоте» или «грязи». Покрываю холст пастозно, оставляю комки, бугры краски: мне это кажется более выразительным. Излюбленный приём – смешивание, точнее, вмешивание белой краски. Просвечивание белой позитивно воздействует на общий колорит, даёт как бы «свечение».

«Голубые цветы».
1995.

Часто делаю обводы белой, либо чёрной – это, как мне кажется, усиливает воздействие цвета. В ряде случаев намеренно не закрашиваю поверхность холста с целью повысить «светосилу» картины (позже я узнал, что так делал Поль Гоген).

Мои любимые цвета: оттенки голубого, синего, лилового, ультрамарин, кобальт тёмно-зелёный, парижская зелень, киноварь, розовый, тёмно-вишнёвый, кармин. Использую жёлтый достаточно умеренно. Избегаю серого. Постепенно постиг мощь и драматизм чёрного.

Что даёт основание считать, что работа завершена? Основной критерий – общая гармоничность, синтез периферии с центром работы. Когда картина завершена, определенное время я возвращаюсь к её осмотру, стараюсь показать её близким и знакомым, обсудить результат. Законченная вещь отправляется на антресоли.

* * *

Мой отец родился в селе Дукора, от которого было рукой подать до места рождения Хаима Сутина, да и родина Марка Шагала – Витебск – была тоже не очень далеко.

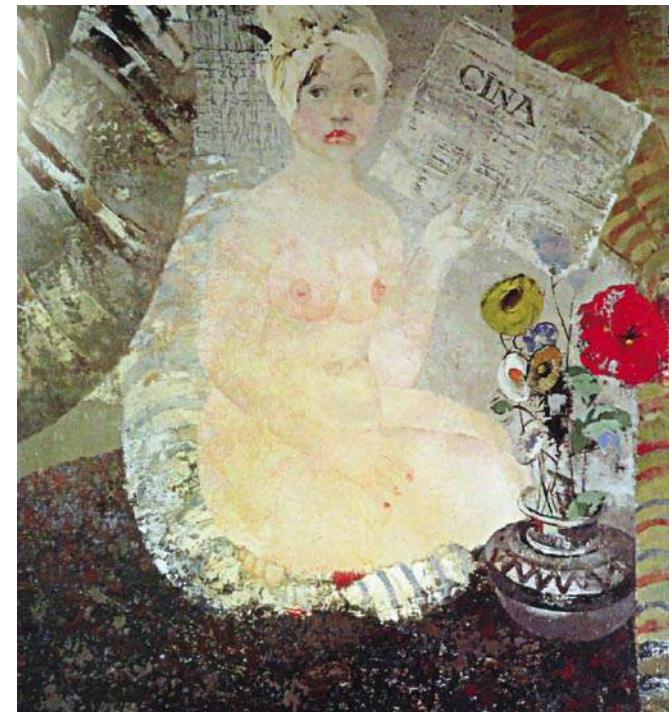
Вообще, список живописцев-выходцев из местечек и городов Белоруссии впечатляет. Возможно, этот феномен можно объяснить сочетанием отчаянной бедности с не менее глубокой мистической экзальтированностью хасидов еврейских местечек («штетлов»). Религиозно-мистическое течение хасидов, распространившееся в 17-20 вв. в Польше, Украине, Галиции, Белоруссии, исповедовало слияние с Всевышним при помощи песен, танца, которые не воспрещались даже во время молитв. При этом восхвалялась красота жизни, во всех её ипостасях. Интересно, что выходцы из религиозных семей, волею судьбы живущие и обучавшиеся в Париже, стали светскими художниками, не изменяя реалиям своей «малой» родины. Каковы отличительные черты (признаки) моей живописи? Как опыт самоинтерпретации могу сказать, что в идейно-идеологическом аспекте характерно отсутствие каких-либо социально-общественных мотивов и сюжетов. Отсутствуют мистические темы и сюжеты. Национально-религиозный аспект – содержательно не выявлен. Мировоззренческо-философский аспект: цветы в вазах (основная тематика) понимаются и презентуются как фрагменты грандиозной картины мира, где царит сложно уравновешенная гармония хаоса и порядка, красоты и уродства. Можно говорить о своеобразной флористской космогонии: цветы – звёзды, метеорные вспышки, взорванная, либо искажённая форма, фон, сливающийся с объектом. Чувство жизни, транслируемое через цветовую динамику. Страстность, порывистость, грубая дикость красок и линий создают атмосферу тревоги, драматизма, некоего трагического напряжения, либо праздника жизни.

Для меня цветы были и остаются драгоценным эстетическим объектом, прасимволом радости жизни, её красоты... Я фантазирую: если соединить мои картины в один символический букет, то он, возможно, предстанет, как Моление, как что-то напоминающее бетховенскую «Оду к радости» в цвете, потому что свою живопись я воспринимаю как радостный гимн Цвету.

Янис Паулюк

(1906-1984)

Я совсем не хотел быть художником. В юности я был спортсменом, любил свежий воздух, ничего другого, кроме того, чтобы наслаждаться своим здоровьем. Считал, что главное здоровье; надо, чтобы у тебя было здоровое тело – и ты всего достигнешь. Я и сейчас так думаю – в здоровом теле здоровый дух. Мне даже было противно искусство. Раньше никогда не рисовал, но со мной, как у многих случается, виноватой оказалась женщина. Любой человек хочет быть большим, особенно ради женщины. Женщина толкает мужчину быть выше. Меня девчонка спровоцировала на искусство, она хотела видеть меня студентом. Я ничего не знал, и мне казалось, что в Академию художеств поступить было бы легче всего. В консерваторию я поступить не мог потому, что у меня голоса нет. Мне все равно было, где быть студентом.

«Фелицита с газетой», 1946 г.

Поступил в Академию сразу на 4-ый курс. Там у меня пошло быстро, хотя до этого никогда не рисовал. Мой брат был гениальный художник, но когда он увидел, какие я стал делать картины, он бросил рисовать.

Мне нравится соревнование. Всегда хотел быть первым. Я хотел обогнать профессоров, утереть им нос, но сама живопись и искусство мне были противны. Однако через некоторое время, сам не знаю почему, краски стали действовать на меня как кровь, стал чувствовать так, как будто краски это кровь.

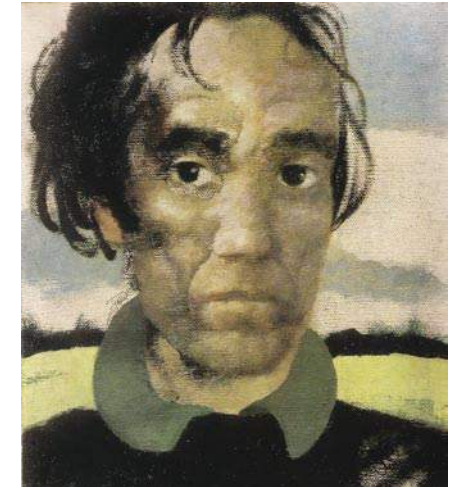
Я пишу, чтобы доказать, что верю в будущее красоты. Искусство – это красота. Вот поэтому я зол на Пикассо – он искажает форму человека. Это душевное рабство. Когда я не был еще художником, я полюбил Левитана. В его работах есть поэзия. У каждого человека есть какое-то дарование, но если он не знает свое большое место и залезает в другое ремесло, то он становится рабом идей. Если любишь ремесло – оно не подведет.

Сейчас я физически здоров, но морально перебит. Я этого показывать не хочу и поэтому пишу красоту. Сейчас я в тупике – у меня в искусстве нет соперников. Но я как-нибудь выкручусь, я в этом отношении хитрый, и надо верить, что раз ты родился, то живи. Во всем, как я веду себя и как живу, я чувствую в себе павлина. Я павлин. Мне нравится быть на виду. Но если ты отдашь, продашь свою душу, то останешься дураком. Тебя будут использовать. Поэтому большой человек может дурачить тех, кто понять его не может. Ведь трудно хорошему футболисту играть всерьез с теми, у кого низкий класс игры. С ними можно только дурачиться, надо как-то приспособиться к тем, кто играть не умеет.

Я похож на князя Мышкина. Когда прочитал Достоевского в 8 лет, я сразу узнал себя. Разве Мышкин идиот?! Он идиот в глазах идиотов.

Я верю, что во мне есть клад. Чувствую это. Почти все художники для своего искусства заимствуют у других. Я ни от кого ничего не беру; все беру из себя и никогда не рисую то, что вижу.

Я чувствую свое родство с иконами. Мы не знаем, почему мы соединены с древними. В своих работах я доказываю, что краска это не рисунок, а содержание. Общее душевное содержание. Через краску мы радуемся, краской выражается всё: краска – болезнь, краска – медлительность, краска – взрыв бомбы. Не форма несет настоящее содержание, а краска. Форма – это дело секундное. Краска

«Автопортрет», 1950 г.

же дает большой смысловой оборот. Она дает движение. Человек пишет правильно только тогда, когда он делает такие краски, которые существовали для него раньше. Он должен найти свои краски, в которых он существовал всегда. Когда я пишу портрет, то я пишу не лицо, а идею этого человека, и не формой, а краской.

В старости человек уже не злой, в старости он становится нежным как ребенок. Почему? Когда папа, мама живут – мы им сопротивляемся. А когда они умирают, мы их держимся. И тогда мы понимаем, что их надо защищать. Когда потеряем, тогда плачем. Так и в искусстве. Вот дети – чувствуют чисто и цвета берут чисто. Я с ребенком говорю, как со взрослым. Мне нужно быть самому ребенком в искусстве. Ребенок хочет быть большим, я иду обратно к детству. Но я выше ребенка, я иду выше, потому что человек не стареет, а умнеет. Мы становимся философами, философами детства.

Ребенок видит самое главное – он видит любое движение. Он видит его своим телом. Тело умнее глаз. То, что видно глазами, может увидеть и сделать каждый. Это просто. Глаза занимаются критикой, рука – верит. Все дарования в руке. Это тело в руке... У меня такое чувство, что глаза как будто пачкают мое тело. Было время, когда я хотел свои глаза порезать, чтобы они не видели того, что не нужно видеть. Я три года у мольберта держал бритву, чтобы, если понадобится, вырезать свои глаза, чтобы они мне не мешали. Этим я заставлял себя все время помнить, что я не должен писать то, что видит мой глаз.

Никогда нельзя показывать мясо. Это пошло. Когда я пишу женские акты, то я не делаю их сексуальными. Сексуальность – это болезнь. По тому, как человек пишет женские акты, можно определить, кто он – психопат или нет. Вот Рута Баумане пишет акты чисто. Я пишу акты как плавную каллиграфию. Можно писать голую женщину только для того, чтобы показать чистоту человека. Но искусство женских актов в 20-ом веке больше не существует. Это уже никому не нужно. Я это чувствую. Я пишу женские акты как воспоминание о прошлом. Краски должны быть как свежий воздух, должна быть в них свежесть воздушная.

Я пишу так, что работа, которую я делаю, меня любит. Меня холст любит. Для меня холст как женщина. Он мне не сопротивляется. Я счастлив, когда вижу, что работа закончена. Мне становится легко дышать, сразу приятно жить, и заснуть легко. Когда работа закончена, то тело больше не тянется ласкать работу, руки не идут. Но когда я не справляюсь, то лучше напиться. Тогда я напьюсь и запачкаю работу, чтобы узнать, в чем же там дело – подлость ведь видна сразу. И тогда моя задача вылечить работу. Мне французы говорили: если с работой не справляешься, то брось ее и начни другую. А я им ответил: а если это больной? Для меня холст как больной человек. Что, бросить больного?! Раньше я действительно хотел быть медиком.

Краска открывает, где подлость, где красота. С помощью картины я глубже себя открываю, лучше себя узнаю. Я вижу себя с помощью краски, с помощью рук. У меня рука сама знает, что нужно делать. Некоторые удивляются: как ты, Паулюк, можешь почти в темноте брать правильные краски; а это мое тело, руки берут правильно то, что им нужно. Обычно я пишу четыре-пять работ сразу. Краску, которую я не могу положить на один холст, я, раз я ее взял, положу на другой. Так быстрее получается больше работ. Как в семье – с одним ребенком нужно слишком много нянчиться. Лучше, когда много. Тогда меньше хлопот, а с одним невыгодно.

Я фигуралист, в своих работах я говорю о человеке. Люблю показывать жизнь работающего тела. Когда оно работает – оно живет. Но сейчас фигуралисту трудно работать, потому что теперь человек руками уже почти не работает. Вместо человеческих рук работают машины. Поэтому теперь и мне очень трудно. Неужели я теперь брошу живопись? Но я думаю, что буду придумывать такую жизнь в картинах, в которой жизнь как будто есть, как будто что-то действует,

– в какой-то другой жизни, где действуют не руки, но все равно так, как будто действуют руки.

Искусство как таковое не нужно. Но тот, кто через искусство, ремесло себя открывает, тот и есть человек, художник. Искусство отражает большую душу.

Я не верю, что в мире искусство нужно. Живопись нужна лишь для того, чтобы сам был рад, что делаешь, тому, что что-то делается. Как вздох и выдох. Этим живут большие художники.

Миервалдис Полис

(1948)

Я рисую только то, что хорошо знаю, что мне ближе. Мне очень многое хотелось бы изобразить, много всего, но приходится выбирать. В основном я рисую только себя. Но себя не видно – только отражение, поэтому я рисую то, что мне ближе, то есть Лигу, жену Лигу. Ближайшая среда ко мне это мое тело. Есть люди, которые мне ближе, и те, которые мне дальше – жена, умершие родственники, близкие люди, друзья, и только я сам не ближе и не дальше к себе – потому что это я. Потому что я центр. Поэтому я пишу Лигу. Это теория.

Мое искусство не декорация. У меня живопись как у слепого палочка, она осуществляет мою связь с миром. Мы же фактически ничего не видим.

Живопись ничто не может заменить. Для меня живопись как для помещика имение, богатство. Как рента. Все, чего я достиг духовно, – это благодаря живописи. Живопись – это редкая вещь. Особое искусство. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Живопись иногда граничит с музыкой, иногда с литературой, иногда с театром, но главным образом – с философией, религией, наукой. Например, если музыкант не ограничен только своей музыкой, то он не сможет быть хорошим музыкантом. Художник же не может быть хорошим художником, если он так же сильно ограничен как музыкант. Художник становится тогда, когда он сможет прожить жизнь другого.

Недавно на один мой праздник к нам в дом принесли азалию. Был праздник, и надо было заниматься другими вещами, но я все-таки потом не выдержал и стал эти розовые цветы рисовать, и когда я рисовал, следовал за каждым листиком, цветком, проползал по каждому лепестку, то это ведь то же самое, как если бы я был как сок

этого цветка. Живопись базируется на том, как художник ощущает цветок, любой предмет. Человек это не только имя, отчество... Человек тем богаче, чем больше жизней разных людей и разных вещей он сумеет прожить. Тем больше его жизнь. Ну, это еще одна теория. У меня много теорий.

Стараюсь заниматься тем, что чувствую. Когда пишу, то чувствую, что получается слишком ярко, хочется не такое яркое, что надо серее. Делаю серым. Потом смотрю, и мне кажется, что это все-таки слишком серое. Я делаю так до тех пор, пока краски начинают делать мне приятно, доставлять удовольствие самим цветом. И вдруг я вижу, что картина – это и ярко, и серо одновременно. Но это техника.

Меня всегда интересует то, что интересует всех. У кого не хватает техники или переживаний – тот слабый художник. Но сначала переживания.

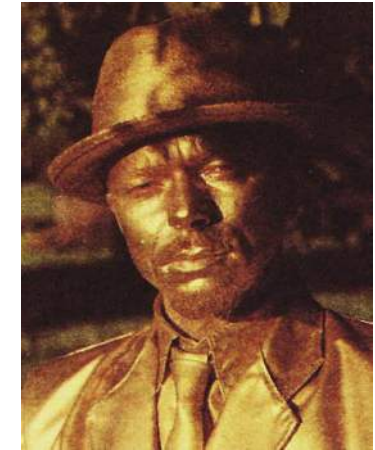
Живопись – это то, за что я держусь. Философия – это то, что я есть сам.

В живописи главное глубина. Тот, у кого нет глубины, тот не занимается живописью, а графикой. В модернизме нет живописи, потому что он лишен глубины. Глубины не формы, а образа. Образ – это то, что неизвестно, невидимо, сущность. Предметы нужны. Поэтому я писал азалию. Если я пишу ель, то я становлюсь елью, если я пишу цветок – я становлюсь цветком, если женщину, то становлюсь женщиной. Живопись для меня занятие, практика, работа.

Я пишу возвышенное, которого мне недостает как витамина. Расскажу, как я писал Лигу. Я как бы проходил ее лицо. Я наблюдаю, думаю, чего ей недостает сейчас, чтобы она выглядела лучше и какой бы я хотел ее видеть. Я думаю, не нужно ли ее немного причесать, какое платье ей подошло бы больше, долго ищу цвет одежды, цвет лица, чтобы она выглядела здоровой. Когда все было сделано и до выставки оставалось совсем немного времени, то я подумал, что вот ей еще не хватает на шею украшений. И я повесил ей на шею жемчужные украшения, которых у нас на самом деле в доме нет, – картина была готова.

У возвышенного нет признаков, тот, у кого есть чувство возвышенного – тот это поймет. Возвышенное есть сущность. Возвышенное есть то, что я считаю возвышенным. Если бы я знал, как изображать возвышенное, то я бы не рисовал. Я для того и рисую, чтобы понять, как. Но чтобы понять – не узнать, а осознать возвышенное.

Можно писать абсолютно всё, чтобы осознать возвышенное, но не какие-то части. Изображая часть, нельзя достигнуть истины, она не может скрываться в части. Стакан – часть. Живое – не часть. Не надо расчленять жизнь на куски. Точность изображения, но стакан такой только потому, что он сделан из стекла, потому что ему придали эту форму, потому что он стоит на столе и потому не разбился. Он именно такой только потому, что все остальное есть вокруг. Здесь можно найти философскую основу.

«Бронзовый Миервалдис Полис», 1987 г.

Путь к познанию сущности проходит через подражание. Когда смотришь на натуру, то натуру как натуру для рисунка не видно, поэтому подражаешь авторитетным рисункам. Человек учится подражая. А идеалы меняются. Сначала – отец, дядя, герои сказки и т. д. Потом художники. Потом люди, которые тебе нравятся. Я рисую жену.

Раньше я шел от стиля, искал стиль, искал лучший вариант. Сейчас наоборот. Я совсем не думаю о стиле. Сейчас я ухожу от понимания стиля. Я сейчас не делаю системы. Системы остаются только чисто техническими. Как нравится, так и написал.

Работа над картиной заканчивается тогда, когда ничего толкового добавить не можешь. Кроме того, каждая техника ограничивает – всё заканчивается, когда на этой плоскости в данной технике больше работать нельзя, иначе будет хуже.

Моя живопись движется с техникой. Но и техника движется вместе с образом. Техника меняется постоянно, потому что я сам изменяюсь непрерывно. Но болезненно жалко расставаться с манерой. Я как живу, так и пишу, как пишу, – так и живу. Я не отличаю краски от деталей.

Искусство показывает дорогу к главному, может быть даже ложную. Искусство – болезнь, но нужно болеть, чтобы жить. Если не болеешь, – значит мертвый. Это хорошая теория.

Евгений Орлов**«О ТОМ, ЧТО ВОЛНУЕТ...»***Памяти Владимира Таблера*

Владимир Оттович Таблер родился 2 февраля 1957 года в городе Березники Пермской области.

С 1972 года жил в Каунасе (Литва), работал инженером-электриком.

Лауреат литературных конкурсов имени Николая Гумилёва «Заблудившийся трамвай» и имени Максимилиана Волошина.

Поэзия Таблера целиком и полностью автобиографична. Владимир Оттович никогда не мнил себя поэтом, не проливал слез над вымыслом, не ходил в поэзию «как на работу», писал мало, поэтому писал только о том, что его по-настоящему волнует.

Внутренний мир Таблера-лирика – эта та самая «робинзониада», то самое «богатство от бедности», в котором оказывается человек, выброшенный стихией на необитаемый остров. Отсюда каждое воспоминание, каждая капля живительной росы и любой растущий на этом острове цветок наделены индивидуальным смыслом и представляются великой и неповторимой ценностью.

Поэтика Таблера – это «почва и судьба» человека, живущего в иной языковой, культурной среде, принявшего эту среду и вписавшегося в нее, но выбегающего из нее для того, чтобы «надышаться по-русски». Отсюда в стихах Таблера – изумительный по своей насыщенности и сочности русский язык.

В 2008 году Владимир подготовил к изданию сборник стихотворений «Когда оглянешься...».

22 мая 2010 года поэт скоропостижно скончался.

Книга «Когда оглянешься...» вышла в 2011 году, благодаря финансовой поддержке друзей и читателей поэта. Предисловие к ней написано Львом Анненским.

В 2012 году на конкурсном литературном портале Stihi.lv была учреждена литературная премия имени Владимира Таблера.

Владимир Таблер

* * *

Вечер. Тракай, а закат – токай,
все охмелить собрался.
Играй, скрипачок, этот рай смыкай
с глюками твоих брамсов.

Замок замолк, на воротах – замок.
Нежить вот-вот завоюет.
В стакане туман – на большой глоток,
чтоб заложить за ворот.

Пьян рыболлов (он лицом рябой),
не избежал поимки.
Сазану – кукан, а ему – любовь
к барменше-караимке.

Ах, он топырит, неся стопарь,
грязный кривой мизинец.
– Пью за тебя!

А она :
– Ступай!

Калика, проходимец...

Вечер – он мастью чернее треф.
Сам себя спросишь: «Кто ты?»
Пес ли ты рыцарь, иль так, пся крев,
родина злой икоты...

* * *

Как гуляли мы с дождиком.
Он пустой, а я с ножиком.
Для грибов ножик – туп и мал,
не орудье, а ритуал.

Мы по горкам то вверх, то вниз,
а грибы все попрятались.
Иль ослеп я, что тует пуст,
или впрямь урожаем не густ.

А тут кстати и белый гриб,
что ж ты, малый, так глупо влип.
Отвернусь я – пора, беги,
как умеют боровики.

Пролетала сорока-фря,
по сорочьему говоря,
мол, гуляют тут разные –
не целесообразные.

А мне просто бродить бы тут –
то вдохнуть, а то выдохнуть.
А мне просто гулять бы так,
закатившись, как в щель пятак...

Из цикла “Только дорога”

Бессонница

Бессонница. Бессмысленность. Бронхит.
Все кошки серы. А все звуки сиры.
В тюль занавески лунный гол забит.
А с центра поля начинать нет силы...
Давай тогда ударом от ворот
(а судьи где? И кто они такие?)

Перед тобою в клеточку блокнот –
узилище для знаков ностальгии...
И хищный паркер – клювик золотой
пошел пихать крамолу по ячейкам –
слова о том, что прожито тобой,
как будто о чужом или ничейном...
...И стало быть, футбол на пустыре.
Сурепку мнут мосластые эфебы.
А если говорить о вратаре,
то он глядит в клубящееся небо,
где серебристой молью – самолет.
Голкипер переводит взгляд свой долу.
Каемкой поля девочка идет,
несет в руке включенную спидолу.
И он закрыл глаза, и он ослеп.
В спидоле битлы средневолновые
кого-то умоляют, чтобы хелп...
И пахнут медом травы полевые.
Ему кричат, ругают – идиот!
Мяч за чертой добра и зла. И Бог с ним!
Она идет! Ах, как она идет,
ломая жизнь растениям медоносным.
На фоне посеревших облаков
и пустозвонной грубости пацаньей...
И платице из крыльев мотыльков
и чистых неизведанных мерцаний...
В других мирах – бессонница, луна,
тяжелое бронхитное сопенье...
А там вода во облацах темна.
А девочка светла и незабвенна...

Борис Равдин

В.Ф.МАРКОВ?

Владимир Федорович Марков, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, филолог, крупнейший специалист по русскому футуризму, критик, эссеист, переводчик, поэт, составитель антологии русской поэзии. Скончался в 2013 г. в США, куда переместился из Германии в 1949 г. Студент Ленинградского ун-та, участник Второй мировой войны, призван в ополчение в июле 1941 г., осенью того же года был тяжело ранен под Ораниенбаумом¹. Дальнейшая судьба В.Маркова в 1941-1945 гг. до недавнего времени определялась одним словом – плен.

О В.Маркове сохранились архивные сведения среди данных о безвозвратных потерях личного состава Красной армии:

Фамилия: Марков

Имя: Владимир

Отчество: Федорович

Дата рождения/Возраст: __1920

Дата и место призыва: __.07.1941 Ленинградский ГВК, Ленинградская обл., г. Ленинград

Воинское звание: красноармеец

Причина выбытия: пропал без вести

Дата выбытия __.08.1944 [В документе – две даты: 1942 г., что несколько ближе к действительности, и 1944 г. – Б.Р.]

Запись в базе данных на погибших и пропавших без вести содержит еще сведения о родственнике, с которым призывник намеревался поддерживать связь. Для В.Маркова, в силу причин, о которых ниже, указана – тетка, Маркова Надежда Сидоровна, д. Почап, Игомельский с/с, Лядский р-он².

Сам В.Марков, насколько известно, в своих статьях и опубликованных письмах темы плена почти не касался, разве что около 1993 г. писал поэтессе и переводчице В.Синкевич: «Во время войны попал в Германию – как будто я что-то скрываю. Я был тяжело ранен и взят в плен немцами»³.

Еще раньше, в конце 1988 г., он доверительно сообщал одному из

своих российских корреспондентов, Т.Никольской, дочери своего довоенного товарища, в ответ на ее рассказ о недавней славистической конференции в Даугавпилсе: «В Даугавпилсе, – писал Марков, – “моих следов” больше, чем Вам казалось: я там был в пленном лазарете несколько лет»⁴. (В Даугавпилсе, отчасти в Даугавпилсской крепости, располагался Шталаг-340, при нем – лазарет, в котором, видимо, и находился В.Марков.)

Многозначительное заявление. Можно ли и нужно ли пытаться раскрыть эти, как писал В.Марков, «следы»? Да и есть ли хоть что-нибудь достоверное для такого примечания к биографии В.Маркова. Скажем сразу, каких-либо документальных свидетельств о В.Маркове в плену у нас нет, есть только несколько предположений относительно псевдонимов, которыми он мог пользоваться при публикации своих стихов в русской поднемецкой печати в эти годы, не более.

Но есть ли хоть какие-то основания, позволяющие, по меньшей мере, предположить, что В.Марков печатался в журналах и газетах, издававшихся на «той» стороне во время войны?

Из устного источника нам известно, что проф. И.З.Серман, как и Марков, ленинградец, как-то говорил о том, что, по его сведениям, во время войны В.Марков занимался переводами с немецкого для русских газет, выходивших на территории Латвии. И.З.Серман не исключал, что в тех же газетах могло появиться и что-то собственно марковское.

В наших предположениях учтено и выступление К.М.Азадовского на недавней (14 марта 2013 г.) презентации книги В.Маркова «О русском „Чучеле совы”»⁵ в журнале «Звезда», где, в частности, было сказано: «Он [Марков] как-то хотел обозначить свою гражданскую позицию. И он ее обозначил каким-то образом [зпт.? – Б.Р.] видимо, в годы войны. Не будем судить, там – правильно-неправильно, но она, конечно, была обозначена, что не могли простить ему многие из моих ленинградских и знавших его еще по университету <...>»⁶.

Поскольку В.Марков, судя по его письму 1988 г., провел в Даугавпилсе около (более?) двух лет, следует приглядеться, нет ли его «следов» в газете «Двинский вестник», выходившей с февраля 1942 по июль 1944 г. включительно. Газета, хоть и называлась «Двинский вестник», но делалась в Риге, из Даугавпилса брали только местную хронику. Просмотр «Двинского вестника» в поисках В.Маркова ниче-

го достойного внимания не обнаружил. Такой же результат дало ознакомление с судебным делом П.П. Дементьева, который с марта 1943 г. был заведующим так наз. двинским отделением газеты «Двинский вестник». На следствии П.Дементьев назвал имена своих двинских корреспондентов, но В.Марков в этом коротком списке не числился⁷.

Просматривая русскую печать Латвии в поисках В.Маркова, обращаем внимание на стихи некоего Константина Максимова, который, по некоторому размышлению, предлагается в качестве alter ego Маркова. На каких основаниях? На очень шатких, но все же присмотримся...

Моей матери

*Там, где стынет под саваном белым
Очарованная тайга,
Где в холодных полях без предела
Голубые лежат снега.*

*Где во мраке полярной ночи
Притаилась немая смерть,
И ее неподвижные очи
Ищут новых безвинных жертв.*

*Где в тоске ледяного плена
Стонет вихрь снеговых завес...
Безбоязненно и смиренно
Ты несешь свой тяжелый крест!*

*И когда день из горя соткан,
И все мысли до боли пусты,
– Я хочу быть таким же кротким
И таким же твердым, как ты...*

Для всех. Рига. 1944. № 1. С.24.

В рамках наивного биографизма это стихотворение работает на нашу версию, в которой К.Максимов отождествляется с В.Марковым. Поясним. Отец В.Маркова – Ф.А.Марков, директор Гидрологического ин-та (Ленинград), был в 1936 г. арестован, в 1937 г. – расстрелян; в 1937 г. был расстрелян и дед – Марков Алексей Маркович, крестьянин-единоличник⁸. В том же 1937 г. была репрессирована и мать В.Маркова.

Вот соответствующие сведения «Мемориала» о Марковой Устинье (Иустине) Филипповне:

Родилась в 1896 г., д. Иганель [Игомель. – Б.Р.], Псковская обл.; образование начальное; б/п; домохозяйка. Проживала: г. Ленинград, Звенигородская ул., д.4, кв.7.

Арестована 2 сентября 1937 г.

Приговорена: ОС НКВД СССР, обв.: Ч<лен>С<емьи>И<зменника> Р<одины>.

Приговор: 8 лет ИТЛ. В заключении в Томском лагере ЧСИР. 03.09.1945 прибыла в г. Анжеро-Судженск, с 01.08.1946 в ссылке в д.Иганель [Игомель. – Б.Р.]. Реабилитирована 28 октября 1955 г. През<идиумом> Ленгорсуда⁹.

О том же письмо 1989 г. сестры В.Маркова – Людмилы, в замужестве Погоржельской, в годы войны участницы подпольного движения в Плюссах:

Моя мать, Маркова Устинья Филипповна, 1896 года рождения, уроженка деревни Игомель, с четырнадцати лет жила в Петрограде. Во время Отечественной войны она была на «курорте» в Кемеровской области, Анжеро-Судженский район. Отбывала каторгу вместе с женой Бухарина, с сестрами Тухачевского; там же была жена Якира, сестра Свердлова и многие-многие другие. Там мама пробыла очень долго...¹⁰

Конечно, мало ли судеб можно наложить на приведенное выше стихотворение, но все же...

Некоторым довеском в пользу предложенной версии может служить посвященная Гете статья «Поэт – философ – учитель» в рижской газете «За родину»¹¹. В.Марков перед войной учился в ЛГУ, занимался германистикой – ему и писать статью о Гете, и подпись под статьей подходящая: «К.М.» (Константин Максимов?).

В разговоре о В.Маркове не обойтись без обращения к тексту под названием:

Песня добровольцев РОА

*Отступают небосводы,
Книзу клонится трава –
То идут за взводом взводы
Добровольцы из РОА.*

Припев

*Шаг ровней и тверже ногу,
Грудь вперед, тесней ряды.
Мы пробьем себе дорогу,
Где не торены следы.*

*День грядущий для нас светел,
Пусть извилисты пути.
Каждый сам себе наметил,
С кем, куда, зачем идти.*

Припев

*Перед нами будь в ответе,
Кто народ в войну втравил.
Разнесем, как тучи – ветер,
Большевицских заправил.*

Припев

*Нету к прошлому возврата,
В сердце кровь кипит ключом,
Все мы русские солдаты,
Счастье Родине несем.*

Припев.

*Б/автора. Доброволец, Берлин. 1944. № 91.
12 нояб. С.4. (С нотами.)*

По утверждению Б.Н.Ковалева в книге «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941-1944» (с отсылкой к нераскрытому источнику из Архива Управления федеральной службы безопасности по Псковской области: Д.4926. Л.34), автор этой песни – В.Ф.Марков. «Судя по всему, – пишет Б.Ковалев, – читая лекции перед американскими студентами, В.Ф.Марков не вспоминал о своей работе в органах нацистской пропаганды, в частности, в ансамбле РОА¹². Нигде после войны он не публиковал свой «Марш РОА»:

*Отступают небосводды, / Книзу клонится трава, // То идут
за взводом взводы добровольцев[!] из РОА. // Перед нами будь в
ответе, / Кто в войну народ втравил! // Разнесем, как тучи ветер,
Большевицских заправил¹³.*

Это же утверждение, с отсылкой к тому же источнику, содержится и в поздних работах Б.Ковалева.

С другой стороны, К.Александров, цитируя «Отступают небосводды...», автором текста и музыки «Песни добровольцев РОА» называет Н.С.Фрейберга¹⁴. Вероятный источник сведений К.Александрова – воспоминания П.В.Жадана, где автором песни «Марш РОА» указан Н.С.Фрейберг¹⁵, эмигрант, во время войны – пскович. Но П.Жадан, который в оккупированном Пскове был секретарем городского управления, говорит о Н.Фрейберге как об авторе «Марша РОА», и нет уверенности, что «Марш РОА» можно отождествить с «Песней добровольцев РОА», пусть эта песня и написана в ритме марша.

С третьей стороны, А.Мартынов считает, что «Песня добровольцев РОА» вообще была написана после войны¹⁶.

Какое-то участие В.Маркова в работе Ансамбля русской песни и пляски Отдела пропаганды Псковского гебитскомиссариата не исключено, тем более, что постоянное внимание В.Маркова к музыке и пению отражено и в его воспоминаниях, и в его статьях. По материалам рижской газеты «За Родину», внимательно отслеживавшей концерты и псковского ансамбля добровольцев (он же – ансамбль военнопленных) со времени его возникновения (май 1943 г.), репертуар «добровольческих» песен ансамбля на всем протяжении его существования предстает следующим: помимо двух известных песен («Мы идем широкими полями...» и «Что за песня над полями льется...»), не позднее середины октября 1943 г. хор ансамбля впервые исполнил «Добровольную походную»¹⁷. Вероятно, именно эта песня под названием «Походная РОА» и за подписью Д.М. многократно была представлена в газетах и журналах Остланда:

Походная РОА

*Развевайтесь, полотнища знамен!
Собирайся, добровольцев батальон!
Дружно песню удалую запоем;
Не горюя, не робея в бой пойдём.*

*Наша общая суровая судьба,
Испытания, лишения, борьба!...
На душе у нас, на сердце боль и грусть
По тебе, в крови потопленная Русь!*

*В чистом поле дует ветер вихревой,
Унесет он песню звонкую с собой,
До родимых... до любимых... до друзей,
И на сердце сразу станет веселей.*

*Широка, вольна ты, русская душа!
Да и Родина как наша хороша!
Мы врагов ее жестоко разобьем,
На родной земле счастливо заживем.*

*А когда умолкнет шум горячих битв,
Подсчитаем мы, кто ранен, кто убит;
Но не зря... не зря прольется наша кровь,
А за Правду!... за Свободу!... за Любовь!*

*Счастлив тот лишь, кто, сражаясь, победил
Или честно свою голову сложил!
О героях же, погибших за народ,
Слава громкая вовеки не умрет!...*

*Развевайтесь, полотнища знамен!
Собирайся под знамена, батальон!
Собирайся, снаряжайся и иди!
Наша слава, наше счастье – впереди!*

*За родину. 1943. № 225. 27 сент.*¹⁸

Насколько мы понимаем, эта «Походная» была написана под формирование в Ostlande (лето 1943 г.), в особенности, на востоке Латвии, в Латгалии, – Русских сторожевых добровольческих батальонов. Как бы ни хотелось приписать этот текст В.Маркову, удержимся, у этой песни за подписью «Д.М.» есть более вероятный автор: Дм.Максимов – художник и очеркист газеты «За Родину», он же автор весьма посредственного стихотворения «Звезды» («О тебе задорной, о тебе веселой...»)¹⁹. (И все же: а вдруг в газете опечатка – вместо «К.М.» ошибочно набрали «Д.М.»?)

Не позднее начала ноября 1943 г. в репертуар ансамбля вошла еще одна песня – «Марш добровольцев»²⁰. Не исключено, что именно «Марш добровольцев» впоследствии стал именоваться искомой «Песней добровольцев РОА». К сожалению, авторы нужных нам песен-

маршей в заметках об ансамбле не обозначены, песни в рецензиях не цитируются.

Допустим, «Отступают небосводы...» входили в репертуар псковского ансамбля. Но мог ли сам Марков быть участником этого ансамбля? Отметим, что имя Маркова никак не значится в многочисленных рецензиях на выступления псковского ансамбля. Правда, в этих рецензиях обычно упоминаются только солисты, на имена хористов рецензенты не выходили, а если бы и выходили, поди пойми, что здесь – подлинное ли имя, псевдоним ли? Участие В.Маркова в псковском ансамбле весьма сомнительно – этот ансамбль выступал с концертами по всей псковской округе, в т.ч. и в Плюсском р-не, где располагалась родовое гнездо Марковых – деревня Игомель, там по-прежнему жили его родственники, бабушка, тетка, сестра Людмила... Конечно, при намечавшихся гастролях в Плюссах, будь В.Марков в составе псковского ансамбля, можно было и «заболеть», но и в Пскове его могли узнать, и в окрестностях Пскова. Хотел ли он узнавания?

Большой театрально-концертный ансамбль был в Гатчине, но там его вполне могли заметить б. ленинградцы...

М.б., Марков пел в хоре Двинского ансамбля добровольцев? Но, за исключением нескольких имен, нам неизвестны ни состав этого ансамбля, ни репертуар²¹.

Вообще-то, разного рода ансамблей в Прибалтике и на Северо-Западе было с избытком²². С освобождением этих территорий труппы самоликвидировались, распускались или перемещались на Запад. Где-то в литературе встречалось упоминание, что часть Псковского ансамбля влилась в Дабендорфский; быть может, с частью псковского ансамбля в репертуар дабендорфцев и вошла «Песня добровольцев РОА»,²³ к которой позднее еще вернемся.

А пока приведем остальные стихи за подписью Константина Максимова в латвийской региональной печати. Быть может, публикация этих текстов позволит в будущем, при работе с архивом В.Маркова, более аргументировано обосновать авторство приводимых ниже строчек.

Родина

*Занесенные низкие хаты,
Неспокойные мрачные ели,
Над просторами ветер крылатый
Поднимает извивы метели...*

Нудный скрип колеи под санями,
Колокольчика песни степные...
– Это ты во всю ширь перед нами
Спишь под снегом, родная Россия.

Из цикла «Голоса Родины» // За родину. 1942. № 48. 4 нояб.²⁴

* * *

Эх, спою я песню,
Песенку простую,
Не о нежном счастье,
Не о черном горе.
Мне слова той песни
Нашептало море;
Спели буйны ветры,
Что над морем дуют.
В ней бушуют волны,
В ней клокочет пена.
Бурно рвется сердце
На простор из плена.
В ней гудит и стонет
Злобно ветер звонкий,
В ней тоска лихая
По родной сторонке.
Так лети же песня,
Песенка простая,
Из души усталой
До родного края!..

Из цикла «Голоса Родины» // Там же. 1942. № 48. 4 нояб.

Осенний романс

Когда над розой песнь ночную
Пел, заливаясь, соловей,
Ты мне сквозь ласку поцелуя
Шептала о любви своей.

Но роза отцвела и осень
Давно прогнала соловья...
Сад опустел, – лишь черных сосен
Шумит угрюмая семья.

– И ты ушла – куда, не знаю,
Окутанная дымкой грез...
Я вновь один... – и догорает
Живая сказка алых роз.

Там же. 1943. № 53. 5 марта.

Ночь

Густеет мрак, – лишь мутным серебром
Трепещут в небе хладные зарницы...
И отдаленный медно-тяжкий гром
Колеблет тишину. Узорной вереницей
Громады туч ползут в темнеющую даль –
Как серо-синяя чуть матовая сталь,
Дымясь, блестит река, – тяжелый воздух душен,
И кажется, нет силы превозмочь немой тоски.
Молчи, душа, и слушай, как молится в тиши живая ночь.

Из цикла «Осенние песни» // Новый путь. 1943. № 6 [март].
С.12.

Затемнение

Тяжелый мрак ползет по темной улице
И кутает дома в сырую мглу.
Как старый день, задумчиво сутулится
Фонарь, потухший на углу.
Безмолвно ночь угрюмым, черным вороном
Глядит из каждого ослепшего окна.
Все спит кругом – и трепетно над городом
Дрожит живая тишина.

Из цикла «Ночной город» // За родину. 1943. № 72. 27 марта.

Генералу Власову

*Я всегда был уверен, я знал,
Что раздастся когда-нибудь
Молниеносный, холодный сигнал
И мне сталью ударит в грудь...*

*Все взметнется, как вздымленный снег,
Медный звоном набат загудит...
И проскачет наш вождь на коне –
И прикажет спокойно*

– Иди!

Северное слово. Libau. 1945. № 35. 18 марта.

Газета «Северное слово» в 1942-1944 гг. издавалась в Таллине. Когда осенью 1944 г. Вермахт оставил Таллин, газета приостановилась, но чуть позднее возобновилась в Лиепе (Libau, Курляндский котел, Курляндская крепость), сохранив за собой название, но переняв нумерацию рижской газеты «За родину». По сути, выходящая газета – это все та же рижская «За Родину», переименованная в «Северное слово». Почему переименованная? Отчасти потому, что в соседнем с Лиепе городе, в Вентспилсе (Windau) в те же 1944-1945 гг. выходила газета «За родину», наследница газеты, в августе 1941 г. основанной в г. Дно, затем блуждавшей по Латвии и завершившей свой путь в Лиепе (Libau) в мае 1945 г. Не издавать же в двух соседних городах две газеты под одним и тем же названием...

Можно ли понять, почему в лиепайской газете вдруг, после долгого перерыва, появился К. Максимов? Да ведь он – давний автор рижской «За родину» и, возможно, редакция «Северного слова» (versus «За родину») попросила его навестить родные газетные пенаты.

К списку стихов за подписью «Константин Максимов» в латвийской печати добавим еще «дорожное» стихотворение «Молодость» за подписью «В.М.» (Владимир Марков?):

*Выхожу с мешком за плечами
В голубую дорожную даль.
Я вчера еще был печален,
Но сегодня ушла печаль.*

*Я сегодня сильнее вдвое,
Я иду, подымая пыль.
По поселку, сквозь росное поле,
Позабыв тяжелую быль.*

*Я иду по лугам цветистым,
Мне не страшен далекий путь.
Я прошел бы пешком верст триста
И ни разу не сел отдохнуть.*

*Я вспахал бы один все пашины.
Я построил бы целый город.
Мне теперь ничего не страшно
Я силен, потому, что молод.*

За родину. 1943. № 179. 4 авг. С.3.

II

На очереди, на столь же шатких основаниях («слабая тара»), предположение еще об одном возможном псевдониме Владимира Маркова: Владимир Рудаков (помимо совпадения имен, нет ли отдаленного созвучия в этих фамилиях?).

На подступах к этому псевдониму обратимся к марковскому сборнику 1947 г. «Стихи»²⁵, в частности, к циклу «Об Италии» (с. 17-28). Можно ли понять, когда был создан цикл, точнее – связан ли этот цикл хоть как-то с биографией (географией) В.Маркова? Лирический герой цикла некоторыми деталями своей биографии не подобен ли автору сборника? О каком времени идет речь в цикле? О сегодняшнем дне (т.е. о времени близком к выходу сборника), о вчерашнем, о вечности? Ответить категорически – не беремся, но походить вокруг вопроса попробуем. Стихи итальянского раздела (как, впрочем, и все остальные стихи сборника) не датированы, возможно, среди прочих мотивов, и из нежелания афишировать вероятное пребывание автора в Италии военных лет. Но в стихах цикла угадываются строчки, говорящие об идущей рядом с автором войне на Итальянском фронте. Вот, в стихотворении «В Бергамо, на Piazza del Duomo...» находим несколько строф, посвященных знаменитой капелле Коллеони, в частности,

конной статуе основателя капеллы – Бартоломео Коллеони:

*Только в нише, досками обшитой,
Задыхается в мешках с песком,
От осколков бомб и взглядов скрытый,
Всадник в латах с вороним конем.*

<...>

*Бронзовых волос густые пряди
Чуть колышет ветер неземной;
Он в руке копьё сжимает, глядя
На позор Италии родной²⁶.*

С. 25-26.

Год? Полагаем, 1944 (для 1943, учитывая военную историю Италии – рановато, для 1945, пожалуй, поздновато...).

Еще одна примета времени в цикле. Взгляд очевидца? Возможно... Название затерявшейся итальянской деревушки на дороге не валяется...

*В Маджио²⁷, горной деревне, дуют холодные ветры,
Кружится серая пыль и засоряет глаза.
Справа, на склоне, дымок – это лес подожгли партизаны.
Даже и в этой глуши те же тоска и война.*

С.20-21.

Если же проследить географию итальянского цикла (Венеция, Милан, Альпы, Маджио, Верона, о. Камо, Бергамо), то предстанет – Северная Италия, т.е. – ареал дислокации частей РОА (так наз. армии Власова), осенью 1943 г. по приказу Гитлера перебросенных с разных участков Восточного фронта на Западный: Франция, Италия, Дания...

Пожалуй, можно говорить о том, что персонаж итальянского цикла с неизвестной нам целью кружит по местам батальонов РОА. Когда? Год уже прикидывали, – 1944. Поскольку в цикле часто всплывает жара (реальная? с. 22, 23, 24, 25), возможный календарь: поздняя весна – ранняя осень. Можно подыскать и более точное определение времени года: «Весной и солнцем дышит грудь <...>» (с. 27), если только это не сугубо поэтический образ. А в каком качестве наш герой перемещается из одной точки Северной Италии в другую? Не

с целью же изучения культуры средневековья! Не в свободном же полете с Бедкером в кармане! Вряд ли с оружием... Если хоть в какой-то степени лирического героя стихотворений можно отождествить с предполагаемым автором, то В.Марков, после тяжелого ранения, вряд ли годился для строевой; он прихрамывал до конца жизни. Что же могло забросить В.Маркова в Италию? Известно, что весной 1944 г. немецкое командование, обеспокоенное «уровнем духа» русских соединений в Италии, оторванных от родных стен, предприняло ряд мер как психологического, так и организационного характера для исправления положения²⁸. М.б. В.Марков был как-то «задействован» в этом «проекте»?

Остается только догадываться, какая роль была назначена военнопленному В.Маркову в Северной Италии?

Понятно, что тактика «наивного биографизма» где-нибудь должна дать сбой, но, будем надеяться, что хоть что-то останется как ориентир для восстановления реальной биографии автора, портрет которого в цикле и вообще в сборнике расплывчат, но всё же при некоторых постоянных характеристиках, одна из которых связана с темой дороги (лишь отчасти – пути), бродяги, странника, (см. с. 5, 8, 11, 12, 13, 14, 28, 33, 34, 43, 47, 56, 58, 60; напомним еще, что та же тема «дороги» звучит и в приведенном выше стихотворении «Молодость» за подписью «В.М.»).

Чуть развернем тему бродяжничества:

*И жизнь встает, как белый лист бумаги,
Где – жирный штамп, приметы все мои,
Да имя одинокого бродяги
Без родины, любимой и семьи.*

С.11.

*Война окончилась – так мне сказали.
Быть может, надо веселее быть?
А каждой ночью снова снятся дали.
Подоживу завтра надо бы подбить...*

С.12.

*По жизни шагать с загорелым лицом –
Конца не найдешь вариантов!*

*Наемным солдатом, фигляром, купцом,
Но лучше всего быть вагантом.*

С.34.

*Бродить по свету и смотреть вокруг,
И собирать, чего никто не видит,
Запоминать: изгиб красивых рук,
Лень[!] облаков и строчку в Энеиде.*

С.60.

Отложим на время сборник 1947 г. Обратимся к газете «Доброволец» и отчасти – к «Заре», обе газеты издавались в Германии в 1943-1944 гг., «окормляли» военнослужащих русских частей, сражавшихся на стороне Германии, и военнопленных.

30 июля 1944 г. в «Добровольце» (№ 61) было напечатано следующее стихотворение Владимира Рудакова:

Парень боевой

*Южный фронт Италии далекой...
Сквозь огонь и дым пороховой,
Он идет, подтянутый, высокий,
Доброволец – парень боевой.*

*Вдалеке, у мельницы крылатой,
На рассвете ясен горизонт:
Путь один – суровая расплата, –
В тыл врагу пробиться через фронт.*

*За селом – железная дорога
Потянулась лентою стальной.
Он идет, решительный и строгий,
Доброволец – парень боевой²⁹.*

*Над рекою – мост, одетый в камень;
Подошел, суров и деловит,
Как сапер, умелыми руками
Заложил под рельсы динамит.*

*В голубом предутреннем тумане,
Над простором – стелется дымок;*

*Поезд мчит на фронт, и англичане
Вот уж близко... паренек прилег.*

*И настал суровый час расплаты:
В этот миг от взрыва под откос,
Громяхая, рухнул паровоз
И состав, пожарищем объятый.*

*...Южный фронт. Военная дорога.
Сквозь огонь и дым пороховой,
Он идет, решительный и строгий,
Доброволец – парень боевой.*

Хочется связать это стихотворение со «Стихами об Италии» из сборника Владимира Маркова. И не просто связать, но намекнуть на тождество авторов. Но хотя «время и место» «Стихов об Италии» и «Парня боевого» находятся в перекрестье, этого все же маловато даже для ничтожного намека. Да и стихи В.Рудакова для В.Маркова уж больно прямолинейны, уж больно... Впрочем, «Добровольцу» именно такие стихи и были нужны. А опыт создания такого рода агиток у В.Маркова был («Левин получил от меня венок пародий-стихов ему на рождение от разных поэтов, от Гомера до Лебедева-Кумача»)³⁰. Исполнение социального заказа, здесь и в ряде других текстов под именем В.Рудакова?

*Родные вербы у порога
Стоят в покое вековом.
Ты обо мне здесь молишь Бога,
Чтоб я вернулся в отчий дом.*

*Уста молитву повторяют,
И долго крестится рука.
Седые волосы слегка
Родные ветры развевают.*

*Глаза задумчивы и строги,
А в сердце – теплая любовь;
Родная мать, ты молишь Бога,
Чтоб я к тебе вернулся вновь,*

*Чтоб я в сражениях и битвах
Был смел, бесстрашен, невредим.*

*Твоя горячая молитва
Мне помогает быть таким!*

*Твой взор, задумчивый и строгий,
Всегда встает передо мной:
Одна сидишь ты у порога,
Встречая вечер голубой.*

*Но верь – пройдет пора разлуки,
Вернусь с победой в отчий дом,
В саду кудрявом, под окном,
Навстречу ты протянешь руки.*

Доброволец. 1944. № 78. 27 сент³¹.

Или:

Мать

*Если у матери только один –
Стройный, красивый и ласковый сын,*

*Сердце тоскует, любовью горит,
Как же такого не ждать до зари?*

*...Шипом змеиным угрозы ползли,
В сердце впивались, давили и жгли.*

*Сына родного стреляли в упор:
Всюду разгуливал красный террор.*

*Темные ночи – и трупы людей...
Ненависть льется сильнее и сильнее.*

*В битву идем мы путем фронтовым:
Мы не забудем – и мы отомстим!*

*Ночи кровавые старая мать
С ужасом будет всегда вспоминать:*

*Сына любимого, взгляд его, стан
С пятнами темных запекшихся ран.*

*...Был он у матери только один
Стройный, красивый и ласковый сын.*

Доброволец. 1944. № 82. 11 окт.

Заметим, что рижская «За родину» со стихами К.Максимова была более свободна от неумолимой пропаганды, нежели берлинский «Доброволец».

Стихи В. Рудакова в «Добровольце» отчетливо делятся на две группы. В одну входят стихи лирические, в другую, абсолютно бóльшую, – пропагандистские и псевдолирические. На наш взгляд, из этой второй группы автору удаются стихи ударные, призывные, маршевого характера, с полюбившимся В.Рудакову (как и Д.М. – из первой части нашей статьи) поэтически раскатистым звукосочетанием «роа», напр.:

Добровольческая

*Полыхает заревом заката
Над степным простором синева...
За Россию в бой идут солдаты
Под священным знаменем РОА.*

*По дороге танки громыхают,
Над полями – летняя гроза.
За селом на бой нас провожают
Голубые девичьи глаза.*

*Лейся звонко, песня боевая,
И сердца отвагой зажигай!
Нас сплотила Родина святая
На борьбу за наш любимый край!*

*Мы проходим фронтом обагренным,
Пролетают острые штыки.
Пролетают наши эскадроны
И звенят каленые клинки.*

*По дороге танки громыхают,
Над полями – летняя гроза.
За селом на бой нас провожают
Голубые девичьи глаза.*

Доброволец. 1944. № 61. 30 июля³².

Или:

Его огневые слова

В суровые годы борьбы и ненастья,
В землянке, под взрывы гранат –
Он с нами делился и горем и счастьем,
Наш первый, наш русский солдат.

Пронесят высоко полки фронтовые
Трехцветное знамя РОА;
И в песне солдатской о Новой России –
Его огневые слова.

Нам черные тучи не скроют лазури,
Мы грозно идем на врага...
Корабль наш с победой сквозь штормы и бури
Вернется к родным берегам.

Под грохот орудий и треск автоматов
Поднимем бокалы, друзья,
За Власова выьем, за подвиг солдата,
За Русь, за родные края!

Пронесят высоко полки фронтовые
Трехцветное знамя РОА.
И в песне солдатской о Новой России –
Его огневые слова.

Доброволец. № 72. 6 сент³³.

Но ведь параллельно с приведенными выше псевдолирическими и сугубо пропагандистскими стихами в том же «Добровольце» находим стихи другого порядка, пусть на ту же военную тему, пусть всего один-два:

В Нормандии

Жил город немало столетий –
Сияли огнями порой
И парки, и улицы эти,
И неба шатер голубой.

Но грозные молнии ночью
Скрестились в немой тишине;
Дома содрогнулись – и в ключья
Взлетели в дыму и огне.

...Воронки, громады развалин,
В саду повалился плетень;
По пыльным дорогам окраин
Зловещая движется тень.

На кладбище свежие розы
Могилу покрыли венком,
И тонкие ветви березы
Склонились над новым крестом...

Доброволец. 1944. № 68. 23 авг²³.

«Доброволец» позволил В.Рудакову напечатать и несколько строф сугубо лирического плана:

Бродяга

На опушке леса, у оврага,
Где луч солнца землю пригревал,
Молодой оборванный парняга
На траве зеленой задремал.

Позади – Сенная и Яновка...
Где он был до этих пор и с кем –
У него лишь серая котомка
Да вода в бутылке на песке.

Задремал, оборванный, усталый,
Молодость сурова и горька...
И его теперь лишь эти травы
Нежно-нежно гладят по щекам.

Доброволец. 1944. № 87. 29 окт.

Помимо знакомой по «Стихам об Италии» темы бродяжничества, нас, естественно, остановила строчка «Позади – Сенная и Яновка». Что это? Приметы Ленинграда, где Сенная – это Сенная, а Яновка

– улица Яновская (ныне – Барклаевская)? Если это так, то отсюда – очередное предположение: автор «Добровольца», не исключено, – из ленинградцев, как и В.Марков. В поисках хоть каких-то ленинградских аргументов судорожно ищем точки пересечения В.Маркова с ленинградскими Сенной и Яновкой. Увы: дом Марковых – на Звенигородской; неподалеку, на Ивановской (Социалистической), – школа; институт отца – на Васильевском острове, – другие, важные для В.Маркова адреса в Ленинграде, неизвестны, а все доступные адреса В.Маркова далеки от Сенной, тем более – от Яновской... В возмещение топонимической утраты, нам подсказали (спасибо!), что прямо под Даугавпилсом, в 10 км. находится деревня Яновка (ныне Jāņuciems). Т.е., при желании, можно прочертить путь лирического героя от Ленинградской «Сенной» до Даугавпилсской «Яновки». Впрочем (тут опять подсказали, спасибо!), «Сенных», да еще по соседству с «Яновками» на карте СССР хоть пруд пруди.

К тому же, положившись на Сенную и Яновку как приметы города Ленинграда, принятый нами метод наивного биографизма наконец-то дал сбой? Вот стихотворение:

Родному краю

*Люблю пред жатвой выйти в поле
Под зноем солнечных лучей –
Встает крестьянское раздолье
И голубая даль степей.*

*И урожайная пшеница
Среди полей родных стоит.
На солнце колос серебрится,
От ветра легкого шумит.*

*Вдали раскинулись широко
Река, фруктовые сады.
На ветвях, наливаясь соком,
Висят медовые плоды.*

*Играют золотом колосья,
Шумит листвой кудрявый сад.
... Там вместе с вами жил и рос я,
Отец и мать, сестра и брат.*

*Всегда я чистым сердцем с вами:
Туманной ночью, светлым днем.
В мечтах горячими губами
Целую вас в краю чужом.*

Доброволец. 1944. № 79. 1 окт.

Или читаем стихотворение того же автора: «Любимой» («Синий вечер закатом пылает»), где находим строчку «Вспоминаю Кубани разливы ...». Так что – прикажите переписать автора из ленинградцев в крестьянского сына, вернуть ему отца, найти брата? И одновременно записать того же автора в казаки? Да нет, первое стихотворение – чувствительно-пропагандистское, на которое призвана откликнуться т.с. душа добровольца или военнопленного – вчерашних крестьян или недавних выходцев из крестьян. Второе стихотворение (про Кубани разливы) – довольно небрежно выполненное «домашнее задание» в рамках агитационной кампании по привлечению казачества к союзу с РОА (чему, например, категорически сопротивлялся ген. П.Краснов).

Пора задать вопрос: куда ведут стихи В.Рудакова – к В.Маркову или от В.Маркова, куда мы идём: к рассказу о том, что В.Рудаков = В.Маркову или к заявлению, что В.Марков не имеет никакого отношения к В.Рудакову?

Взглянув на стихотворный раздел «Добровольца» за 12 ноября 1944, все же склоняем себя к утверждению, что под псевдонимом Владимир Рудаков выступал Владимир Марков. Поясним, пусть и не слишком убедительно. В этом № 91 от 12 ноября за подписью Владимира Рудакова опубликован:

Этюд

*В белой роще утро заалело...
Гордая, откинув светлый плед,
За мольбертом девушка сидела,
И пред ней позировал рассвет.*

*На палитре расцветают краски,
Кисть рука умелая ведет,
Час, другой – и на холме, как в сказке,
За рекою отчий дом встает.*

*В белой роще солнце засияло,
Смуглый тополь загляделся в пруд.
И вода как будто отражала
Молодости сказочный этюд.*

Стихи весьма в «лирических» установках «Добровольца» («Но я себя смирял, становясь на горло собственной песне?»). Но речь о другом: в том же номере, на той же стр. 4 опубликована «Песня добровольцев РОА», о которой шла речь выше (напомним, по сведениям Б.Н.Ковалева, автор «Песни добровольцев РОА» – В.Марков). В «Добровольце» текст этот, как уже говорилось, опубликован с нотами, но ни автор, ни композитор в публикации не указаны. Почему?

М.б на вопрос «почему», найдется призрак ответа (хотя бы технического), если обратиться к другому номеру «Добровольца» (1944. № 82. 11 окт.), где тоже одновременно опубликовано два поэтических текста. Один, подписанный Вл.Рудаковым, – уже цитированная «Мать», а ниже, за подписью «Р.В.»:

Осень

*Опустилось солнце за рекою,
Вечер незаметно к нам пришел,
Тихий вечер веет надо мной[!] –
В этот час легко и хорошо.*

*Он, как девушка, и прост, и нежен,
Мной любим, как небо, как земля,
И окутал этот вечер свежий
В шаль осенних сумерек поля.*

*В небе месяц чистый выплывает,
А вдали, у голубых станиц,
Красноватым отблеском играя,
Вспыхивает золото зарниц.*

Можно предположить, что «Осень», подписанная «Р.В.» тоже принадлежит В.Рудакову. Но не в традиции «Добровольца» (да и газет вообще) давать в номере под одной и той же фамилией ряд упражнений одного и того же автора, – приходится прибегать к псевдонимам или печатать текст анонимно.

Вот и в № 91, под «Песней добровольцев РОА», опубликованной по соседству со стихотворением В.Рудакова «Этюд», надо думать, по той же причине (чтоб не плодить в номере одни и те же имена) пришлось опустить имя автора, т.е. того же В.Рудакова, и пустить «Песню добровольцев РОА» анонимной. Отложить второй стишок на следующий номер? Но следующего номера не будет, на 91 выпуске газета прекратилась, о чем редакции, наверняка, было известно заранее.

Отметим еще объединяющую поименованных здесь авторов деталь: склонность к одному и тому же цветовому эпитету:

«Голубые лежат снега...» (К.Максимов. Моей матери.)

«В голубую дорожную даль...» (В.М. Молодость.)

«И голубая даль степей...» (В.Рудаков. Родному краю.)

«А вдали, у голубых станиц...» (Р.В. Осень.)

«В голубом предутреннем тумане...» (В.Рудаков. Парень боевой.)

«Голубые девичьи глаза...» (В.Рудаков. Добровольческая.)

«И неба шатер голубой...» (В.Рудаков. В Нормандии.)

«Встречая вечер голубой...» (В.Рудаков. Родные вербы у порога...)

Так и слышится реплика читателя на наш источниковедческий опус: допустим, допустим, но какое все это имеет отношение к В.Маркову? Как можно по большей части безвкусные стихи приписывать В.Маркову, пусть не первостепенному поэту, но не без вкуса же!? Этим вопросом мы и сами задавались и по мере возможности пытались найти ответ или подобие ответа. Что же в конце концов мы хотели сказать? Да что-то такое: не исключено, что в годы Второй мировой войны В.Марков впервые вошел в печать, что среди его псевдонимов и криптонимов тех лет могут быть: Константин Максимов, Владимир Рудаков, В.М., К.М., Р.В.. Только не надо дышать на нашу конструкцию – вдруг развалится... (А если не развалится?)

В крайнем случае, приведенные стихи, даже если пустить их по разряду неизвестных авторов, могут представлять поэтический репертуар коллаборационистской печати.

И все же, если предположения относительно псевдонимов хоть как-то верны, м.б. допустимо спросить: почему В.Марков так долго и так тщательно скрывал свое участие в печати «по ту сторону». То ли перед лицом США и СССР, имея в виду несоответствие реальной биографии анкетной; то ли из боязни нанести урон своим родным,

то ли стесняясь каких-то обязательных стихов тех лет, которые и стихами-то назвать нельзя, разве что пародией, стилизацией. Но вероятно, все эти причины в совокупности, и не только эти, удерживали его от рассказов о своей судьбе военнопленного, о своих первых выступлениях в печати.

Были ли «шинельные» стихи В.Маркова выражением его гражданской позиции? Сомнительно.

В нашей статье, посвященной Г. Глинке³⁸ мы пытались навязать псевдоним «Владимир Рудаков» Г.А.Сидамону-Эристову – редактору «Добровольца» в пору публикаций В.Рудакова. Судя по тексту настоящей статьи, мы отказываемся от этого поспешного предположения в пользу (временную? постоянную?) В.Маркова.

Благодарим М.Классен, Н.Рубинштейн и Р.Тименчика за помощь и внимание к нашей работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. вступ. заметку Ю.Д. Левина к воспоминаниям В.Маркова «Et ergo in Arcadia...» // Звезда. 1995. № 2. С. 130.
2. См.: ОБД Мемориал (<http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=64154817>).
3. Синкевич В. Владимир Марков. 1920-2013 // Новый журнал. 2013. № 270 (<http://magazines.russ.ru/nj/2013/270/s22.html>).
4. В печати.
5. Новосибирск. Свиныи и сыновья. 2012.
6. Памяти Владимира Федоровича Маркова (<http://www.youtube.com/watch?v=e-FrazimWa8>).
7. См.: LVVA (Лат. гос. ист. архив). Ф.1986. Ед.хр. 5374. Л. 17 об., 31 об.
8. См.: Жертвы политического террора в СССР (<http://lists.memo.ru/index13.htm>).
9. (<http://lists.memo.ru/index13.htm>).
10. Кириллов Василий, Клёмин Владимир. Огненный круг. Очерки о плюских разведчиках // Контрразведка. Псков, 1995 (<http://edapskov.narod.ru/pskov/kontrrazvedka.htm>). Благодарим Г.Суперфина, указавшего нам на этот источник.
11. 1944. № 175. 8 авг.
12. Речь идет о Псковском ансамбле РОА.
13. М. Изд-во АСТ : Транзиткнига. 2004. С. 342.
14. См.: Александров К. М. Армия генерала Власова 1944-1945. М. Яуза: Эксмо. 2006. С. 270.

15. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. Нью-Йорк. Посев. 1989. С.168.

16. См.: Мартынов А. Россия против России // НГ-Экслибрис. 2006. 17 авг. (http://exlibris.ng.ru/koncep/2006-08-17/7_russia.html). Исполнение фрагмента этой песни ансамблем добровольцев на одном из выпусков (осень 1944 г.?) Дабендорфской (под Берлином) школы пропагандистов Русской освободительной армии можно посмотреть и послушать в Интернете: (<http://www.youtube.com/watch?v=UjZS6gg6H8I>). Песня эта и сегодня как «народная» исполняется разного рода ВИА (вокально-инструментальными ансамблями).

17. См.: Воронов С. Новая программа ансамбля добровольцев // За родину. 1943. № 240. 14 окт. Воронов С. – наст. фам.: Волк Сигизмунд Юлианович (род.1911) ленинградский шахматист. Военнопленный, с осени 1942 г. псковский корреспондент рижской газеты «За родину», где выступал также под псевдонимом – Эсвэ, криптонимами В. и С.В.; вероятно, в той же газете ему принадлежит криптоним В.С. По окончании войны жил в Западной Германии, печатался в мюнхенской газете «Голос народа» (см.: Воронов С. Власов во Пскове. Первое публичное выступление Андрея Андреевича на русской территории // Голос Народа. Мюнхен. 1952-31. Спецвыпуск. 2 авг.), выпускал брошюры разного характера, в т.ч. за подписью С.Невский, С.Волк; под именем Sigmund Wolk известен в шахматном мире Германии. Подробнее о С.Воронове см.: Петров Игорь. Игра вслепую // (<http://labas.livejournal.com/1053705.html>).

18. То же: Новый путь. 1944. № 8. 10 июня. С.2 (с некоторыми (редакционными?) исправлениями); Обзор русских газет [Рига.] 1943. № 11. 9 июня; Правда. [Таллин.] 1943. № 40. 7 окт.

19. Новый путь. Рига. 1944. № 12. С.13.

20. См.: Воронов С. Сто концертов ансамбля добровольцев. Творческие достижения артистов-любителей // За родину. 1943. № 261. 8 нояб.

21. См. объявление о предстоящем 19 мая 1944 г. в Риге концерте «солистов – русских добровольцев Двинского музыкального ансамбля» // Двинский вестник. № 56. 14 мая. Из солистов упомянуты И.И.Леонов и А.Г.Липатов.

22. См. о постоянных и передвижных ансамблях тех лет: Равдин Б. На подмостках войны. Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941-1944). Stanford. 2005.

23. Об ансамбле, в т.ч. о его выступлениях в Италии, Дании, Восточной Пруссии см.: Анисимов. Наш юбилей // Заря. Берлин. 1944. № 89. 5 нояб.

24. То же: Северное слово». Libau [Лиепая]. 1945. № 1. 7 янв.

25. [Регенсбург.] Эхо. 1947.

26. Возможно, «позор» – казнь Б.Муссолини партизанами в Альпах, в относительной близости от Бергамо; возможно – собственно участие Италии в войне в союзе с Германией...

27. Маджио (Maggio) – деревушка в итальянских Альпах, в Ломбардии, неподалеку от озера Комо. Благодарим М.Плюханову за помощь в поисках этой деревушки.

28. См. по вопросу: Делингаузен Э., фон. Два года с Власовым и власовцами. Поездка Трухина в Италию // Исторический архив Восточно-европейского ин-та при Бременском ун-те. Ф.34. (Кромиади Г.К./Кружин А.Н.)

29. То же: Б/а. [Рудаков Владимир] Парень боевой (Фронтная песня). Поется на мотив «Три танкиста» // Голос правды. 1944. № 56. 15 авг.; Рудаков Влад. Парень боевой // Информационный листок газеты «Доброволец» для русских частей в Италии. 1944. № 95. 15 сент.

30. Марков В. «Et ergo in Arcadia...» // Звезда. 1995. № 2. С. 135.

31. То же: Заря. 1944. № 86. 25 окт.

32. То же: Заря. 1944. № 61. 30 июля; Информационный листок газеты «Доброволец» для русских частей в Италии. 1944. № 85. 8 авг.; Доброволец. Рига. 1944. № 33. 13 авг.

33. То же, под названием «Наш Власов» опубликовано в одноименном «Добровольце» ([Германия.] Feldpost 38716). 1944. № 31. 20 окт). В основном «Добровольце» (Feldpost 28264) текст панегирика предваряет цитата из А.Власова (полагаем, редакционная вставка): «...Корабль, ведомый великой идеей союза двух великих народов, выдержит и последующие бури и шторм, пройдет все подводные камни и рифы и благополучно прибудет в спокойную бухту».

34. То же: Заря. 1944. № 67. 20 авг. Зарисовка с натуры? Т.е., помимо Италии, автор побывал и в Нормандии?

35. Парняга? Редакционная правка? В редакцию стихи пришли без заглавия?

36. Заря. 1944. № 91. 12 нояб.; то же: Казачий клич. 1945. № 7. Февраль.

Любопытно, что в казачьей печати (Казачий клинок. 1944. № 1. Январь) находим подпись «В. Рудаков» под стихотворением «Рождество Христово» («Тихо веет зимний вечер...»). «Наш» ли это В.Рудаков? Однофамилец? Других стихов В.Рудакова в просмотренных номерах «Казачьего клинка» мы не обнаружили.

37. Помимо стихов, см. еще статьи и заметки за некоторыми знакомыми подписями: К.М. Русский уголок. [Дом отдыха для русских солдат в Италии.] // Доброволец. 1944. № 90. 8 нояб.; К.М. [Название нами утрачено.] // Заря. 1943. № 69. 1 сент.; Рудаков В. Два почерка // Доброволец. 1944. № 76. 20 сент.; Рудаков В. Советская агитация не имеет успеха // За Родину. Берлин. 1944. № 5. 30 нояб.; Рудаков В. Торжество Правды. [Рождество в Берлине] // За Родину. Берлин. 1944. № 11. 21 дек.

38. См.: Равдин Б. Глеб Глинка – утраченный эпизод биографии // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario. Stanford. 2012. Vol. 41. С.307.

МАТЬ МАРИЯ: ХОЖДЕНИЕ ПО ВОДАМ ИЛИ ЖИЗНЬ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В ЖИТИЕ

Есть два способа жить: совершенно законно и почтенно ходить по суше, - мерить, взвешивать, предвидеть. Но можно ходить по водам. Тогда нельзя мерить и предвидеть, а надо только все время верить. Мгновение безверия, - и начинаешь тонуть.

Мать Мария (Скобцова).

Записная книжка, 31 августа 1934 г.

Необходимо ходить по водам. По бережку идти, конечно, верней, но можно до назначения не дойти.

Мать Мария (Скобцова)

Из разговора с Татьяной Манухиной.

В нашем городе родились многие славные и ставшие знаменитыми люди: музыканты, архитекторы, художники, актеры, спортсмены, скульпторы.

Но есть человек, родиной которого была Рига, чья слава не в творчестве, – хотя она была и поэтом, и художником, и философом, и богословом, – а в свидетельстве, в подвиге жертвенной любви, приведшей её к мученической смерти.

Прославленная Богом и Церковью, причисленная к лику святых десять лет тому назад вместе со своими сподвижниками – священномучеником Дмитрием Клепининым, мучеником Георгием (Юрием, её сыном) Скобцовым, мучеником Ильей Фондаминским – преподобномученица Мария известна и почитаема сегодня во многих странах. На разных языках выходят книги о м. Марии: и свидетельства и воспоминания о ней, и статьи и исследования о её художественном творчестве, и переводы ее философско-богословских трудов. Проводятся конференции, посвященные ее памяти и изучению ее духовно-творческого наследия. Пишут иконы святой матери Марии, а в Лондоне, в аллее Вестминстерского аббатства – духовном центре Англиканской Церкви – есть два скульптурных портрета православных монахинь-новомучениц: великой княгини Елизаветы Фёдоровны и матери Марии.

Конечно, больше всего знают о матери Марии во Франции, ибо служение её и подвиг, приведшие к мученической кончине, проходили во Франции, в Париже. И воспоминание о ее пребывании в фашистском концлагере Равенсбрюк, куда м. Мария была депортирована из Франции за то, что в оккупированном Париже спасала евреев, написаны, в основном, француженками.

Все воспоминания, помимо благодарности, несут в себе свидетельства о силе духа, о непоколебимой вере, мужестве и любви этой необыкновенной русской женщины – православной монахини «*mère Marie*», матери Марии. Причем, впечатления от встречи с нею были настолько сильными, что сохранялись на всю жизнь. И буквально до последнего времени продолжали выходить из печати воспоминания знавших м. Марию. Женестьева де Голль (сестра генерала де Голля) тоже была узницей концлагеря Равенсбрюк и знала м. Марию. В своих воспоминаниях она пишет, что необходимо свидетельствовать не только о нацистских преступлениях, но и о таких людях, как мать Мария, православная русская монахиня, погибшая в газовой камере лагеря Равенсбрюк, «благодаря которым (я в этом убеждена) даже в концентрационном мире зло не одержало победу!

Какова была ее жизнь в 27 блоке, все мы хорошо знаем. В этих условиях она еще пишет трогательную икону Божией Матери, которая держит в руках распятого Младенца Христа.

Подле нее мы молились и, порой, пели тихими голосами. В то время, как одна из нас была на страже.

Эти собрания оставили у нас незабываемые впечатления».

«Сидя на своем тюфяке, она устраивала настоящие кружки, и я имела счастье участвовать в них по вечерам, когда возвращалась с работы, – вспоминала другая ее созница Жаклин Пейри. – Это был оазис после страшного дня. Она нам рассказывала про свой общественный опыт во Франции, о том, как она себе представляла примирение между православной и католической церквями. Мы ее спрашивали об истории России, о ее будущем, о коммунизме, о ее встречах в лагере с молодыми советскими девушками-солдатками, которыми она любила себя окружать. Эти дискуссии, о чем бы ни говорилось, являлись для нас выходом из нашего ада. Они помогали нам восстанавливать утраченные душевные силы, они вновь зажигали в нас пламя мысли, едва тлевшее под тяжким гнетом ужаса.

К концу «заседания» мать Мария брала «Настольную книгу христианина», которая уцелела у одной из узниц после обыска, и читала отрывки из Евангелия и Посланий апостолов. Мы сообща толковали их и проводили «медитацию» на основании их; часто мы заканчивали повечерием. Позже этот период нам казался чуть не райским».

Все в лагере было сделано, чтобы довести заключенных до животного состояния перед тем, как предать их смерти. Но эта система не покорила мать Марию и не сломила ее человеческое достоинство. И окружающих она призывала и побуждала думать, чувствовать и понимать. «Где могла и как могла, м. Мария поддерживала в нас еще не совсем потухший огонь человечности, как бы он ни выражался». – Вспоминает узница С. В. Носович.

Мать Мария противостояла злу и тем, что сама не испытывала ненависти к своим мучителям, будучи убежденной в призрачности зла. «Я подозреваю, что ад – здесь, на земле. – Говорила она в лагере. – За рубежом его нет. Зло вечное не может существовать».

Е. А. Новикова, созница м. Марии, после освобождения, встретила с Софией Борисовной Пиленко (мамой м. Марии) и передала ей слова, выученные наизусть по просьбе м. Марии и предназначавшиеся С. Б. Пиленко, митр. Евлогию и духовному отцу – Сергию Булгакову: «Мое состояние сейчас – это то, что у меня полная покорность к страданию, и это то, что должно быть со мною, и что если я умру, в этом я вижу благословение свыше. Самое тяжелое, и о чем я жалею, что я оставила свою престарелую мать одну».

По мнению С. В. Носович, «силу переносить страдание давала м. Марии ее цельность и богатство ее внутреннего мира».

Задолго до лагеря в статье «Рождение в смерти» м. Мария писала: «И мы верим. И вот по силе этой нашей веры мы чувствуем, как смерть перестает быть смертью, как она становится рождением в вечность, как муки земные становятся муками нашего рождения».

К марту 1945 года, как видно из описания Жаклин Пейри, мать Мария «достигла предела человеческих сил. Она всегда лежала в промежутках между переключками. Она больше не говорила, или почти не говорила, а предавалась бесконечному созерцанию. Она уже больше не принадлежала царству живых. Её лицо производило большое впечатление не своей истощенностью, – мы уже привыкли к такому зрелищу, – а напряженным выражением ужасного потаенного

страдания [...]. Смерть уже отметила ее. Однако мать Мария ни на что не жаловалась. Она держала глаза закрытыми и как будто находилась в постоянном молитвенном состоянии. Это был, мне кажется, ее Гефсиманский сад».

В марте заключенные уже не выходили на работу. По словам Жаклин Пейри, от постоянных проверок и «отборов» все находились в страшном нервном напряжении, доводившем многих до сумасшествия. «Мать Мария оставалась молчаливой и спокойной. До сих пор нам удавалось прятать ее в критические моменты от эсэсовцев».

После неожиданных обысков в конце марта три грузовика увезли отобранных в Югендлагерь (филиал Равенсбрюка, в полутора километрах от него). Мать Мария уже не могла ходить, передвигалась только ползком. Была ли она «отобрана» из-за своего физического состояния или встала на место другой «отобранной» своей союзницы, как пишут в некоторых изданиях, – точно сказать нельзя.

Достоверное свидетельство о последних днях м. Марии содержится в письме мадам Ж. Вердье от 4 апреля 1945 года, адресованном Даниилу Скобцову (бывшему мужу м. М. и отцу Юрия Скобцова): «Милостивый государь, я действительно могу вам рассказать о матери Марии, так как прожила рядом с ней много-много месяцев, но, увы, боюсь, вы ее больше никогда не увидите. [...]

В среду перед Пасхой нас построили в шеренги, босиком, и мы должны были маршировать перед каким-то майором. Нас было около 500, 260 – среди которых мать Мария – были отделены, остальные вернулись в свой блок. Эти 260 женщин оставались вместе до следующего дня, когда за ними приехали грузовики. Чтобы увезти их, но куда?.. Это тайна, вселяющая большое опасение, так как все отобранные в тех же условиях уже потом не давали о себе знать. У меня адреса многих из них, я жду конца войны, чтобы постараться что-то узнать, но надежды не имею никакой. [...]

Судя по данным этого письма, м. Мария была «отобрана» в среду, 28 марта и на следующий день, в Великий Четверг, 29 марта увезена, по всей вероятности, прямо в газовую камеру.

Но каковы бы ни были точная дата и обстоятельства гибели м. Марии, узницы номер 19 263 концлагеря Равенсбрюк, следовавшей на Страстной неделе за своим Учителем, – не стоит связывать вопрос мученичества с этими последними часами ее жизни. По размышле-

ниям самой м. Марии, по ее опыту, – мученический подвиг не является единичным событием. Он может быть завершением процесса. Он сам по себе процесс.

*И сны бегут, и правда обнажилась.
Простая. Перекладина креста.
Последний знак последнего листа, –
И книга жизни в вечности закрылась.*

«Во всей религиозной философии последнего столетия никто так внутренне не пережил тайну Голгофы, тайну Гефсиманской ночи, тайну Искупления, тайну сопричастности страданию, как мать Мария». (Прот. Александр Мень, «Мать Мария»).

30 марта 1945 г. у ворот лагеря Равенсбрюк стоял белый «Форд» международного Красного Креста, представители которого прибыли для переговоров об освобождении 300 узниц из Франции. Их не пустили в лагерь, так как комендант был «занят». Вдали уже слышалась артиллерийская канонада наступающей советской армии.

В Пасхальное воскресенье, 1 апреля всем узницам из Франции было приказано явиться 2 апреля на главную площадь лагеря. Приказ относился и к находящимся в Югендлагере. Красному Кресту, наконец, удалось договориться об освобождении французских узниц.

*О, смерть, нет, не тебя я полюбила,
Но самое живое в мире – вечность.
И самое смертельное в нём – жить.*

Мать Мария ушла «в вечность, для радостной жизни» (её слова). Но и земные дни её были пронзены «пламенем вечности», и «сквозь них может просвечивать вечность, если человек не испугается, не убежит сам от себя, не откажется от своей страшной, не только человеческой, но и богочеловеческой судьбы. То есть от своей личной Голгофы, от своего личного крестоношения, вольной волей принятого». («Прозрение в войне»). Мать Мария говорила еще, что проклятие времени и безумие истории можно победить прорывом в вечность, религиозным подвигом. Время – линия горизонтальная, религиозный взлет – вертикальная. Их пересечение образует крест. Крест – освобождение, «легкое бремя»...

*Господь мой, я жизнь принимала,
Любовно и жарко жила.
Любовно я смерть принимаю,
Вот налита чаша до краю,
К ногам Твоим чаша упала.
Я жизнь пред Тобой разлила.*

Мать Мария всю свою жизнь искала вечного измерения бытия. Искренно, бесстрашно, будучи цельным человеком, проходила она жизненный путь, приближаясь к своему «огнепальному концу»... И стихи ее исполнены предчувствием великих страданий и страшного стратотерпческого конца земной жизни.

Есть убедительное свидетельство о пророческом даре, присущем м. Марии с юности. Оно принадлежит Софии Борисовне Пиленко, вот что писала она о дочери: «Лиза с молодости была уверена, что ее ожидают мучения, мытарства, мучительная смерть и сожжение».

*И громче напев погребальный.
И мгла не мертва, не пуста,
И в ней начертанье креста –
Конец мой, конец огнепальный.*

Чтобы попытаться осмыслить конец ее земного пути, – обратимся к его началу.

Лиза Пиленко (будущая м. Мария) родилась 8(21) декабря 1891 г. в Риге, на улице Елизаветинской (тогда, ныне – Elizabetes), в доме № 21, – где в 2012 г. установлена мемориальная доска с барельефом в честь святой матери Марии, – в семье Юрия Дмитриевича Пиленко (1857-1906) и Софии Борисовны Пиленко, урожденной Делоне (1862-1962). 27-го декабря 1891 г. девочка была крещена в Рижском православном кафедральном Христорождественском Соборе. Во время крещения девочка захлебнулась в купели, и ее с трудом вернули к жизни. Крестными Елизаветы стали дедушка Д. В. Пиленко, отставной генерал и знаменитый винодел, и двоюродная бабушка, тётя мамы, Елизавета Александровна Яфимович (урожд. Дмитриева-Мамонова), в прошлом фрейлина великой княгини Елены Павловны в

царствование Александра II; ближайшим другом бабушки был обер-прокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев. Каждую зиму Лиза с братом и мамой подолгу гостили у бабушки, в ее огромной петербургской квартире на Литейном проспекте, где Лиза познакомилась и подружилась с Победоносцевым. Этому посвящен очерк Е. Ю. Скобцовой «Друг моего детства», написанный ею уже в эмиграции, в 1925 году.

27 октября 1893 г. в семье Пиленко родился сын. Младший брат Лизы – Дмитрий также был крещен в Христорождественском Соборе.

Рижское детство Лизы было безоблачным. Она просыпалась от криков извозчиков и звонков конок, пересекавших оживленный перекресток, девочку водили гулять в Стрелковый сад (сейчас парк Кронвальда), а по праздникам Лиза вместе с родителями бывала в Христорождественском Соборе. Позднее семья переехала в дом № 1 на бульваре Престолонаследника (ныне бульвар Райниса).

Юрий Дмитриевич Пиленко – юрист по образованию, служил товарищем прокурора Рижского Окружного суда. Но после смерти своего отца – Д. В. Пиленко – Юрий Дмитриевич выходит в отставку, и в 1895 году вместе с семьей переезжает в Анапу, наследуя имение и виноградники отца. Он продолжил дело отца и за успехи в виноградарстве, в мае 1905 г. Пиленко назначают директором известного Никитского ботанического сада (существующего и по сей день) и директором Училища садоводства и виноделия. Семья переезжает в Ялту, где Лиза окончила 4-й класс гимназии с наградой 2-ой степени. И там же пережила революцию 1905 года.

Можно сказать, что Елизавета Юрьевна разделила все катаклизмы XX века, потрясшие и Россию, и Европу: революции, Первую мировую войну, Гражданскую войну, эмиграцию, Вторую мировую войну.

Но детство Лизы было счастливым временем ее жизни, она росла, окруженная любовью и заботой, атмосфера доверия и доброжелательности между членами семьи оставили глубокий след в характере, в душевном строе Лизы. Общественные и служебные интересы Юрия Дмитриевича, принимаемые им решения были в центре жизни семьи – все обсуждалось, и эта открытость и доступность мира взрослых оказали серьезное влияние на ее формирование. Ю. Д. много времени отдавал обучению и воспитанию молодых, которые относились к нему с любовью.

Через год пребывания на должности директора Никитского ботанического сада Пиленко был переведен на службу в Петербург, в департамент земледелия. Это было время начала столыпинских реформ, близких устремлениям самого Пиленко. Семья переехала в Анапу. Вернувшись из Петербурга, куда он ездил по делам службы, в Анапу, Юрий Дмитриевич скоропостижно умирает в возрасте 49 лет.

В 1906 г. Лиза потеряла двух дорогих для нее людей, – 17 июля умер отец, которого Лиза обожала, а через месяц умерла в Петербурге бабушка, крестная мать Лизы – Елизавета Александровна Яфимович. В жизни Лизы начался как бы новый отсчет. Уже в эмиграции, в 1936 г. в воспоминаниях «Встречи с Блоком» мать Мария так опишет происшедшее тем летом.

«30 лет тому назад, летом 1906 года, в моей жизни произошло огромное событие, благодаря которому я стала взрослым человеком. За плечами было только 14 лет, но события того времени как-то быстро выросли нас. Мы пережили Японскую войну и революцию, мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, – где мы и с кем мы. И впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому – Народ. Единственно, что смущало и мучило, – это необходимость дать ответ на самый важный вопрос: верю ли я в Бога? Есть ли Бог?

И вот, ответ пришел. Пришел с такой трагической неопровержимостью. Я даже и сейчас помню пейзаж этого ответа. Рассвет жаркого летнего дня. Ровное румяное небо. Черные узоры овальных листьев акации. Громкое чириканье воробьев. В комнате плач. Умер мой отец. И мысль простая в голове: «Эта смерть никому не нужна. Она несправедливость. Значит, нет справедливости. А если нет справедливости, то нет и справедливого Бога. Если же нет справедливого Бога, то, значит, и вообще Бога нет».

Никаких сомнений, никаких доводов против такого вывода. Так на рассвете жаркого дня, еще до появления солнца, вместе со смертью моего отца в моей детской душе умерла вера в Бога.

Бедный мир, в котором нет Бога, в котором царствует смерть, бедные люди, бедный народ, бедная революция, которая тоже умирает, бедная я, маленькая девочка, вдруг ставшая взрослой, потому что узнала тайну взрослых, – что Бога нет, и что в мире есть горе, зло и несправедливость.

Так кончилось детство».

После смерти мужа София Борисовна Пиленко с детьми Елизаветой и Дмитрием переехала к своей родне в Санкт-Петербург, и в конце августа 1906 г. Лиза поступила в 5-ый класс гимназии Л. С. Таганцевой. Петербург ее угнетал; пришел конец ее дружбе с К. П. Победоносцевым; после смерти отца и бабушки, вместо любимого юга – промозглый климат, ненавистный «рыжий туман». Лиза частенько пропускала уроки, убегая на пустыри, на городские окраины. В 1933 г. в Париже м. Мария рассказывала своему другу Константину Мочульскому о детстве, юности: «Когда я была девочкой, я убежала из дому и долго, до поздней ночи бродила над морем. У нас в Анапе высокие откосы, густая трава, внизу скалы и прибой. Вы знаете наше черноморское побережье? Как я его люблю! Осенью задует норд-ост, рвет волосы, свистит в ушах. Хорошо! Я и теперь больше всего люблю ветер. Помните у Блока: «Ветер, ветер на всем Божьем свете».

Ну, а потом был Петербург, темные зимние дни, гимназия, тоска. Я писала стихи и мечтала о смерти. В молодости я всегда хотела умереть. После кончины отца я пережила бурный период «богоборчества». А дальше – опять стихи, сборники «Скифские черепки» и «Руфь», поэты, ночные сборища, Башня Вячеслава Иванова, цех поэтов у Гумилёва в Царском, дружба с Блоком. Потом как-то неожиданно вышла замуж. Была эпоха символизма».

В 1909 г. Елизавета Пиленко поступила сначала на юридический факультет, а вскоре перешла на философское отделение историко-филологического факультета высших Бестужевских курсов. Училась она с большой охотой, активно участвовала в семинарах великих философов Семёна Людвиговича Франка и Николая Онуфриевича Лосского (они тоже, как и их студентка, окажутся в эмиграции, высланные из России в 1922 году на «философском» пароходе). Была она также вольнослушательницей Петербургской Духовной Академии (первой из женщин).

Еще будучи гимназисткой, Елизавета была вовлечена в события театральной, литературной и художественной среды Петербурга того времени, посещала выставки «Мира искусства», литературные вечера, сама училась рисунку и живописи, писала стихи. На одном из литературных вечеров юная Лиза увидела кумира тогдашней молодежи, «короля поэтов» – Александра Блока. Восстанавливая во «Встречах с Блоком» (1936 г.) их первую встречу, м. Мария пишет, что

она «оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь, большое внимание, большая, обнаженная зрячая душа.

Через неделю я получаю письмо, конверт необычайный, ярко-синий. [...] В письме есть стихи:

*Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите,
И презираете свою красоту –
Что же? Разве я обижу вас?..
Сколько не говорите о печальном,
Сколько не размышляйте о концах и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе.
Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.*

Письмо говорит о том, что они умирающие, что ему кажется, – я еще не с ними, что я могу еще найти какой-то выход, в природе, в соприкосновении с народом. «Если не поздно, то бегите от нас, умирающих...» Письмо из Ревеля, – уехал гостить к матери. [...]

Это была первая встреча с Блоком, самым удивительным моим современником, – не символистом, нет, – но символом самой удивительной эпохи в жизни моей удивительной страны».

В 1910 г. 18-летняя Лиза «неожиданно» выходит замуж за Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева (1886-1959), и с головой окуна-

ется в водоворот петербургской художественной жизни, стремительно входит в круг литераторов, составивших впоследствии знаменитую плеяду поэтов Серебряного века. Первый же сборник стихов Е. Кузьминой-Караваевой – «Скифские черепки», вышедший в 1912 г. в «Цехе поэтов», делает ее имя известным в литературном мире, ее ставят в один ряд с начинающими Анной Ахматовой и Мариной Цветаевой, и после выхода в свет в 1916 г. второй ее поэтической книги «Руфь», – можно сказать, что Е. Ю. Кузьмина-Караваева проявила себя, как самобытный лирик, со своим неповторимым поэтическим голосом.

К этому моменту Елизавета расходится с Кузьминым-Караваевым и уезжает с дочерью Гаяной в Анапу, и с осени 1917 г. начинается новый этап ее жизни: она становится городской головой Анапы; комиссаром в большевистском правительстве; за связь с террористами ее арестовывает деникинская контрразведка и военно-окружной суд приговаривает Е. Ю. к расстрелу, но благодаря ее удивительному мужеству, разумному поведению, профессиональности адвокатов и выступлению общественных деятелей, писателей, духовенства (подписи в ее защиту собирал Максимилиан Волошин), ее освобождают.

Летом 1919 года, в условиях Гражданской войны, встретились и вскоре повенчались Елизавета Юрьевна и Даниил Ермолаевич Скобцов (1885-1969). Он был активным членом новоучрежденного правительства Кубанского края. Весной 1920 года «Белое движение» на Кубани потерпело полное поражение, и Скобцовы были вынуждены эмигрировать.

Они следовали путем, общим для многих беженцев: из Новороссийска, от восточного берега Чёрного моря на юг, в независимую Грузию; затем на запад, в Константинополь; затем в Белград. Часть пути – до Грузии – была просто подобна кошмару. По дороге, в Тифлисе в 1921 г. родился сын Юра. Дочь Настя родилась в Сербии в 1922 году.

Странствия длились почти три года, и вот с нансеновскими пас-

Е.Ю.Скобцова, 1920 г., перед эмиграцией из России.

портами, в 1923 г. в Париж прибыла семья из шести человек: София Борисовна Пиленко, Елизавета Юрьевна и Даниил Ермолаевич Скобцовы, сын Юра и две дочери – Настя и Гаяна. Однако, прибытие во Францию не означало, что беды их кончились. Они сполна хлебнули всех испытаний: и нищету, и безработицу, и самое страшное – смерть четырехлетней дочери в марте 1926 г. Смерть Насти явилась поворотным моментом в жизни Е. Ю., для нее «вдруг открылись ворота в вечность [...]. Это называется «посетил Господь». Чем? Горем? Больше, чем горем, – вдруг открыл истинную сущность вещей». («Прозрение в войне»).

В 1937 г. после панихиды по умершей в 1936 г. старшей дочери – Гаяне (она в 1935 г уехала в СССР), мать Мария делилась воспоминаниями с Константином Мочульским: «И в каждой полосе моей жизни была такая пронзительная печаль, разная, но всегда печаль. Когда мы приехали во Францию из Сербии, мы страшно нуждались. Жили всей семьей, шесть человек, на 15 франков в день. Я делала куклы, пошуары (трафареты для вышивок – Н. Б.), работала по 10-12 часов в сутки, слепла. Зарабатывала гроши. А когда умерла моя маленькая Настюша, – решение мое уже было принято. И я стала готовиться к постригу. Препятствия были непреодолимые. Но Господь взял за руку и вытащил». Видимо, спасение для матери, потерявшей ребенка, обретение смысла жизни было в служении людям во имя Бога, что и привело ее к решению стать монахиней. Осмысливая происшедшее в ней, Е. Ю. писала: «Мне открылось другое, какое-то особое, широкое-широкое, всеобъемлющее материнство... Я вернулась с кладбища другим человеком, я увидела перед собой новую дорогу и новый смысл жизни...»

Когда Е. Ю. поделилась с близким другом – философом Николаем Бердяевым (1874—1948) – своим стремлением принять монашество, Бердяев сначала был против, опасаясь, что рамки канонического послушания исказят ее свободолюбивую природу. Но он принял выбор пути Е. Ю., когда понял глубину ее призвания «тушить собой мирскую скорбь». Именно Бердяев поддерживал все самые дерзновенные планы м. Марии в основанном ею «Православном деле», все ее сокровенные мысли во всем, что касалось свободы, без которой – как они оба утверждали – христианство может задохнуться, обессилить и потерять свой подлинный облик.

Даря Бердяеву свой сборник «Стихи» (Берлин, 1937), м. Мария

сделала такую надпись: «Дорогому другу Николаю Александровичу Бердяеву. Эта книга – знак завоеванных твердынь – право монахам писать стихи».

В одной из своих статей Бердяев пишет: «Я очень любил мать Марию, хотя иногда жестоко с ней спорил. [...] Мать Мария, с которой меня связывали дружеские отношения, была одной из самых замечательных и разнообразно одаренных русских женщин нашей эпохи. И она очень характерна для эпохи, в которую ей пришлось жить, отражая самые значительные ее течения. Она была новой душой, поновому взволнованной. Она соединяла в себе поэта, революционера и монахиню нового типа».

Митрополит Евлогий (Георгиевский, 1866-1946) и прот. Сергей Булгаков (1871-1944) отнеслись с пониманием к призванию Е. Ю. к «материнскому служению». Митр. Евлогий, согласно канону и с согласия мужа Елизаветы Юрьевны – Д. Е. Скобцова, дал им церковный развод и назначил день для совершения монашеского пострига. 16 марта 1932 г., в храме Сергиевского Подворья при парижском Православном Богословском институте, Елизавета Юрьевна Скобцова отложила мирское одеяние, облеклась в простую белую власяницу, спустилась по темной лестнице с хоров Сергиевского храма и распростерлась крестообразно на полу.

*В рубаху белую одета...
О, внутренний мой человек.
Сейчас еще – Елизавета,
А завтра буду имя рек.*

Белая рубаха-власяница – это «хитон нищеты и нестяжания, и всяких бед и теснот претерпения». Митр. Евлогий совершил постриг Е. Ю. и дал ей имя Мария в честь преподобной Марии Египетской, олицетворяющей в православной традиции образ покаяния. Сестра Иоанна (Рейтлингер, 1891-1988) – тоже духовная дочь о. С. Булгакова, присутствовавшая в церкви во время пострига, вспоминала, что в проповеди, после пострига, митр. Евлогий благословил мать Марию идти вместо пустыни со зверями, бывшей местом подвига Марии Египетской, – в мир к людям, которые, порой, страшнее зверей. Еще он сказал, что местом ее аскезы будет «пустыня человеческих сердец».

Став монахиней, м. Мария служила бездомным, безработным, больным, скатившимся на дно, пропащим. Основала для этого в

Париже организацию «Православное дело»; приют для сирот; бесплатную столовую; создала из гаража церковь во имя Покрова Божией Матери, для которой сама писала иконы, шила облачения для священников. Она умела все: столярничать, плотничать, шить, вышивать, вязать, печатать на машинке, мыть полы, стряпать обед, доить коров, полоть огород. И делала все это из любви к каждому человеку, осуществляя в жизни Евангельскую заповедь о любви к ближнему, – а дальних для нее не было. Мать Мария отдавала душу свою за други своя каждый день, кормя голодных, утешая плачущих, уступая свою постель бездомным. И дворянское происхождение м. Марии, университетское образование, принадлежность к культурной элите дореволюционного Петербурга не были для нее препятствием в понимании, в нахождении общего языка с любым человеком.

А когда началась Вторая мировая война, и Париж был оккупирован фашистами, мать Мария помогала всем, кто был гоним, кто был в смертельной опасности.

16 марта 1932 г. митр. Евлогий, совершив постриг, вручил м. Марии крест со словами: «Прими сестра Мария, щит веры, крест Христов, и помни всегда, как сказал Господь: кто хочет за Мной идти, да отвергнется себя, и возьмет крест свой, и последует за Мной». Эти слова из службы иноческого пострига стали пророческими, определившими крестный путь матери Марии.

Мать Мария (Скобцова) и отец Дмитрий Клепинин удостоены звания Праведников Мира от государства Израиль. Их имена вписаны в мемориале Яд-Вашем в Иерусалиме, где на Аллее Праведников Мира есть деревья-памятники с именами обоих мучеников, посаженные в 1986 г.

В 2003 году в Париже вышел «Словарь праведников Франции», куда включены имена матери Марии (Скобцовой) и о. Дмитрия Клепинина, предисловие к словарю написано президентом Франции Жаком Шираком.

Во время прославления новоканонизированных святых 1-2 мая 2004 г. в Александро-Невском Соборе в Париже в богослужениях участвовали христиане разных конфессий. Архиепископ Парижа, кардинал Жан-Мари Люстиже объявил, что Католическая Церковь тоже будет почитать этих мучеников как святых и покровителей Франции. Они, ставшие живой жертвой любви, преодолели, казалось бы непреодолимые преграды: между евреями и христианами (особенно

Мать Мария, 1938 г., Париж.

после Второй мировой войны), между христианами разных конфессий, между людьми разных национальностей, внутри секулярного, все более отпадающего от Бога мира.

Не всякий город имеет своего ангела-хранителя, а нам, рижанам, выпала незаслуженная привилегия находиться под покровительством святой матери Марии, уроженки Риги.

Людмила Нукневич

«ПАРУС, ПОРВАЛИ ПАРУС!»

Очень субъективные заметки о русском культурном ландшафте Латвии

Обнаружила я в себе наемднн оживший рудимент явно тоталитарного происхождения: тоску по Авторитету. Не подумайте, что по уголовному, хотя и в уголовном мире, говорят, авторитеты повелись, и там теперь тоже живут не по понятиям. Мой воскресший рудимент нарисовал картинку вполне обывательскую: готовлю я себе крепчайший утренний кофе, беру газету, нахожу в ней любезные моему сердцу страницы, на которых пишут не про политику и зверские лики современного житья-бытья, а по ведомству культуры-литературы-искусства, ищу знакомые имена авторов. Читаю. Совсем необязательно с удовольствием и, тем более, не с восторгом, то и дело крою кислую физиономию или даже возмущаюсь. Но – читаю, потому что мнение авторов мне интересно. Хотя бы для того, чтобы подумать от противного.

Причем не о культуре вообще, не где-то там, в Московии или лондонах, а на крошечном на самом деле пяточке, на карте и в умах обозначенном под кодовым названием «Рига».

Рудиментарная моя память предупредительно называет имена когда-то и еще пишущих. Светлой памяти Светланы Ивановны Хаенко, матери родной местных художников, открывшей и благословившей столько выставок художников хороших и разных, сколько и в радужном сне не приснится большинству музейных работников; без ее неспешно-величественной фигуры осиротели рижские улицы и галереи. Кати Борщевой; напиши она хорошее о только что вышедшей книжке, не сомневайся, прочитать стоит. Еще и теперь хулиганит время от времени Гарри Гайлит, уже во вполне зрелые годы из вполне академичного театрального рецензента превратившийся в форменного возмутителя нашего спокойствия и часто пишущий с откровенной целью вызвать огонь на себя: не согласны? спорьте! Народ в ответ чаще безмолвствует. Наташи Морозовой, культуртрегера по определению и призванию, в отличие от Гайлита никогда не дразнившей гусей, но отлично знающей культурную элиту местного разлива и цену ей; ее выбор «героев» – авторитетная подсказка. Следом имя Майи Халтуриной, перекочевавшей в один не прекрасный для нас день в Россию, Сергея Морейно, поэта, переводчика, энциклопедиста

«формата» нового поколения, пребывающего, по слухам, там же, в российской столице, с наездами в Ригу. Другого Сергея – Николаева, едва ли не последнего из могикан, любившего, знавшего и пишущего о латвийском кино. Ну и еще наберется с десятков или больше имен.

Были и коллективные Авторитеты. Гонялись за «Даугавой» времен публикации «Крутого маршрута» Евгении Гинзбург. «Родник», просуществовавший коротко, но внятно и ярко. И еще помню, как в Московском доме кино ко мне подошла маститый уже режиссер Алла Сурикова и спросила, почему в рижском «КИНО» нет рецензии на ее фильм. Отсутствие в журнале рецензии, говорит, хуже, чем самая ругательная рецензия. А ругаться в «КИНО» умели. По-хорошему, не пиная и не оскорбляя никого.

Теперь иных уж нет, а те далече. А те, что остались, бьются, если еще бьются, как рыба об лед в сетях современных издателей, о которых Дмитрий Быков еще в 2001 году написал, что гоняются они наперегонки за самым массовым, самым пошлым и самым уродливым. Парус они порвали, парус, а заодно и кормило.

Петушка хвалит кукуха

Ну что за дела, скажут мне, что за печаль? Зайди в Сеть и читай себе на здоровье о чем угодно, о ком угодно, выстраивай, если так хочется, собственную табель о рангах. И вообще, другое время на дворе, другие страты. Публичное пространство звон как расширилось – до глобального виртуала. Однако, отвечу я, и – скукожилось. До тусовочных размеров, до групп «по интересам», в них свои гуру, идолы, баталии, соперничество. Разбрелся народ по сотам, и те стали похожи на грандиозное лего, отдельные части можно приставлять одну к другой до бесконечности, но никогда они не складываются в общую картину. Дивный, скажете, плюрализм без верноподданнической оглядки на авторитеты? Да нет же, господа хорошие, еще и с какой оглядкой. Просто там, как к буйной нашей радости оговорилась однажды наша школьная литераторша, петушка хвалит кукуха за то, что хвалит он петушку. Или бранит последними словами, локтями пробивая себе дорогу в первые ряды. Так и тусуется каждый в своей ячейке, поскольку за видимыми – в границах республики – пределами «клуба избранных» авторитетов больше нет.

Что до Сети, Великой и Ужасной, ей дела нет до нашей скромной

русскоязычной и русскоговорящей культурной провинции под названием Рига. Ну обратит сетевой рецензент внимание на Гарроса-Евдокимова, выходцев из Риги, либо вспомнит Гениса с Вайлем, что тоже родом отсюда, или сообщит, что рижанин в прошлом Гидон Кремер не брезгает посещать родные края и концертные площадки. Прочие, имя которым, может, и не легион, но с сотню-другую-третью уж точно наберется, внимания обычно не удостоиваются. Сами, ребята, разбирайтесь в своей песочнице.

Тебе нравится Моцарт, мне – попса, и разойдемся с миром

Так скукоживаемся. Впрочем, не без горделивости. «Европейские русские Латвии», придумал кликуху для русскоязычных республики наш общественный деятель Игорь Ватолин. С точки зрения русского языка и смысла, если вдуматься, абракадабра. Есть, надо понимать, в Латвии какие-то другие русские, не европейские, а, скажем, азиатские или, там, китайские, с ними как быть, отсечь за «не того качества»? А питерские, они европейские? А москвичи, те ближе к золотой дремотной Азии?

Хотя многие не против, кому-то сильно нравится, что русские Латвии – это вам никакие не российские русские. Тем более, что одним выстрелом двух зайцев убить можно: и к латышам пристроиться поближе, и самим приятно – европейцы мы, блин! Такое вот строго национальное достоинство.

Что мы имеем в осадке?.. Я тут на досуге пересмотрела в очередной раз, с точки зрения нашего европейства, майско-июньскую программу Дней русской культуры 2014. Брендовое, между прочим, мероприятие, во всяком случае по замыслу – представить срез культуры, так сказать, местного русского разлива. И не без грусти обнаружила явственный отпечаток самодеятельного по преимуществу творчества, а также деяния из серии культпросвета. Не обижайтесь, други. Я с большой симпатией и почтением отношусь к самодеятельному искусству, и шапку долой перед ее энтузиастами. Лучше петь-танцевать, сочинять стихи между делом и декламировать под музыку или так, чем сидеть, вперившись в очередной сериал или в очередное шоу в ящике. Но само-деятельность, она и само-достаточна. И, к чести ее, не карабкается на Олимп, к славе, к «всенародному» признанию. Благодарный зритель и так хлопает в ладоши: ай умницы, ай молодец. Тем более во времена, когда билеты на музыкальный фестиваль Summertime нашей Инесе

Галанте (так во всех рекламных афишах было написано – «Ваша Инесе Галанте») стоили от 50 евро и выше, а цены на «Новую волну» и вовсе зашкаливали.

Post factum наших демократичных по определению Дней русской культуры местная пресса хранила молчание. Как всегда. Попытки оценить, что и как получилось, давно уже, с три, пожалуй, десятилетия, вышли из моды, канули в Лету. Недемократично как-то свое суждение иметь и его, не приведи Господи, навязывать. Тебе нравится Моцарт, мне – попса, и ладушки, разойдемся с миром.

В оставшихся русских газетах, полуживых от бесконечных пертурбаций и Дамокловой угрозы закрытия, рецензии на новые спектакли, книги, выставки, концерты исчезли как класс. В лучшем случае интервью с деятелями культуры, чаще же – вольные переложения пресс-релизов и рекламного сопровождения. Ну и еще афиши выходного дня, о том, куда податься взрослым и детям на склоне недели.

Тем временем моя ретроградная память напоминает, что в любом мало-мальски уважающем себя издании Запада, который мы так трогательно чтим, есть хотя бы колумнисты, со знанием дела и с трепетом по отношению к собственной репутации пишущие о культурных событиях, их качестве, успехе или неуспехе, причинах оных. Авторитетных, словом, критиков и обозревателей.

У нас же в латышской версии Delfi есть раздел «Культура», в русской на его месте – «Развлечения». Симптоматично, однако...

Кстати, о латышском культурном контексте. У латышей по-прежнему есть свои топовые имена в культуре и критиков от культуры. Скажем, о кино без усталости пишут Нормунд Науманис с Дитой Риетумой, есть влиятельные литературные рецензенты, есть Улдис Тиронс с Арнисом Ритумсом и их журнал «Ригас Лайкс», мекка латышских интеллигентов и интеллектуалов. В латышском интернет-сегменте есть «Satori», позиционирующий себя как журнал культуры и размышлений. С относительно недолгим перерывом, но снова выходит журнал «Вестник театра», издаваемый аж с 1989 года. Шесть раз в году появляется журнал «Солнце Музыки» («Mūzikas Saule»), есть журналы «Латвийская архитектура», «Деко», еженедельник «Образование и культура» – все только на латышском. Есть сайт министерства культуры Латвии, на латышском и английском языках. И другие, и так далее.

Словом, в латышской среде с вниманием к культуре и ревнителям

культуры дела обстоят получше. Хотя и там тоже – «тенденция, знаете ли». Примера ради: вместо литературного журнала «Карогс» выходят теперь «Латвю текстс»; по объему они в десять раз меньше и публикуются 4-6 раз в год, а «Карогс» выходил каждый месяц.

Но рядовые латыши даже на русские спектакли ходят и на гуманитарный семинар Сергея Мазура, бывает, захаживают, отдавая тем самым должное уровню происходящего там. Русские же в латышский театр, за редким исключением, ни ногой, обижены, знаете ли, и не интересно нам.

Но об этом уже писано-переписано. Скучно повторять. Я лучше о другом.

Кто за перемену участи?

Жить в Латвии, в Риге затылками, обращенными к «месту жительства», лицом – к России или на запад, по меньшей мере неудобно; шея, глядишь, однажды разболится. Ходить только на гастрольные спектакли, любить «Новую волну», отмечаться на «Балтийской жемчужине», читать «Лилит», «Люблю» и прочие издания с гляцевым налетом никому не возбраняется. Но к состоянию и приращению местного культурного русского слоя это не имеет или почти не имеет отношения. Нужна – не падайте со стула! – газета. На русском языке и исключительно о культуре во всех ее мыслимых ипостасях, притом главным образом на местном гумусе, какой он ни есть. О культуре, вокруг культуры, во имя культуры. Хроника, рецензирование спектаклей, кино, выставок, книжных новинок; освещение не статусных событий, а тех, что остаются за пределами внимания статусной же публики; интервью не столько звезд, сколько, обыкновенных (необыкновенных в наше смутное время!) деятелей культуры, тех, кого покойный Андрей Вознесенский на диво неуклюже для поэта, но точно по смыслу назвал прорабами культуры. Нужен авторитетный взгляд и более или менее надежный компас в этом нерукотворном мире.

Идея газеты не так наивна, как может показаться. Незабвенный Ильич, который много всего сумел натворить, неслучайно придумал свою «Искру» в качестве агитатора и пропагандиста.

Агитировать «за культуру» бесполезно. Газета должна бы работать в режиме капельницы, исподволь, но последовательно привлекая и вовлекая в общий для всех круг культуры, образуя как бы круги по воде

и опосредованно возвращая местным русским чувство собственного достоинства и уважение к самим себе, а значит, и к другим.

Собственно, только в поле культуры возможно действительное единение общины (вы, кстати, замечали, что самыми живучими оказываются общественные организации, заточенные на «культурные мероприятия»? они ДЕЛОМ заняты). Даже странно, что этого до сих пор не поняли наши сколько-нибудь серьезные русские политики, уже сорвавшие голос на призывах к консолидации. В ходу тем временем все больше массовки под девизом «Хлеба и зрелищ». Народ, впрочем, и им рад-радешенек. Из всех, кого я знаю, одна Татьяна Жданок от призывов перешла к делу, создав фонд «Русской школе» и на его базе осуществив издание краткой энциклопедии русской поэзии и другие книжки по культуре и истории. Если вы знаете других, расскажите; глядишь, пригодится.

Газете нужна хорошая команда. Если протрубить сбор, придут лучшие из тех, что есть, и кому обрыдла пресса с желтым или красновато-коричневым налетом. Следом быстро взойдет новое поколение; нынче все в рост идет стремительно. Постоянным авторам нужно платить по-человечески – журналистам ведь тоже надо кушать и семью кормить.

Где деньги взять, вот, как всегда, в чем вопрос. Ничего умнее, чем пример с нашим Памятником свободы, мне пока в голову не пришло. Помните? Его строительство начали на деньги жертвователей. Всем миром, значит, навалились.

Еще, по слухам, вот-вот к нам придут миллионы Ходорковского вкупе с впавшей в России в немилость Галиной Тимченко, бывшим редактором lenta.ru и получившей у нас вид на жительство. Может быть, тогда... Хотя вряд ли; есть-у-меня-другие-интересы, певали некогда в Одессе.

Но у нас есть свои предприниматели и просто люди, не изменившие родству по крови, духу и культуре. Вот если всем Русским миром...

Знаю я, знаю, адова это работа собирать, а не разбрасывать камни. Но иначе всем нам жить под сенью не Памятника Свободы, а Памятника свободЕ, надгробия иными словами. Очень не хочется смириться с переменной буквой и участи.

ИЗ КНИЖНЫХ НОВИНОК ПОСЛЕДНЕГО ГОДА

В конце мая – начале июня 2014 года снова проходили ставшие уже традиционными Дни русской культуры в Латвии. И столь же традиционно, в рамках этого праздника русской культуры, вышел очередной поэтический альманах «Письмена» (составитель: Юрий Касянич). Альманах объемный – 56 авторов! Помимо всего прочего, это означает, что слухи о смерти поэзии все же преувеличены. Конечно, не все в альманахе равноценно. Но так и должно быть: поэзия – дама капризная, к кому-то сразу всей душой, а кому-то ее надо долго завоевывать. В альманахе нашли место поэты разных направлений и объединений: здесь и «Балтийская Гильдия поэтов», и «Союз писателей Латвии», и «Светочь», и МАПП, и «Невгин»... Здесь русские поэты, живущие в Латвии, и живущие в других балтийских странах («Ганзейские берега»), и живущие в России («Родная речь»). В рубрике «Дебют» представлены поэты, впервые публикующиеся в этом альманахе. А есть и авторы, которых можно было бы отнести к разным рубрикам. Так, Юрий Касянич, Милена Макарова, Фаина Осина (СПЛ) могли бы быть представлены и в «Гильдии», а Евгения Ошуркова («Гильдия») – и в «Бардах». Завершает альманах, тоже уже традиционно, рубрика «Осторожное пирожное» – стихи для детей.

Здесь мы найдем и известные имена – это, кроме уже упомянутых, Владлен Дозорцев, Вера Панченко, Николай Гуданец, Сергей Пичугин, Евгений Орлов и другие, и те, что менее на слуху. Можно раскрывать книжку наугад, и обнаружится разноголосица, разноцветная мозаика. Да вот хотя бы, не могу удержаться от цитат. «Перестань поносить времена. Лучше сделай ремонт. / Никогда не бывало никаких этих лучших времен...» – и мы сразу узнаем энергичный и трезвый голос Владлена Дозорцева. Или вот это: «ты скверный читатель природы / листатель бульварных вестей / господь неизвестной породы / заведует кухней твоей» (Евгений Орлов). А вот строки из Юрия Касянич: «девочка в красном кабриолете – / словно клубникой мазнула по лету / волосы рыжей волной пролетели / как у Венеры с холста Боттичелли». Вместе с Миленой Макаровой мы оказываемся в Юрмале: «МАЙОРИ мне чем-то напоминает вождей маори, / Татуированных от висков до солнечного сплетенья. / В Майори – зима, и ледяное море / Так затаило дыхание, что я ощущаю смятение».

Конечно, я процитировал совсем немного. Но стихи и не надо цитировать. Их надо читать.

* * *

В этом году вышел очередной, уже XXXVI альманах «Русский мир и Латвия» (издание общества Seminarium Hortus Humanitatis; редактор: Сергей Мазур). Это ежегодное издание – плод трудов гуманитарного семинара, посвященного истории, архитектуре, образованию, а также русской культуре современной Латвии, а также ее недавнему историческому прошлому. Это серьезное, полезное издание. В наше время, когда так, увы, популярны всяческие домыслы и фантазии, основанные на идеологических и эмоциональных предрассудках, просто необходимы издания, рисующие, исследующие реальную историческую и современную картину конкретной страны и определенного времени.

Настоящее издание посвящено латвийскому школьному образованию, его прошлому и настоящему, его проблемам и перспективам. Эта проблема освещена, например, в двух содержательных статьях Сергея Цоя: «К истории русского образования в межвоенной Латвии» и «Латвийское образование в исторических документах». Но альманах содержит и другие материалы, не менее интересные. Например, очерк Юрия Касянич о рижских современных русских поэтах, в том числе об уже ушедших. Поэты не названы по имени, о них лишь рассказывается, и читатель сам должен догадаться, кто имеется в виду – ведь далее эти поэты представлены своими стихами, посвященными Риге.

А разве не интересно посмотреть на наш город сквозь перспективу времен, на Ригу в фотографиях, начиная с середины 19-го века (из книги проф. Ханса Шрёдера, 1942 г.)? Или фотографии более близкого времени – русские школы 20-х – 30-х годов (из архива Татьяны Фейгмане)? Или фото работ скульптора Виктора Сушкевича – лаконичных и драматических одновременно. Особое внимание я хотел бы обратить на статью-исследование «Планировка и застройка городов Курляндской губернии в начале XIX века», автор: Силвия Озола, магистр архитектуры. Для меня, издавна интересующегося историей архитектуры вообще и в Латвии в частности, в этой работе было много нового и интересного.

Надо сказать и о статье Гарри Гайлита «Энтомологические эскерсисы Бориса Акунина, или почему не надо читать его “Детскую кни-

гу»». Конечно, статью можно было бы назвать и попроще, а уж надо читать или не надо, читатель решает сам, но это не так важно. Важно другое: я вполне согласен со скептическим взглядом Гарри Гайлита на безудержное историческое фэнтези Акунина и подобных ему авторов. Вызывает возражение только одно утверждение автора: мол, либеральная революция 90-х подкосила русскую литературу под корень. И поэтому, дескать, появилась литература вроде акунинской. Ну, будто уж. Будто коммунистический террор ничего не подкосил, а вот тут и литературы не стало, один бульвар. Да, романы Акунина – это, в сущности, современная бульварная литература, чтиво, хоть и с претензией на интеллектуальность. Причем для меня этот термин вполне нейтрален: такая литература была всегда, и она имеет право на существование. Не надо только считать ее серьезной. Кто-то из критиков удачно назвал Бориса Акунина Пикулем для интеллигенции. И в самом деле – «исторические» романы Валентина Пикуля, жившего, между прочим, в Риге, были настоящим бульваром, с неперменной «клубничкой» и пошлостью. И тоже были очень популярны. До всякой «либеральной революции». Причем Акунин выгодно все же отличается от Пикуля – не только интеллектуальным уровнем, но и тем, что не выдает свои фантазии за реальную историю.

* * *

Поскольку мы уже упомянули Гарри Гайлита, то надо сказать о вышедшей в свет его книге «Мальчик на дельфине. Воспоминания и размышления. 1921 – 2010». Вообще-то я уже написал об этих воспоминаниях, именно в вышеназванном альманахе, в статье «У каждого – своя Рига». Поэтому постараюсь не повторяться, а скажу кратко о том, что мне показалось в книге Гайлита интересным, а что – неприемлемым.

Эти воспоминания написаны живо и красочно, мы видим картинки Риги и довоенной, и советского времени, и наших времен. О довоенной Риге автор рассказывает со слов своих родителей. Наша память хранит прошлое именно так, в отрывках, и разумеется, в соответствии с нашим субъективным восприятием. Да, действительно: у каждого – своя Рига. Но и общая – тоже, поэтому для меня так интересно было читать о временах нашей с автором молодости, о богемных кафе, об охоте за книгами.

Но вот с субъективностью автора действительно есть проблемы. Вообще-то Гайлит не скрывает своих политических симпатий и определенной оценки советского периода. Для него это если и не потерянный рай, то все же наиболее приемлемый период, по сравнению с теперешним, который он считает чуть ли не катастрофой. А уж советская «оккупация» для него и вовсе вредный миф, потому он и пишет слово оккупация в кавычках. Таков его субъективный взгляд. Но вот права на искажение исторической фактографии, чтобы она соответствовала его политическим симпатиям, не имеет никто. Например, в немецкую оккупацию в концлагере Кайзервальд были заключены евреи, уцелевшие после уничтожения Рижского гетто, поскольку состояли в рабочих командах. Но и из этих людей немногие выжили. А по автору – там содержались якобы обладатели «творческих профессий», и немцы использовали их «по назначению». Ну, прямо Дом творчества, а не концлагерь. Или ни в какие уже ворота не лезущее сравнение производимых при Ульманисе лесозаготовок с советским лагерным лесоповалом: «разве что срок был коротким», по кокетливому замечанию автора. А что скажут по этому поводу бывшие узники нацистских и советских лагерей или родственники миллионов, там погибших?

И «оккупация» – это все же точный юридический термин, не зависящий от наших эмоций и присутствия или отсутствия ностальгии.

Ладно, читатель, думаю, сам разберется.

Вот еще одно замечание. Мои добрые друзья сказали мне, по прочтении моей рецензии, причем независимо друг от друга (они и вовсе незнакомы), что да, я прав, но это, мол, хорошо из Иерусалима, где я живу, говорить (ну да, Иерусалим, это же такое тихое мирное место), а Гайлит, как и они, пережил бурные события в Латвии, и у него свои эмоции. Вот этого я понять не могу: какая связь между эмоциями и искажением истории.

* * *

В 2014 году, т.е. совсем недавно, в Риге вышел роман: Павел Тюрин, «Legenda о писающем британце». Павел Тюрин – художник, профессор-психолог, активный участник вышеупомянутых семинаров «Русский мир и Латвия». Но этот роман написан в форме сатирического бурлеска с элементами фантастики. Поводом послужило известное происшествие: хулиганская выходка 11 ноября 2006 года британца Ричарда

Локхеда у памятника Свободы. Роман сначала разворачивается в форме блистательной сатиры на так называемое мировое общественное мнение, готовое в любой мерзости и хулиганстве увидеть «протест» и высший смысл, если «протестующие» связывают свое безобразие с «идеологией». А затем уже роман превращается в якобы научные, а на самом деле сатирические фантазии на самые разнообразные темы: археологические, исторические, историософские... Но это, конечно, надо не пересказывать, а читать. Особенно полезно прочесть тем, кто с пылом ринулся не так давно защищать неких отвязных девиц, кощунствовавших в храме Христа Спасителя в Москве. Ну, конечно, у них ведь тоже был «протест», «антипутинский», и некий «высший» смысл – в канканном танце на солее храма.

* * *

Поговорим о серьезных вещах. Вышел очередной альманах ХРИСТИАНОС-XXII. Об этом издании рассказала Наталия Большакова, его бессменный редактор и издатель, в 3-м номере Рижского альманаха. Коротко: ХРИСТИАНОС – это альманах, посвященный проблемам Церкви, богословия, церковной истории, христианского единства и многому другому, что может заинтересовать как верующего христианина, так и человека, всерьез относящегося к христианству как духовному феномену, и к собственному духовному миру. Конечно, для чтения этого альманаха нужна некоторая подготовка, какой-то уровень знаний.

Этот номер целиком посвящен главному таинству Церкви – Евхаристии, тому, как формировался порядок этой службы в процессе церковной истории. Конечно, основа этого таинства – Тайная Вечеря Христа и Его учеников, описанная в Евангелиях. И, разумеется, всякий более или менее осведомленный в этом вопросе человек знает, что основа Евхаристии – пасхальный Седер, порядок следования службы еврейской Пасхи. Но вот в чем мистический смысл этой основы таинства, как оно формировалось в практике Церкви восточной и западной за века – это и является темой данного выпуска альманаха. Статьи на эту тему принадлежат богословам и священникам как православным, так и католическим и древневосточных Церквей, а также историкам христианства.

* * *

Вышел второй сборник стихов Евгении Ошурковой: «Своя игра». Евгения Ошуркова – известный в Риге, Петербурге и Москве бард, на ее концерты всегда приходит много людей, интересующиеся авторской песней и поэзией. Потому что ее песни – это и стихи, да и стихи ее – не обязательно песни.

Здесь читатель найдет стихи-песни и просто стихи разных лет. Внимательный же читатель увидит, посмотрев на даты, что стихи, написанные в разные, часто довольно далеко отстоящие друг от друга года, собраны не по порядку написания, не по годам, а вперемешку. Так книга приобретает еще одно измерение – время. И мы видим, что потеряно, а что приобретено за годы жизни, событий и потрясений личных и иных.

Казалось бы, не изменились темы стихов, всё окружающее поэта: город, рощи, парки, река, трамвайная линия... Да этому, как думалось, и не положено меняться.

*Когда луна в окно грошом сияла медным,
Он представлял, что мир остался неизменным.
От самых юных дней его до самых поздних
Стоят деревья и дома всё в тех же позах.
(«Какая жизнь произошла вдоль этих улиц...»)*

Но вот проходит время, и хотя все вокруг действительно осталось почти прежним, однако жизнь уже другая, а главное – поэт на многое смотрит другими глазами:

*Вот мой трамвай покидает бульвары и парки
И постепенно въезжает в Московский форштадт.
Ах, мы всё те же – ведь кровь еще бьется по жилам,
Ломтик луны, как всегда, соблазнительно спел!
Я еще песни последней своей не сложила,
Ты эту песню еще полюбить не успел.*

(«Жизнь мне всегда улыбалась улыбкой твоею...»)

Что же изменилось? Что утрачено, а что приобретено? Может быть, ушла юношеская романтическая непосредственность, зато появились трезвость и сознание, что в этом прекрасном Божьем мире нам даны дары, и они непреложны, несмотря на все горести и испытания.

* * *

И, наконец, в прошлом году вышел поэтический сборник: Елена Дымарская, «Линии судьбы». Это – третья книга поэта. И хотя вышла она в Петербурге, но автор – поэт Елена Дымарская – рижанка, и Рига для нее всегда была не просто местом, где она жила, а духовным феноменом, и с «гением места» нашего города она была накоротке. К несчастью, в прошлом году она безвременно ушла от нас, и эта книга, составленная еще ею, вышла уже посмертно.

Да, здесь есть стихи и о Риге, и о Литве, и о Петербурге, и о Юрмале, о Латвии. Мир поэта – это мир города, времен года, природы, светлых и горьких воспоминаний и трезвого осознания своей жизни, и того, что «мы делали, что могли». Все это и есть – жизнь, и если на эту жизнь, на наши современные реалии поэт смотрит скептически, во всяком случае, без иллюзий, то и отчаянию не поддается. А то и готов с усмешкой, юмором представить себя и своих друзей в родном городе – туристами: «Экскурсия по городу».

*Давай забудем, что мы дома,
Пойдем по улицам знакомым
(как будто мы здесь в первый раз)...*

.....
*А наша юность, наше детство?
Давно лишённые наследства –
Слепой стихии беспредел –
Когда истории цунами
Прошел над нашими домами,
Они остались не у дел.*

Но и это – не повод для отчаяния:

*В конце концов, еще мы живы,
И город, в общем-то, красивый,
И пиво мы неспешно пьем.*

Да, вот такая ностальгия, без иллюзий, такой стоицизм – могут быть основой истинной поэзии. Это печальная и прекрасная книга.

Сергей Пичугин

«ЗОЛОТЫМИ ОБМОЛВКАМИ, ЯБЕДАМИ...»

Опыт критических сопоставлений

Фаина Осина «Осевки», стихи «HRONOS», Даугавпилс, 2013

Строка названия этой статьи возникла как-то сама собой – «Стихи о неизвестном солдате» О.Мандельштама. Мне она показалась не только стилистически привязанной к текстам Фаины Осинной, но и во многом раскрывающей их природу и общий контекст сборника. Именно «поэтические обмолвки», накапливающиеся по жизни у каждого поэта в его записных книжках, которые порой контекстуально не ложатся ни-ку-да, думаю, и легли в основу книги Осинной. Само же слово «осевки» я встретил впервые. В сноске читаем: «О(б)севок, обойдённое при посеве место на ниве, незасеянная на пашне полоска, по недосмотру, по неудобству ея, или для кражи семян севцем; что орех на пашне».

Вот и ещё одно совпадение: «ворованный воздух». В той же тональности, другая ступень того же лада. Кража у глухого молчания, небытия. Часто – случайная, не укладывающаяся в какую-либо логику и не продиктованная никакой потребностью. В общем, «всё не так, как надо».

Но именно эта, случайная, невесть откуда взявшаяся «добыча» бывает особенно ценна, поскольку – естественна, не надумана, сопряжена случайности поэтического дара. Но при этом остаётся странное, невесть откуда взявшееся чувство вины за несозданное:

*«В отражении глубины
чашу свою уношу горбато...»*

Это – та самая чаша сопричастности глубинному поэтическому инобытию. Это и есть то самое, верное поэтическое хождение кратким путём, которое отличает поэзию от прозы.

При этом поэт никуда не стремится, не выстраивает сюжета, и вообще – как бы топчется на месте. «Затворничество горения» – это она сказала о себе самой, и трудно с этим не согласиться.

И именно по этим причинам-доминантам у неё прекрасно работает природная алхимия и физика превращений, создающая чувство живительных перемен:

*«Толченье воды в ступке
насыщает её озоном.
Тучи сквозных уступок –
молнии, громы...»*

Как чудо, открывается некая протяженность, в которой смыкаются-роднятся струение снежной позёмки, сбежавшее на плите молоко и текущий навстречу путь.

Всё те же хождения «по воде, аки посуху»... Поэтике Осиной чужды красоты и проходные строки, автор стремится неожиданно «ударить под дых», попасть в тщательно (или небрежно) выцеливаемую «десятку»:

*«...Ритуалом монеты –
взгляды бросаю
в небесную Лету...»*

И если – небрежно, то всё же – в тайной надежде на нечаянный успех, простое везение в некой поэтической бесшабашности-безбашенности, где «храбрым» всегда воздаётся по степени их «безумства». Но только так, «чем случайней, тем вернее», и может состояться

*«Вечный праздник – у края.
Среди грязи –
Зов совершенства рая...»*

Палитра состояний и настроений поэта разнообразна. Здесь и горькие прозрения-осознания:

*«Мы играем маленькую пьесу,
что нам дводушный век-повеса? –
торжествует, холодно смеётся
над необратимостью сиротства...»,*

и – бережная ауто-терапия, сжатая до краткости хокку:

*«Не боли же, душенька:
всё хорошо,
хорошо...
Цветок на подоконнике
вырос на вершок...»*

Можно задаться естественным вопросом: а является ли Фаина Осина поэтом Латгальского края? Ведь в её стихах нет (или почти нет) никаких топографических привязок: названий местечек, городов и

улиц. И всё же «ощущение места» есть, и связано оно, в первую очередь, с близким дыханием земли. Поэтому на другом «полюсе поэтических влияний и притяжений» – Иммануил Зиедонис, с его «Поэмой о молоке» и особенно – «Поэмой о хлебе».

*«Всяк любит белого хлеба краюху,
а я люблю осеннее поле пустое,
когда оно стоит тихое и освобождённое...»
Так – у Зиедониса.*

*«Надо б расчутья
Дыханье пашни.
Вечное чудо –
Колосьев башни».
(Ф.Осина)*

«Чувство места» связано также и с философски осознанным, сиротским ощущением жизни русского поэта на окраине – теперь уже Европы, где теряется чувство пути:

*«летать глазами по кустам,
без листьев и – в цвету,
и даже этого окна,
в котором каждый день видна
дорога в пустоту...»*

А что же в книге с «ябедничаньем»? Чаще всего поэта с головой выдают его слабые стихи, в которых он, в сущности, доносит читателю на самого себя.

Случается и так, что благие качества поэта – интуитивность, онтологическая способность благодарно и безоглядно принимать «случайные дары» свыше, при сбоях в способности к оценке этих «даров» оборачиваются значительными издержками. Торопливая спонтанность порой приводит к «головным», сбивчивым образам. Вот пример:

*«Театральную полнит мощь
просиянье кулис-обочин».*

Но ведь обочины – всегда темнее самой дороги, – поросшие бурьяном, лебедой, чертополохом. Траншеи, заброшенные всяческим придорожным хламом, с ручейками сточных вод...

Борис Равдин

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН И ЛАТВИЯ: НАМЕТКИ К ПЕРЕЧНЮ ЗНАКОМЫХ И НЕЗНАКОМЫХ ИМЕН

1944-1974 гг.

История взаимоотношений человека с человеком – важная деталь в попытке представить как человека в его трудах и днях, так и место, время его трудов и дней. Полагаем, что нижеследующий небольшой список, заведомо неполный, – подтверждение этого известного тезиса. И все же, еще раз хочется обратить внимание читателя на то, как зримо в биографических деталях отразилась история СССР, новейшая история Латвии.

Вацietис Оярс (Vacietis Ojars, 1933-1983), латышский поэт, член Союза писателей СССР, один из адресатов солженицынского «Письма IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей» (16 мая 1967 г.); благодаря О.Вацietису, письмо А.С. быстро и достаточно широко стало известно в кругах латышской интеллигенции, и не только. Возможно, имя О.Вацietиса было названо А.И.Формаковым [см. о нем ниже], который, в конце 1950-х гг. находился с О.Вацietисом в кратковременной переписке¹.

Власов Леонид Владимирович (1918, Котельничи, Ивановская обл. – 17.12.2007, Рига), родился в семье железнодорожника, выпускник Одесского института инженеров водного транспорта, призван в первые дни Отечественной войны, по причине слабого зрения числился пригодным к нестроевой службе, войну закончил старшим лейтенантом, после войны продолжал службу в Риге, на Дальнем Востоке, в Ростове. Жена Л.Власова с ребенком во время войны находилась в оккупированной Одессе.

Л.Власов – прототип лейтенанта В.Зотова из рассказа А.С. «Случай на станции Кречетовка», опубликованного в январском номере «Нового мира» за 1963 г.

Случайная встреча А.С. и Л.Власова весной 1944 г. в дальнейшем имела некоторое продолжение. В конце 1950-х гг. Л.Власов разыскал А.С. и навестил его в Рязани. В 1959 г. Л.Власов вышел в отставку в звании подполковника и окончательно поселился в Риге, где работал

инженером в Управлении «Запрыба», ин-те ВНИИМОРГЕО, в АН Латвии, публиковался в рижском журнале «Наука и техника»².

В августе 1962 г. Л. Власов и А.С. совершили велосипедный поход по Латвии и Литве (с заездом к О. Звиедре – см. о ней ниже) на пути А.С. «допытывался, как я могу литовскую девушку отличить от латышки»³, а Л.Власов делился с А.С. своими военными воспоминаниями, отчасти знакомыми А.С. по прежним встречам. По выходе отрывка из «Кречетовки/Кочетовки» в «Правде» (декабрь 1962 г.), А.С. в несколько извинительной интонации писал Л.Власову (не подозревавшему, что эпизод его военной биографии станет материалом для печати): «Дорогой Лёneckка! Я не знаю: то, что произошло – явится ли испытанием нашей с тобой дружбы или укреплением её? <...> ...во мне вдруг с настойчивостью стал биться сюжет, рассказанный тобою. Он представился мне так ярко, и с такой важной очевидностью выступила его моральная сторона, которая тебе, как человеку совестливому, давно представлялась, но во многих спит ещё и сейчас, и надо её разбудить, – что я просто не мог с собой бороться, не мог избрать уже никакую другую тему. В самой редакции [«Нового мира». – Б.Р.] я уже проверил действие этого рассказа на людях старшего и нашего поколения: у всех поголовно герой рассказа Зотов вызывает симпатию и сочувствие. Кроме того, каждый и у себя находит какого-то заглохшего червячка, который всё же шевелится и время от времени тревожит напоминанием». Власов ответил: «Разумеется, у меня нет абсолютно никаких возражений против использования тобой всего, что ты знаешь обо мне и от меня. Могу только радоваться, что моя более чем заурядная персона в какой-то мере способствует расцвету советской литературы. Так что с самого начала твоей художественной деятельности дарую тебе полный „карт-бланш“»⁴. «Через некоторое время, – вспоминал Л.Власов, – Солженицыны посетили Ригу, были гостями моей семьи на новой квартире. Александр Исаевич просил

1. Письмо О.Вацietису от А. Формакова от 21 июня 1958(?) г. см.: «Тов. Арсеньев...» (Публ. Б.Равдина) // Даугава. 2003. № 6. С. 27-28.

2. См., напр.: Страдынь Я., Власов Л. Физик В.Я.Альтберг – ученик П.Н.Лебедева // Наука и техника, 1979. № 10. с.30-33.

3. Власов Л. Встреча на всю жизнь. Русский путь. Рига. 1991. Октябрь. № 2. С.8.

4. Солженицын А. Собр. соч. в 30 т. Т.1. Рассказы и крохотки. М. Время. 2010. С.606.

*Л.В.Власов с семьей и свояченицей. Шуя. 1945 г.
Собрание Г.Л.Золотовой (Власовой).*

присылать интересные сюжеты и оставил для этого чистые листки специального формата⁵. В дальнейшем, судя по воспоминаниям Н.Решетовской «Отлучение» (М. Изд-во МГАЛ «Мир книги». 1994), в отношениях А.С./Л.Власов обнаружилась склонность к затуханию; Н.Решетовская и Л.Власов поддерживали отношения и в дальнейшем. Попытка Л.Власова наладить связь с А.С. после его возвращения на родину, развития не получила.

Переписка Л.Власова с А.С., рижские фотографии А.С. у наследников Л.Власова не сохранились; возможно, эта часть собрания Л.Власова в свое время была передана им Н.Решетовской. См. еще по теме: Власов Л. Мои встречи с А.Солженицыным и Н. Решетовской // Славяне. Москва. 1992. № 2. С. 29-31. О самом Л.Власове, известном велосипедисте-путешественнике, активном борце с алкоголизмом, табакокурением и сквернословием см.: Vambelovska L. Kilometri un gadi vēl priekšā // Сīņa. Rīga. 1986. 25.maijā; Мартынова Л. Встреча с

5. Власов Л. Встреча на всю жизнь. Русский путь. Рига. 1991. Октябрь. № 2. С.8. По рассказу Г.Л.Золотовой (дочери Л.Власова), на новую квартиру (ул. Аглонас, 16-53) Власовы переехали в 1967 г., ранняя рижская встреча Л.Власова с Солженицыными случилась в квартире Л.Власова по ул. Лачплеша, 53-16.

интересным человеком // Русская газета Балтии. 1994. № 10; 2008 г. – 90 лет со дня рождения Власова Леонида Владимировича // Оптималист. Общероссийская газета оптималистов. 2008. Окт. № 10 (<http://optimalist.info/gaz.oct.08.htm>).

Герценберг Перец Меерович (1919, Харьков – 1989, Израиль), по определению А.С. – «свидетель Архипелага»; «сослуживец» А.С. по московской «шарашке»; в «Архипелаге» приводится история П.Герценберга, осужденного, по рассказу А.С., за намерение через Польшу бежать в Палестину. В романе А.С. «В круге первом» в образе Руськи Доронина учтен и реальный П.Герценберг – довоенный выпускник Рижского еврейского ремесленного училища и Рижской вечерней гимназии им. Я.Райниса (экстернат); в 1941 г. – техник-конструктор рижской бригады Первого гос. проектного ин-та Наркомата авиапромышленности (позднее – Гипроавиапром); с началом войны вместе с институтом П.Герценберг был эвакуирован в Саратов. Участник войны (1942-1943 гг.), гвардии сержант – служил в 43-й латышской стрелковой дивизии, переводчиком (немецкий яз.) в Военной академии Генерального штаба; курсант Московского военнотехнического училища. В 1943 г. находился на лечении в госпитале, по выходе из которого, минуя училище, выехал в г. Мары, где находились в эвакуации его родители. В Мары (добровольно?) явился в местный военкомат для постановки на военный учет, был арестован и в октябре 1943 г. Военным трибуналом Марыйского гарнизона Туркменской ССР осужден на 6 лет условно за самовольное оставление части (УК РСФСР, ст. 204-7). В том же году поступил в Московский гос. ун-т, физический факультет (заочное отделение), откуда, в 1944(5?) г. был отчислен, по его словам, за академическую задолженность и вернулся в Ригу, не оставляя попытки при помощи акад. Л.Д.Ландау продолжить учебу. В августе 1946 г. П.Герценберг был арестован за попытку нелегальной эмиграции через Литву под видом гражданина довоенной Польши; на следствии объяснял свое намерение бежать за границу желанием учиться теоретической физике в Кембридже. В феврале 1946 г. Военным трибуналом войск МВД Латвийской ССР П.Герценберг в группе лиц был осужден на 10+5 лет по ст. 58-1а. УК РСФСР. Заключение отбывал в Воркутинских лагерях и в нам уже известной московской «шарашке». В ноябре 1954 г., с применением

зачетов рабочих дней, был освобожден и не позднее начала февраля 1955 г. вернулся в Латвию, где первоначально работал техником в Отделе коммунального хозяйства г. Бауска, откуда происходила семья Герценбергов, затем инженером на одном из рижских заводов; в 1961-1973 гг. – инженером в Институте химии древесины и Институте биологии АН Латв. ССР; причем, судя по характеристике, выданной ему в Ин-те химии древесины 25 нояб. 1973 г. и приложенной к его выездному делу, «несмотря на неоднократные обращения к нему вступить в члены профсоюза, он отказывался и не является членом профсоюза». В начале 1974 г. П.Герценберг из Риги вместе с женой эмигрировал в Израиль. Биография П.Герценберга восстановлена по материалам его судебнo-следственного дела и Дела по выезду П.Герценберга в Израиль⁶.

Звиедре Ольга Юрьевна (Zviedre, Зведре, Зведрис, 1898-1975, Рига), колымчанка; до ареста (1937 г.) – технический работник ВЧК, ЦК РКП(б), советского полпредства в Турции, Латсекции Коминтерна. После освобождения жила в Латвии в районе Кокнесе, на хуторе Эглитес (Eglitēs), с конца 1960-х гг. – в Риге. «Свидетель Архипелага», также собирала для А.Солженицына материалы о революционной эпохе в России. В 1962 г., летом, А.Солженицын посетил О.Звиедре на хуторе. Об этом, в частности, упоминает Н.В.Суровцева-Олицкая в письме к О.Ю.Звиедре от 9 дек. 1962 г.: «Получила твое письмо с адресом Солженицына. <...> Как они приехали на велосипедах, из Риги или из самой Рязани»⁷. В книге Н.Решетовской⁸ находим о Звиедре: «...она должна была стать одним из персонажей его романа⁹. Александр Исаевич хотел назвать ее Вандой, а Ольга Юрьевна не любила этого имени и просила назвать ее как-нибудь иначе».

6. LVA (Гос. архив Латвии). Ф.1986. Ед.хр.379; Personāla dokumentu valsts arhīva (Государственный архив личных документов). Latvija. Ф.3556. Оп. 2. Ед.хр. 25364. Собственноручная анкета в Деле 1974 г. не во всем совпадает с показаниями П.Герценберга 1946 г. См. еще о нем: Штурман Д. Памяти Переца Герценберга (1919-1989) // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1990. 2 февраля. С.7.

7. Б.Р<авдин>. Веха. Один день и тридцать лет Ивана Денисовича // Даугава. 1992. № 6. С.173.

8. Цит. соч. С. 261.

9. О каком романе идет речь?

К-к – общий знакомый А.С. и А. Формакова; судя по контексту письма А.С. к А. Формакову от 14.01.1963 г., К-к, возможно, – житель Латвии.

Коровин Федор Яковлевич (1935–2012, Рига), инженер, собиратель книг; в 1974 – 1976 гг. – политзаключенный (распространение сам-издата). В 1963 г. ездил к А.Солженицыну в Рязань выразить свое внимание и почтение.

Кравченко Константин Иосифович – см. о нем при справке о Фельдман-Кравченко Н.К.

Либталс Карлис (Libtāls Kārlis, 1879–1969), отец Н.К.Фельдман(е)-Кравченко (см. ниже), государственный чиновник, политический деятель, член Учредительного собрания Латвии (1920-1922 гг.), сельскохозяйственный предприниматель. Летом 1962 г. Солженицыны останавливались в доме Н.К.Фельдман-Кравченко; по ее воспоминаниям, отец посвящал А.С. в историю межвоенной Латвии.

Липшиц Самуил Адольфович (род. 1904, Вильнюс), «свидетель Архипелага»; в 1921 г. окончил среднюю школу в Риге, выпускник Высшей технической школы в Карлсруэ, где учился в 1922-1928 гг.; позднее – инженер Наркомата связи СССР, доцент Московской инженерно-технической академии связи. Арестован 1 января 1935 г. (ст. 58 – пять лет, Ухто-Печерские лагеря), повторный арест – 1943 г. (та же статья – 10 лет), Соликамские лагеря, Спасск, Экибастуз, ссылка. В 1955 г. реабилитирован по делу 1943 г., в 1957 г. – по делу 1935 г. С 1958 г. С.Липшиц жил в Риге (ул. Горького, 52-7, где его посетил А.С.), руководитель группы в и-те «Латгипропром», в 1964 г. – вышел на пенсию.

Ниже, в нашей рижской записи 1977(79?) г., незадолго до эмиграции А.Липшица, фрагмент его воспоминаний, связанный с Экибастузским лагерем, в котором находился и А.С.

«Года через полтора после моего пребывания в Спасске¹⁰ в конце лета 1950 г., большую группу з/к (в основном, 58, блатных не брали) этапировали в Экибастуз (120 км. от Павлодара). Здесь были обнаружены большие запасы угля, в связи с чем было решено неподалеку от месторождения построить город – открыть спецлаг – резервуар рабочей силы. Было образовано Управление строительства Экибастуза, для которого спецлаг по разнарядке ежедневно постав-

лял рабочую силу. В лагере около 5 000 з/к. Начальником лагеря был майор Максименко, ничего особенно плохого о нем сказать нельзя. Значительно вреднее была его жена, начальник лагерной больницы, еврейка. Среди свирепствовавших помню капитана Ткач'а, по слухам, известного партизана военных лет. Разрешали два письма в год, но и те не всегда доходили по назначению. Как-то раз несколько з/к были разнаряжены на ремонт вохровской караулки, и там, в давно не топленной печи, они обнаружили около двухсот неотправленных писем. Никаких денег за работу в спецлаге не платили, любые вещи с воли были запрещены, в должностные лица з/к не назначались. При выходе колонны з/к из лагеря на работу – перед воротами лагеря – на земле – пулеметчики. Карцер – 2 кв. метра, без окон, не отапливаем, на стене откидная деревянная койка, теплых вещей брать с собой нельзя, в день 300 гр. хлеба, кружка теплой воды.

Когда я прибыл в лагерь, меня поместили в один из бараков, где моим соседом оказался Солженицын. Ничем он не выделялся, никогда не высказывался, интересовался судьбами лагерников, внимательно слушал. Какое-то время я работал в лагере рентгенологом, помню, что-то у него было с зубами, делал ему рентген зуба.

Впоследствии мы обменялись с ним несколькими письмами, в начале 1960-х встречались в Риге, он подарил мне малоформатного «Ивана Денисовича», надписал.

Поразительно, до чего точно и подробно описан им в «Иване Денисовиче» и лагерь в Экибастузе, и люди. Почти у каждого есть прототип. Тот же капитан Ткач, в повести – начальник режима лейтенант Волковой (об этом мне говорил А.С., да и сам я это понимал).

В Экибастузе было довольно много бандеровцев. С их прибытием в лагере начались расправы со стукачам и лицами, близкими начальству или находившимися на хороших должностях. На многих людей, типа хлеборезов, каптеров и т.д., у бандеровцев не было никаких фактов, говорящих об их стукачестве, но предполагалось, что хорошая должность зря не дается. Составлялись списки подлежащих уничтожению, проводились акции. В лагере это было сделать доволь-

но сложно, пронести ножи в лагерь было трудно. Убивали, как правило, вне лагеря, на работах.

В Экибастузе при больнице было четыре корпуса для больных открытой формой туберкулеза. Заведовал этим отделением доктор Корнфельд, евангелист, прекрасный человек, всегда бескорыстно помогавший всем. Надзиратели опасались заходить в бараки для туберкулезников, проверка обычно проходила через окна или двери. Этим воспользовались бандеровцы. В одном из бараков находился штаб бандеровцев. Доктор Корнфельд знал об этом. Опасаясь разоблачения с его стороны, хотя даже малейших поползновений в эту сторону доктор не делал, бандеровцы убили его – размозжили голову молотком. Было это, если не ошибаюсь, в начале 1952 г.¹¹. Я был дружен с доктором и меня, как выяснилось впоследствии, ждала подобная участь».

По выходе «Одного дня Ивана Денисовича» С.Липшиц из Риги писал А.С. 2 декабря 1962 г.:

«Уважаемый Александр Исаевич!

<...> Ведь это тот самый 9-й барак, в котором мы с Вами жили. И санчасть – наша. И начальник режима – это наш. И комендант барака (урка без одного пальца на руке) – это тоже наш, я даже помню его фамилию – Батурин...

Не скажу, чтобы мне доставило много радости освежение в памяти всей этой позорной действительности. Но в Вашем художественном изображении все это стало красочней и живей. Правда, мне кажется, что написанная Вами повесть чересчур эпична. Хотелось бы больше злости и взволнованности»¹².

В 1977 г. С.Липшиц выехал во временную поездку в США, в гости к брату – врачу одной из нью-йоркских больниц – Якову Адольфовичу Липшицу, он же – Jack L. Linden¹³. Судя по отсутствию в Гос. архиве личных документов дела о выезде С.Липшица на ПМЖ (постоянное место жительства) за границу, вероятно, из гостевой поездки к брату С.Липшиц не вернулся. Во всяком случае, факт его эмиграции несомненен.

11. Доктор Б.А.(Б.Н.) Корнфельд – фигура в мемуарной литературе известная; существует несколько версий его гибели. О д-ре Б.Корнфельде см., напр., в книге А.С. «Архипелаг Гулаг».

12. «Дорогой Иван Денисович!» Письма читателей. 1962-1964. М. Русский путь. 2012. С.154-155.

10. Воспоминания С.Липшица о лагере инвалидов в Спасске воспроизведены – в нашей записи – в сборнике «Минувшее». (Paris. Atheneum. 1989. T. 7. С. 155-157).

Наумовы – дальние родственники Н. А. Решетовской: Иван Иванович (1915-2005), его жена – Нина Николаевна (1916-2005), сын Владимир (1943 г.р.) и невестка, актриса Рижского театра русской драмы Евгения Николаевна Солдатова-Наумова (1938 г. р.).

Ниже запись нашей беседы с В.Наумовым и Е.Солдатовой

Б.Р. Расскажите, пожалуйста, что известно о пребывании А.Солженицына в Риге, о Вашем знакомстве с А.И. и Натальей Алексеевной.

В.Н. Мы жили в Риге на улице Суворова, 70-3, квартира коммунальная, соседи – одна семья, в Риге мы живем с 1950 г. Мой отец – начальник Квартирно-эксплуатационного Управления Прибалтийского военного округа, полковник; именно по линии отца – родственная связь с Натальей Алексеевной. Летом 1962 г. или 1963 г. у нас на пару дней останавливались Солженицыны. Отец тогда еще служил. О пребывании Солженицыных на Суворова почти ничего не помню, разве что – Н.Решетовская что-то играла на пианино; А.И., выходя на улицу, как-то внимательно оглядывался по сторонам. Приехали они с рюкзаками, без обычных чемоданов, – это было несколько удивительно. Мы с А.И. говорили о биофизике (я окончил биофак Латвийского ун-та), в которой он, к моему удивлению, выказал неожиданную компетентность.

Куда ездили, с кем общались, – не знаю. Не исключено, что в Риге он виделся с Перцем Герценбергом, его бывшим товарищем по «шарашке». Сам я с Перцем познакомился позднее, на рубеже 70-х гг., в Москве, в Чапаевском переулке, где жила Вероника Туркина, двоюродная сестра Натальи Алексеевны. В Риге Перец с женой Татьяной – преподавала в университете на инязе – жили где-то в Межапарке¹⁴. Году в 1970-71 Перец принес мне машинописный экземпляр «Архипелага Гулаг», может, не весь, а какую-то часть, я его переснял, катушек десять, негативы отдал Перцу; как-то потом распечатал для себя, трем-четырем знакомым давал читать, помню – Тане Рожковой из «Военпроекта», Володе Бобошко, Илану Полоцку из «Советской молодежи»... Когда А.И. выслали, я все уничтожил.

Е.С. Летом 1966 г. наш Рижский театр русской драмы отправлялся

13. См.: Дело <..> по временному выезду в <...> США <...> Липшица С.А. [1977 г. // Personāla dokumentu valsts arhīva. Ф.3556. Оп. 2. Ед.хр. 1832.

14. Ул. Бернударза, 2-3.

на гастроли, в т.ч. и в Рязань, где жили Солженицыны. В Риге меня попросили передать в Рязань машинопись «Ракового корпуса», с чьей-то правкой, думаю, авторской. Рукопись мне выдала Надежда Карловна Фельдман-Кравченко [см. о ней ниже], сопроводив передачу какими-то конспиративными наставлениями. «Корпус» я давала читать нашему театральному художнику Ю. Феоктистову, актеру Б.Тихову, еще кое-кому из театра. Рукопись я отвезла, тогда и познакомилась с Натальей Алексеевной, ее мамой и тетушкой. А.И. в доме не было. Обедали, говорили и о гастролях нашего театра. Я сказала, что у нас хороший спектакль – «Егор Булычев и другие», с гениальным Сергеем Васильевым в постановке А.Каца. В какой-то момент Наталья Алексеевна включила магнитофон с записью чтения А.И. не то какой-то его пьесы, не то прозы. Читал он очень выразительно, но меня удивил его голос, неожиданно высокий.

Солженицыны пришли на «Булычева», билеты купили сами, сидели в ложе, в театре никто не знал, что они в зале, я их видела со сцены. Не знаю, понравился ли А.И. спектакль?

Потом, тем же летом 1966 г., мельком видела А.И. в Москве, в доме у Вероники, в Чапаевском. Он пришел для меня неожиданно, я представилась как жена Володи, с которым А.И. был знаком.

В.Н. Еще Солженицыны приезжали в Ригу в 1967 г., на «Денисике», «Москвиче», купленным на гонорары от зарубежных изданий «Одного дня Ивана Денисовича». Жили они у нас несколько дней на даче в Лиелупе, дача служебная, отцовская.

Е.С. За рулем машины я видела только Наталью Алексеевну. А дачка была на улица Крузес, 7/9, домик этот позднее в Юрмале снесли. Есть рисунок домика. А.И. в Лиелупе работал, на участке у нас стояла скамейка, сидя на ней и работал. Тогда же к А.И. в Лиелупе приходили Жорес Медведев и Копелев.

В.Н. Что-то я не помню, чтоб они приходили...Потом, правда, Медведев как-то приезжал к нам в Лиелупе, году в 1972, через него мы прочли «Август четырнадцатого» в имковском издании, он нам его дал на срок своего пребывания на Взморье.

Е.С. Приходили-приходили! А еще был небольшой любительский фильм, на 8-миллимитровой пленке, где А.И. снят у нас в Лиелупе. Снимали Володя и отец.

В.Н. Фильмик минут на15, там, на этой пленке, были еще какие-то

сюжеты, кроме А.И. и Натальи Алексеевны.

Е.С. Помню кадр – А.И. в майке, на голове носовой платок с узелками – жарко, сидят они с Иваном Ивановичем на речных мостках, между ними автомобильная камера, – и внимательно так прислушиваются – это они проверяют, не травит ли камера?

В.Н. Наталья Алексеевна как-то в разговоре по телефону просила передать ей этот фильм. Когда А.И. вернулся из Вермонта в Москву, мы через Веронику передали эту пленку Наталье Дмитриевне. Жаль, не сделали копии...

Рига. Август 2014.

Пульс. В первых изданиях «Одного дня Ивана Денисовича» (Новый мир. 1962. № 11, два отдельных издания 1963 г.) в трудовые напарники главному герою был дан персонаж по имени Иоганн Кильгас – «краснолицый упитанный латыш», «Кильгас хотя и латыш, но русский знает, как родной, – у них рядом деревня была старообрядческая, сыздетства и научился. А в лагерях Кильгас только два года, но уже все понимает: не выкусишь – не выпросишь. Зовут Кильгаса Иоганн, Шухов тоже зовет его Ваня», «Кильгас без шутки слова не знает. За то его вся бригада любит. А уж латыши со всего лагеря его почитают как! Ну, правда, питается Кильгас нормально, две посылки каждый месяц, румяный, как и не в лагере он вовсе. Будешь шутить», «Самому-то Кильгасу двадцать пять дали. Это полоса была раньше такая счастливая: всем под гребенку десять давали. А с сорок девятого такая полоса пошла – всем по двадцать пять, невзирая». И т.д.

Всего фамилия «Кильгас» представлена в тексте повести более пятидесяти раз, запоминается. Имя Кильгаса – Иоганн, отчасти данное для удобства перевода Иоганна в Иваны, в повести встречается однажды.

В позднейших изданиях «Ивана Денисовича» Иоганн Кильгас неожиданно был переименован в Яна Кильдигса. Объяснение этой метаморфозе находим в письме А.С. – А.И.Формакову от 26.2.63:

«Я очень досаду: какое затмение на меня нашло, что я написал Иоганн вместо Янис! Мне уже написали об этом – из Прибалтики, я хлопнул по лбу. Сыграло роль то, что я писал-то не для печати; а для себя, и ответственности в таких деталях как-то не хватило. А когда готовил рукопись к печати, то хватало забот других.

Также и истинную фамилию этого латыша «Пульс» я по памяти

сменил на «Кильгас» – такая фамилия в лагере была, но я считал ее латышской.

Очень досадно – и непоправимо (пошло гулять по свету во всех переводах!)».

Как видим, позднее А.С. все же решил внести поправки в именной «Ивана Денисовича». Ему, столь внимательно относившемуся к любым этническим деталям, видимо, было трудно свыкнуться с допущенной погрешностью, существенно повреждавшей этническую ткань повествования на ее эстонско-латышском срезе, важном для А.С. Без поправок все же было не обойтись. Так, вместо несвойственного латышскому ономастикону – Иоганн появилось допустимое в обиходе – Ян, а вместо эстонской фамилии «Кильгас» возникла редкая в латышском словаре фамилия «Кильдигс», вероятно, подсказанная кем-то из знатоков латышского языка. Во имя этого превращения пришлось пожертвовать и несоответствием значения этой фамилии (Kildigs – сварливый, вздорный) характеру носителя этой фамилии в повести – весьма покладистому, веселому и дружелюбному человеку.

Если следовать повести «Один день Ивана Денисовича», события которой можно приурочить к зиме 1951/1952 гг., то прототипом Кильгаса/Кильдигса следует считать Юрия Пульса, арестованного в 1949 г., на момент его пребывания в Экибастузском лагере (6-м лаготделении Песчанлага) отбывшего нужный нам для атрибуции двухлетний срок заключения из отмеренных ему двадцати пяти, тождественных срокам Кильгаса/Кильдигса.

Судя по материалам архива КГБ ЛССР, Пульс Юрий (Puļs Juris, Juris)¹⁵ латыш, 1907 г.р., уроженец и житель деревни Стаупино (Staupine) Михайловской (Мердзенской) вол., Люцинского (Лудзенского) уезда, поблизости, кстати говоря, расположены и старообрядческие села, о которых речь в «Одном дне Ивана Денисовича». Мать – Таисия, жена – Анна Егоровна, ур. Кудрявцева. Образование – 6-классная школа, специальность – столяр. Место работы перед арестом – бригадир Уездтопа на лесозаготовках Мердзенского лесничества. Судя по анкете арестованного: группа роста 165-170 см., волосы темно-русые, лицо

15. В судебно-следственном деле: Пуль Юрий Дементьевич, в анкете арестованного – Доменикович; в деле – специальное определение: «Пуль Юрий по отчеству считать Дементьевичем, а не Домениковичем»; в свидетельстве о смерти – Юрий Дмитриевич.

треугольное, уши круглые и т. д. Арестован 10 нояб. 1949 г. по основному обвинению в том, что в 1942-1944 г., служил во вспомогательной полиции: находился на охране бывшей советской границы – кордон Ченчево Мердзенской волости, первоначально – рядовым, в мае-июле 1944 г. – сержантом, начальником кордона. Военным трибуналом войск МВД Латвийской ССР 2.02.1950 г. осужден по ст. 58-1 на 25 + 5¹⁶ лет. На судебном «процессе» подсудимый от переводчика отказался, заявив: «...русским языком владею, в переводчике не нуждаюсь». При пересмотре дела приговор оставлен в силе и, согласно извещению от 9 авг. 1950 г. начальника тюрьмы № 1 МВД ЛССР в адрес начальника отдела «А» МГБ ЛССР: «Осужденный Пуль Юрий Дементьевич, 1907, 1.VIII 1950 отправлен в Степной лаг<ерь>, ст<анция> Экибастуз, Павлодар»¹⁷ – т.е. именно туда, где и развиваются события «Одного дня Ивана Денисовича».

28 ноября 1955 г., на основании указа «Об амнистии» от 17 сент. 1955 г., Ю.Пульс был освобожден со снятием судимости и поражения в правах. После освобождения вернулся на прежнее место жительства, работал в различных организациях Лудзенского р-на, в 1977 г. вышел на пенсию.

В судебно-следственном деле Ю.Пульса отложились два его прошения 1983 г. о реабилитации, в коей ему было отказано.

Скончался Ю.Пульс 10 января 1984 г. там же, где родился – Мердзенский сельсовет Лудзенского района.

Солдатова Е.Н. – см.: Наумовы.

Фельдман(е)-Кравченко Надежда Карловна (ур. Lībtāle, 1915 – 2003, Рига), в 1930-х гг. – участница Латвийского отделения Русского студенческого христианского движения, (именовавшегося в Латвии Русским студенческим православным Единением), филолог, историк театра, мемуарист; подруга Н.А.Решетовской по общежитию Московского университета конца 1940-х гг.; ее муж, Константин Иоси-

16. См.: Пуль Ю.Д. Судебно-следственное дело // LVA. (Гос. архив Латвии.) Ф.1986. Ед.хр. 3149.

17. Пуль Ю.Д. Наблюдательное дело // Там же. Ф. 1986. Ед.хр. 3149, О Пульсе Ю.Д. см. еще: No NKVD līdz KGB Politiskās prāvas Latvijā 1940-1986. [От НКВД до КГБ. Политические процессы в Латвии 1940-1986.] Rīga. Latvijas vēstures institūta argāds. 1999. С.609. Здесь же учтено несколько однофамильцев Ю.Пульса.

фович Кравченко (1918-1973), – участник Псковской православной миссии, действовавшей на оккупированной Псковщине и соседних территориях в 1941-1944 гг., позднее – репрессированный. Кравченки познакомилась с А.С. в 1959 г. в Москве. О совместном путешествии летом 1961 г. Н.Фельдман-Кравченко рассказала в своих воспоминаниях «По озеру Селигер с А.И.Солженицыным»¹⁸. На следующий год, летом 1962 г., Солженицыны, в отсутствие Кравченков, останавливались у них дома на ул. Гану, 6-29. Ригу в фотографиях А.С. этого года см. при указанных выше воспоминаниях Н.К.Фельдман-Кравченко. Судя по ее воспоминаниям, последний раз А.С. был в Риге в 1965 г., в действительности, зафиксирован, по меньшей мере, еще один его заезд в Ригу, в 1967. О Фельдман-Кравченко и К.И.Кравченке см.: (<http://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-liebtahl.html>) и (<http://kuz3.pstbi.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu8s80WtuKhfecUWeuhsS8UfS8cfG06f4ct8uWeCQ>). Открытки А.С. – Кравченкам, с характерными и подробными инструкциями относительно предстоящего похода на Селигер, еще в 1990-х гг. хранились у адресата, позднее – ушли из дома, скорее всего, были переданы одному из рижских коллекционеров. Среди причин продажи не исключено сложное материальное положение Н.К.Фельдман-Кравченко.

Формаков Арсений Иванович – см. ниже.

Шноре Мильда Эмильевна (Эмиловна; Šnore Milda Erika, 1930 – 1.08.2008, Москва), переводчик, мемуарист, консультант национальной комиссии Союза писателей СССР. Семья М.Шноре жила на хуторе Уки (Ūķi), на берегу Рижского залива, в районе Салацгривы. Здесь, в доме родителей, трагически погибших в 1944 г. при вступлении Красной армии на территорию Латвии, М.Шноре со своим мужем, писателем Борисом Можаяевым, время от времени, начиная с 1963 г., селились на отдых. Тогда же, в 1963 г., на хуторе их навестили Солженицыны: «Были мы с женой в Риге, – писал А.С. в очерке памяти Б.Можаяева, – побывали и у них. Морские волны гудели рядом. Вся молодость Бориса прошла при Дальневосточном флоте, он имел образование

18. Даугава. 1996. № 4. С. 108-124. Один экземпляр журнала с воспоминаниями, по просьбе Н.Фельдман-Кравченко, был тогда же послан нами в фонд А.Солженицына (для передачи А.Солженицыну), другой – передан Н.Решетовской.

военно-морского инженера-строителя. Теперь в Уки, на берегу моря, длинные ноги расставив, стоял он очень уверенно – а всё ж и море было не то, и карьера морская упущена, и уже втянули его в себя и звали во все родные края полевые просторы России»¹⁹.

М.Э. Шноре скончалась в Москве, похоронена неподалеку от родного хутора, на Лиепупском кладбище.

Формаков Арсений Иванович (1900-1983, Рига) – общественный деятель, член правления о-ва «Сокол», педагог, мемуарист, автор романов и сборников стихов. В 1930-х гг. соредатор, редактор, соиздатель газеты «Двинский голос» («Наш Двинский голос», «Наш Даугавпилсский голос»). Активно печатался в русской печати Латвии, в т.ч. старообрядческой; в 1930-х гг. журнал «Числа» (Париж) опубликовал несколько его путевых очерков.

Имя А.И.Формакова упоминается А.С. среди «свидетелей Гулага», на него же А.С. прямо ссылается с первых изданий книги «Архипелаг Гулаг».

Впервые А.Формаков был арестован 30 июля 1940 г., практически, в первой партии арестованных после аннексии Латвии в июне 1940 г. По ст. 58 осужден на восемь лет за «содействие в борьбе с революционным движением» (Краслаг). В 1945 г. на Канском отдельном лагерном пункте и позднее А.Формаков находился под сильным давлением разного рода служб. В конце 1947 г. по рабочим зачетам был досрочно освобожден; в 1949 г. повторный арест – по той же статье – 10 лет (Озерлаг и др.; по делу 1949 г. реабилитирован). В 1949 г. А.Формаков был осужден и за хранение антисоветской литературы, в данном случае – собственных книг довоенного издания («Фаина», «Наша юность»). По амнистии 1955 г. А.Формаков вернулся в Ригу, занимался журналистикой, переводами с латышского, литературно-музыкальными передачами на радио. Печатался в рижских изданиях, (обычно под псевдонимом), изредка, по разным поводам, в центральных журналах и газетах: «Дружба народов», «Звезда», «Октябрь», «Литературная газета», «Крокодил», «Музыкальная жизнь», «Молодежная эстрада». Интерес представляет

19. Солженицын А. С Борисом Можаяевым // Литературная газета. 1997. 26 февраля. О роде Шноре, потомственных моряках, упоминании о посещении А.С. хутора Уки см.: Ozoliņa G. Salacgrīvas burinieki šķērsoja Atlantiju // Diēna. Rīga. 1998. 12. jūnijs. См. еще воспоминания М. Шноре «На хуторе Уки» (Дружба народов. 2000. № 10. С.198-215).

лагерная переписка А.Формакова с женой и детьми (около 200 писем за 1940-е – начало 1950-х гг.). Неопубликованной осталась автобиографическая повесть «Былое», построенная на материалах его первого заключения. Судя по некоторым сюжетным деталям, м.б. в повести учтён опыт «Одного дня Ивана Денисовича». В повести, в частности, речь идет о патриотических настроениях в лагере в годы войны. Ср. в «Архипелаге»: «Арсений Формаков, человек почтенный и темперамента уравновешенного, рассказывает, что лагерь их был увлечен работой для фронта; он собирался это и описать».

А.Формаков и А.С. познакомились в Куйбышевской пересыльной тюрьме в середине 1950-го г. Знакомство возобновилось не позднее начала 1960-х гг., в той или иной степени отношения сохранялись до середины 1960-х гг. Сведения о более поздних контактах А.Формакова с А.С. у нас отсутствуют. Отношения с Н.А.Решетовской, судя по рассказу дочери А.Формакова, продолжались и позднее.

Ниже публикуются известные нам письма А.С. – А.Формакову за 1962-1965 гг.; все они адресованы на рижский адрес А.Формакова: ул. Ерсикас, 43-1 (дом снесен). Письма приводятся по ксерокопиям, хранящимся в: Hoover Institution Archives, A. Formakov Papers, Box 1. Оригиналы писем в свое время хранились в Даугавпилсе, в «Доме Каллистратова», в настоящее время место их нахождения неизвестно.

Примечания к письмам касаются только латвийских реалий. В письмах А.С., в частности, упоминается жена А.Формакова – Анна Заказнава, педагог-дефектолог (1911-1985); сын Дмитрий (1935-1951), студент; дочь - Евгения (1940–2013), врач-эпидемиолог.

История взаимоотношений А.С. с А.Формаковым неполна без ответных писем А.Формакова. Не исключено, что письма эти в той или иной степени сохранились.

См. по теме: Формаков А.И. Судебно-следственное дело. (ГА Латвии. Ф. 1986. Ед. хр. 1545; Формаков А. И. (1900-1983). Биография (по воспоминаниям дочери Е. Формаковой), публ., вступ. ст. и коммент. Э.Б.Мекша // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. VII. Вильнюс. 2002. С. 350-360; Ф.П.Федоров. О русском сознании Латгалии (постановка вопроса). Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М. Языки славянской культуры. 2004. С.95-96; Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 г. Библиографический справочник. Ч.IV. Stanford. 1991. С.242-251;

материалы к биографии и творчеству А.Формакова см. еще на сайте Нац. б-ки Латвии: (https://lira.lanet.lv/F/K1KGCCQPF9E1KQ5E5NVJN1Q1DS193748Q1TQH7CU9CF4QISPUKI-32747?func=find-b&request=%D0%A4%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2&find_code=WRD&adjacent=N&filter_code_1=WLN&filter_request_1=&filter_code_2=WYR&filter_request_2=&filter_code_3=WYR&filter_request_3=&filter_code_4=WNL&filter_request_4=&x=44&y=5).

**Письма А.И. Солженицына и Н.А. Решетовской
А.И.Формакову. 1963 – 1965, б/д.**

1

14.1.63.

Дорогой Арсений Иванович!

Я был очень рад Вашему письму от 4.1, хотя оно принесло не веселые известия о Вашем здоровье. Представляю, что пришлось Вам перенести, когда влили не ту кровь (даже легкая несовместимость вызывает буйную реакцию, как я посмотрелся в Противораковом институте в Ташкенте, где многим переливали кровь, в том числе и мне). От всей души желаю Вам теперь поправляться!

Значит, у нас вышло недоразумение – я-то думал, что К-к уже в первый раз передал Вам обо мне, а Вы просто не хотите мне ответить. Из-за этого, посетив Ваш дом, я и не стал навязывать своего адреса, т.к. это как бы обязывало Вас отвечать. Впрочем, летом уже была большая доля вероятности, что скоро появится моя повесть, и я рассчитывал тогда, что при желании Вы сможете меня найти. Так и случилось. Но не будем, Арсений Иванович, вспоминать вещей незрелых или перезрелых, во всяком случае, не годных для печати. Налицо – повесть и два рассказа, да может быть еще пьеска, которую один театр хочет попробовать поставить.

Конечно, переписка не заменит живой встречи. Я предполагаю этим летом посетить Прибалтику, найдется денька два, очевидно, и для Риги. Ближе к весне, Вы напишете о своих летних планах. Тогда с интересом познакомлюсь и с Вашей работой²⁰.

Между прочим, эстонцы переводят мою повесть²¹. У латышей вряд ли такая мысль возникнет²², да если бы и возникла – Вы ведь

на латышский не переводите? Так что я все равно не смог бы Вам содействовать, да?.. Жаль.

Желаю Вам выздоровления и благополучия, многострадальный Вы человек! Обнимаю Вас от души!

Мы с женой тепло кланяемся Вашей супруге и Вам.

Ваш А.Солженицын

Мой адрес:

г. Рязань, 23.

1-й Касимовский пер., 12, кв. 3.

Ал-др Исаевич С.

2

26.2.63.

Дорогой Арсений Иванович!

Вот такой я корреспондент теперь! – переворачиваю гору писем и вдруг вижу, что не ответил Вам (письмо Ваше пришло под самый мой отъезд в Москву, откуда приезжаю всегда измученный и долго не могу прийти в себя.)

Я очень досаую: какое затмение на меня нашло, что я написал Иоганн вместо Янис! Мне уже написали об этом – из Прибалтики, я хлопнул по лбу. Сыграло роль то, что я писал-то не для печати; а для себя, и ответственности в таких деталях как-то не хватило. А когда готовил рукопись к печати, то хватало забот других.

Также и истинную фамилию этого латыша «Пульс»²³ я по памяти сменил на «Кильгас» – такая фамилия в лагере была, но я считал ее латышской.

Очень досадно – и непоправимо (пошло гулять по свету во всех переводах!).

Если в Латвии будут «Ив<ана> Ден<исовича>» переводить, – надо все это непременно исправить!

«Шмонять» – я понимаю, что это образование неправильное, но

20. Возможно, речь идет об автобиографической повести А.Формакова – «Былое».

21. Üks päev Ivan Denisovitši elus / Aleksandr Solženitsõn; vene keelest tõlkinud Lennart Meri ja E. Sarv; [eessõna: A. Tvardovski]. Tallinn : Ajalehtede-Ajakirjade Kirjastus, 1963. 115 lk.

22. На латышский язык «Один день Ивана Денисовича» не переводился.

так тоже говорили, а звучит более отталкивающе. Потому я и избрал.

Вкладываю Вам карточку чуть более удачную, чем была в «Литературной России».

Попались ли Вам уже мои рассказы?

Большое спасибо за теплое приглашение. Заводика ватинного[?] я не заметил, а дворик Ваш мне очень понравился.

Не знаю, но может так сложиться, что я буду проезжать Ригу в конце апреля или в начале мая. Навещу Вас тогда обязательно!

Желаю Вам прежде всего полного здоровья, затем – движения Вашим книгам²⁴!

От нас с Натальей Алексеевной – сердечный привет Анне Ивановне и Вам!

Ваш А.С.

3

9.4.63.

Дорогой Арсений Иванович!

Отвечаю, как всегда, с опозданием – надо ли каждый раз просить прощения за это?

Из Ваших двух стихотворений второе («Аскеты мы») нам чрезвычайно понравилось – удивительно по лапидарности, духовной строгости и цельности. «Друзьям» этой цельности, как мне кажется, не имеет²⁵.

Спасибо и за фото.

Я очень рад, что рассказы мои Вам понравились. Один поэт, которого я очень люблю и который мало печатается (и он – зэк) тоже от «Матрены» протянул ниточку к Тургеневу – Матрену назвал Калинычем в юбке, а также настроение объявил близким к «Живым мощам».

То, что «Матренин двор» довольно широко бранят сейчас (в «Советской Кубани» Бабаевский – даже неистово) меня мало огорчает;

23. О Ю.Пульсе – прототипе Кильгаса из «Ивана Денисовича» см. выше.

24. В архиве А.Формакова, кроме повести «Былое», никаких следов других авторских замыслов прозы не сохранилось.

25. Стихотворение «Аскеты мы» – нам неизвестно, стихотворение «Друзьям» («Сколько вас было на длинном пути...») сохранилось в одном из рижских собраний – в редакции 1970 г.

постольку поскольку никто все же не обвиняет меня в том, что я написал неправду. И Полторацкий в «Известиях» двумя статьями от 30.3 и 7.4. (внимательный глаз увидит связь между статьями), не только не опроверг, но в тираже нескольких миллионов подтвердил, что все верно, и даже в 1963 году.

По отдельным словам:

клевнать = обнимать клешнями

подельчивый = легко делящийся (слово распространенное)

набровый = с навислыми бровями

Я – очень за такие короткие слова вместо выражений.

«Солдыга» – сам слышал в 41-м году.

Ослонясь обо что – в отличие от:

отклониться

прислониться > к чему.

Зачем лишать глаголы простых приставок?..

Планы мои, Арсений Иванович, меняются.

Сейчас вместо Прибалтики уезжаю за Оку, отрежусь разливом и хочу на опушке леса пожить месяцок, до конца мая. Июнь мы с Натальей Алексеевной предполагаем пробить в Ленинграде, а вот в июле немного поснуем по Прибалтике, тогда-то посетим Ригу и Вас. Будете ли Вы с Анной Ивановной в это время в Риге?

Желаю Вам к тому времени набраться полного здоровья и продвигаться в работе!

Анне Ивановне, Вам и дочери Вашей от нас с Натальей Алексеевной самые добрые, самые сердечные пожелания!

Крепко жму руку!

Ваш А.Солженицын.

4

26.6.6<3>. Ленинград.

Дорогой Арсений Иванович!

Поздравляем Ваших молодоженов и желаем им счастливой жизни²⁶! А Вас, родителей – с новобрачными. Кажется, это письмо придет к самому началу свадебных торжеств.

Я не писал Вам, т.к. очень уплотненно жил, <с> полмесяца крутился в Москве. Сейчас в Ленинграде поспокойнее, но с утра до вечера сижу в читальнях.

В Ригу мы предполагаем приехать числа 14-15-го июля. Нам еще предлагают квартирку на улице Суворова²⁷. Сама улица ужасна, но если квартира окажется совершенно пуста, то так будет удобнее, чтобы никого не стеснять. Не упускаем из виду и Ваше приглашение.

Да, собственно, мы не так долго будем в Риге, надо еще сделать два радиальных выезда в сельские тихие места и там пожить. Не позже, как числа 25, надо будет уезжать.

Вполне подтверждаю Ваше право писать письма на машинке – ведь неразборчивый почерк всегда доставляет много забот читающему.

Простите за краткость, все на бегу.

Итак – наши с Н<атальей> А<лексеевной> самые добрые пожелания Вам всем!

До скорой встречи!

Ваш А.И.

5

10.10.63.

Дорогие Анна Ивановна и Арсений Иванович!

Вы, конечно, понимаете, что не забывчивость и не небрежение мешали мне написать Вам раньше, а темп жизни и разрывающее множество дел. У нас с Н<атальей> А<лексеевной> осталось самое теплое, самое сердечное воспоминание о встрече с Вами, и только о том мы жалеем, что мало и наспех видели Вас. От Вашей взаимной слаженности и дружности остается особенно светлое воспоминание, что почерпнешь далеко не в каждой семье.

После Риги мы довольно стремительно отправились в велопоход: Рязань – Ясная Поляна – поле Куликово – р. Ранова, путешествие было очень удачным и ярким.

Потом с конца августа до последних дней я пробыл опять за Окой в лесу, работал.

Сейчас собираюсь в Ростов н/Д (Н<аталья> А<лексеевна> уже ведет занятия и ехать не может).

В январе-феврале собираюсь в Ленинград.

Вот такая пошла жизнь... По-прежнему много писем, а в газетах

26. Речь идет о браке дочери А.Формакова.

27. Ср. выше воспоминания В.Наумова. Ул. Суворова – ныне А.Чака.

ругательных статей. «Октябрь» № 10 дошел до бандитского неприличия, но поскольку это все неправда, то к сердцу я не принимаю. Чувствительнее я к некоторым письмам друзей, которые говорят, что в «Для пользы дела» заметна, особенно в начале, поспешность – недоработка, и верно.

Когда теперь смогу напечататься в «Н<овом> Мире» – не ведаю.

Как Ваша жизнь? Здоровье? Работа? Как устроилась и чувствует себя молодежь?

Наши самые добрые и теплые пожелания Вам!

Ваши: Н<аталья> А<лексеевна> и А<лександр> И<саевич>.

P.S. Адрес пишу от руки – специально, чтобы Арс<сений> Ив<анович> не был упрекнут, будто я его «накальваю» машинописным адресом. Пишите на машинке, возражений нет!

6

28.12.63? (Датируется по неразборчивому рижскому почтовому штемпелю.)

Дорогие Анна Ивановна и Арсений Иванович!

Мы с Натальей Алексеевной сердечно поздравляем Вас с Новым годом, желаем Вам в нем здоровья, благополучия, светлого состояния духа и осуществления творческих замыслов! Надеемся, что у Вас все хорошо?

Как молодожены? Лучшие пожелания и им.

Как это ни смешно, но в этом году (июль-август) мы опять можем оказаться в Прибалтике. Тогда не исключается встреча.

Крепко жмем руки!

Всего-всего доброго!

7

27.12.64.

Дорогой Арсений Иванович!

Что-то давно-давно от Вас ничего нет, но, вероятно, здесь моя вина: должно быть я не ответил Вам вовремя. Очень хочу надеяться, что только в этом, а не в каком-нибудь неблагополучии все дело.

Мы с Натальей Алексеевной от души поздравляем Анну Ивановну

А.И.Солженицын в «Денисике». Лиелупе (Юрмала). 1967 г. Фото В.Наумова. Собрание В.Наумова и Е.Солдатовой.

Рига. Кладбище Райниса. Памятник на могиле Я.Райниса. Фото А.И. Солженицына. 1962 г. На 1996 г. – собрание Н.К.Фельдман-Кравченко.

Рига. Старый город, ул. Скарню. Фото А.И. Солженицына. 1962 г. На 1996 г. – собрание Н.К.Фельдман-Кравченко.

и Вас с Новым Годом и желаем Вам здоровья, благополучия, мира в душе и неомраченности вовне.

Мы живем во всем по-прежнему, кроме только того, пожалуй, что купили «Москвича» и научились им править (не помню, писал ли Вам об этом). Это доставляет удовольствие, а главное – легкость передвижения. Прошлым летом поехали в Белоруссию, расположились около красивого лесного озера, разбили палатку, в лесу сделали стол – и жили так (благо в машине можно много иметь вещей и продуктов). Я работал там очень хорошо.

О моих литературных делах вкратце не расскажешь. В общем, в «Н<овом> Мире» в 1965 вряд ли что-нибудь удастся напечатать. А в одном из московских театров возможно, поставлю пьеску.

Очень хотим знать о Вас. Пожалуйста, не сердитесь и откликнитесь.

Как Ваши молодые?

Идут ли, Арсений Иванович, Ваши музыкальные передачи?

Крепко жму руку, обнимаю!

Ваш А.Солженицын.

8

31.3.65.

Дорогой Арсений Иванович!

Не знаю, как скоро сел бы ответить на Ваше январское [!] письмо, – но замаячила такая возможность: побывать (на «Москвиче») во второй половине мая в Риге. Если это осуществится, то я пока могу увильнуть от поставленных Вами мне ро[а?]ковых вопросов.

Слышал, что Ване²⁸ придется служить на год меньше – и т.о. разлука молодых сократится?

Когда наше посещение Риги прояснится – еще напишем.

А пока простите за краткость.

Мы с Н<атальей> А<лексеевной> желаем Anne Ивановне и Вам здоровья, здоровья и бодрости!

Да! О нашем приезде пока никому из общих знакомых, хорошо?

Еще не праздный вопрос: можно ли в Вашем дворике поставить машину – в том смысле, что это не вызовет ли нареkania соседей и безопасно ли будет ей днем без присмотра (а ночью мы в ней ночуем)?

Речь идет о сутках-двух.
Крепко жму руку!
Ваш А.С.

10 апреля. [196?]

Дорогой Арсений Иванович!

Из статьи в «Новом мире» узнали, что Вы волнуетесь по поводу «Хмеля», а, стало быть, Вы, вероятно, живы и здоровы, как и вся Ваша семья.

Шлем Вам мы оба самые добрые наши пожелания. На ответ не претендуем, ибо таковые не очень поощряются.

Очень большой привет Анне Ивановне и Вашим детям.

Наталья Алексеевна.

Благодарим Е.Ватер, Г.Л.Золотову, А.Б.Можаеву, В.Ф.Цветкова за помощь в сборе материалов.

28. Иван – зять Формаковых.

ЛАТВИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ – 25

*Юрий Иванович Абызов накануне своего 80-летия.
Рига, Латвийское общество русской культуры. 2001 г.
Фото В.Страуме.*

В этом году Латвийскому обществу русской культуры (ЛОРК) «стукнуло» 25 лет.

Попытаемся вспомнить некоторые события 1989 года, когда создавался ЛОРК, когда Общество делало свои первые шаги.

Слова: перестройка, гласность...

В октябре 1988 года был создан Народный фронт Латвии (НФЛ), главной задачей которого стало достижение независимой Латвийской республики. В ответ на создание НФЛ в январе 1989 года прошел Учредительный съезд Интерфронта, – по разным причинам сторонника сохранения Латвии в составе уходящего СССР.

Почему создание ЛОРКа приходится связывать с политической ареной, вспоминает участник тех событий писатель, радиожурналист, общественный деятель Марина Костенецкая:

«Что касается предыстории создания ЛОРКа, то сама по себе идея родилась в голове Людмилы Азаровой после того, как в ответ на создание Народного фронта прошел Учредительный съезд Интерфронта... Съезд Интерфронта поверг нас в настоящий шок. Вот тогда Людмила и сказала мне, что надо срочно создавать Латвийское общество русской культуры, которое могло бы противостоять идеологии *зомбированного стада носорогов в норковых шапках* (выражение Азаровой после посещения ею одного из митингов Интерфронта). Мы поделились этой мыслью с Роальдом Добровенским, он нас тоже горячо поддержал, и в результате в русском варианте газеты НФЛ «Атмода» появилось письмо трех русских писателей. Почему именно в «Атмоде»? Потому что другие русские газеты категорически отказались печатать наше письмо! Как сейчас помню – мы втроем, Азарова, Добровенский, Костенецкая лично пришли в кабинет главного редактора «Советской Латвии» (фамилия его была, кажется, Василёнок), и он отменил нас с нашим письмом прямо с порога. В «Советской молодежи» нас встретили повежливее, но печатать письмо не решились. После публикации в «Атмоде» нам уже ничего другого не оставалось, как сколотить инициативную группу по созданию ЛОРКа, что мы и сделали. Именно на этом этапе к нам присоединился и Юрий Иванович Абызов, ставший впоследствии на 15 лет бессменным руководителем ЛОРКа. «Советская молодежь» все же напечатала «Обращение» инициативной группы, и потом все уже шло по закону – Учредительное собрание, устав и т.д., и т.п. Нас поддержали в НФЛ

и далее (выделение помещения под ЛОРК, моральная поддержка в первые годы и пр.) именно потому, что колыбель ЛОРКа в Латвии подвесили те русские писатели, которые с уважением относились и к латышской культуре».

Активный участник политических событий тех дней, один из создателей и член правления НФЛ, писатель, публицист Владлен Дозорцев поясняет в связи с созданием АНКОЛ (Ассоциации национальных культурных обществ Латвии):

«Идея родилась на кухне НФЛ и не имела прямого отношения к заботе о национальных культурах этносов Латвии. Потому что в те дни у НФЛ была только одна пожарная забота: хоть что-нибудь противопоставить политической оппозиции Интерфронта, агрессивно угрожающего процессу от имени русскоязычных, просто русских. От имени 48 процентов!»

Вот что вспоминает Наталия Каже, много лет так или иначе связанная с ЛОРКом: «Помню, что на Учредительном съезде ЛОРКа я оказалась представителем ДННЛ (Движение за национальную независимость Латвии – партия правого толка. – Ред.) – в пику тому обстоятельству, что Интерфронт это мероприятие проигнорировал полностью» ().

Спустя десять лет журналист, редактор русской версии газеты «Диена» Анна Строй к юбилею НФЛ напишет о создании ЛОРКа: «У его колыбели стоят четыре русских писателя: Абызов, Добровенский, Азарова, Костенецкая. Это – ответ только что учрежденному Интерфронт» ().

Как видим, противостояние Интерфронту было одним из непредсказуемых поводов к созданию ЛОРКа, но ставший его председателем Ю.И.Абызов с завидным упорством вместо политических призывов и лозунгов повторял одно слово: культура...

В преддверии юбилейных дней мы обратились к «ветеранам» ЛОРКа, к «сочувственникам» ЛОРКа с предложением принять участие в анкете, посвященной 25-летию ЛОРКа, или в свободной форме высказаться по теме.

Спасибо всем, откликнувшимся на наше предложение.

От имени ЛОРКа – В.Б., Б.Р.

* * *

На Учредительном собрании ЛОРКа в марте 1989 г. в своем выступлении Ю.И. Абызов, в частности, сказал: «Культура – это всегда сознательная работа духа над своим собственным несовершенством и над упорядочением всего, что окружает человека... Интеллигент – человек, проявляющий критический подход к действительности, критически мыслящий общественник.

Интеллигентности нельзя научиться походя, она требует длительного воспитания и самовоспитания.

И мы... не льстим себя надеждой, что на своем веку увидим скорые плоды. Кому-то всегда приходится закладывать основы, сажать яблоню, плоды которой достанутся детям...» ().

Прошло 25 лет. Выросли ли за эти годы на дереве ЛОРКа хоть какие-то плоды или ЛОРК оказался бесплодной смоковницей?

Виктор Авотиньш, журналист; общественный деятель переломной эпохи, участник Учредительного собрания ЛОРКа: Я думаю, что наличие ЛОРКа было (и есть) полезно и способствовало «сознательной работе духа». На мой взгляд, Юрий Иванович изначально правильно позиционировал ЛОРК. Он же не требовал от ЛОРКа некоего «глянцевого» самовыражения, что, возможно, сделало бы организацию более популярной и массовой. По-моему, он, как раз наоборот, требовал от ЛОРКа и его членов пребывания на сущностном, созидательном, а не потребительском уровне культуры.

Было бы наивно полагать, что при нынешнем качестве (интеллигентности) общества удастся сделать критический подход (ругань не есть критика) к действительности основным подходом в оценке действий обществом и властью.

Поскольку я деятельность ЛОРКа созерцал лишь эпизодически, не мне судить о контексте этой деятельности. Но там, где я видел членов ЛОРКа, так сказать, в действии, они выступали достойно. Но я помню некую иронию Юрия Ивановича, адресованную спекуляциям местной русской культурной среды своей маргинальностью и провинциальностью. Подобным образом латыши выставляют то, что они «маленький народ», своим комплексом. Удобно, конечно, представить, что русская культура происходит где то в Москве, а здесь не происходит. Однако, происходит же!

Татьяна и Виктор Аршавские, биологи, авторы «Открытого письма русскоязычному населению Латвии» – журнал «Родник», 1988, № 12, с.32-33.

Татьяна Аршавская: Плоды не созрели, но листья давали прохладу и предотвращали засуху по мере их скромных сил.

Виктор Аршавский: Но смоковница созревает медленно, и есть надежда, что наши потомки увидят ее сочные плоды и насладятся их соком.

Роальд Добровенский, писатель, переводчик: Насчет плодов и/или бесплодной смоковницы. Смотри, что считать плодами. Скажем прямо: рассчитывали, замахивались на большее. Культуртрегерский, просветительский характер Общества оказался, как бы это поделкатнее выразиться, товаром, имеющим минимальный спрос. Демонстративная устранимость от политики (хотя кто же не знает, что и это – политика), установка на интеллигентность без кавычек в то время, когда абсолютное большинство населения без кавычек и нелестных эпитетов ее и самих интеллигентов не представляет... Признаемся: яблочками пренебрегли, предпочтя фрукты с одной стороны попроще, с другой – поэкзотичнее. ЛОРК в немалой степени разделил судьбу своей библиотеки, полной сокровищ, но не слишком востребованной.

Жанна Эзит, гл. редактор журнала «Даугава» в 1995 – 2008: Плоды замечательные – библиотека, изданные книги – все работы Юрия Ивановича, «Балтийский архив», вообще, вся издательская деятельность ЛОРКа. Все это останется навсегда – при условии, что утратившие разум будут сидеть в сумасшедшем доме, а не диктовать миру, как жить.

Юрий Иванович и был тем садовником, который растил сад будущего.

Одна из задач создаваемого общества, по словам Юрия Ивановича Абызова, «вполне мирного свойства» и заключается в том, чтобы «противостоять бескультурью в своей, русскоязычной среде, потому что именно оно препятствует взаимопониманию между народами... Действительность такова, что социальный, образовательный, интеллектуальный состав местного русского населения настолько разнороден, знание местной среды настолько несовершенно, что многим местным русским подчас легче находить общий язык с латышами, евреями, поляками, чем с соплеменником».

Был ли Юрий Иванович прав в своей оценке русскоязычной среды Латвии?

Виктор Авотиньш: Юрий Иванович дал трезвую оценку действительности. Охарактеризовал данность. Но – не более того. Это не значит, что обозначенную им задачу не следует выполнять той малостью ЛОРКа, какая имеется. С одной (окультуривания масс, что ли) стороны изменилось мало что. Что тому мешало? Политика «отделила» часть русскоязычных от государства. Последовательность работы русских школ была нарушена не педагогической, а политизированной перспективой. И, полагаю, что советские подходы и стиль общежития были слишком поверхностны, чтобы именно культура стала основой единения той массы русских, которые пришли в Латвию после войны, и тех, кто здесь жил поколениями и не только распознал, но и создавал «местную среду». Смысл слов «русскоязычные» или «лингвистическая общность», на мой взгляд, в какой-то мере указывает на превалирование социально-политического над культурным. Не знаю, насколько это можно переводить на личное общение. Мне тоже (и весьма часто) легче найти общий язык с русскими, евреями... нежели с конкретными латышами.

Но, с другой стороны – тут нет черно-белого ответа. Ведь возникали интеллектуальные оазисы. Например, семинар Сергея Мазура. За десять лет в Латвии издано около 230 сборников стихов на русском. Восстановлены и стали регулярными Дни русской культуры. Отдельные старатели (в их числе – члены ЛОРКа) создали великолепные исследовательские, художественные работы, публикации, выставки, конкурсы, привели в порядок кладбища, не отставали в музыкальном и художественном творчестве. Повторяю, что я не обладаю достаточным знанием этого контекста.

Я бы сказал, что возможности ЛОРКа были бы больше, имей он постоянную, стабильную публичную трибуну. «Даугава» приказала долго жить. Появляются, конечно, альманахи, издания другого формата, но большинство из них направлены на самообслуживание узкого круга. Слова Юрия Ивановича я бы прежде прочего отнес к деньгам и к власти. Потому что, во-первых, русским деньгам Латвии русская культура Латвии как противовес бескультурью, как созидание качества среды пофиг. Русским деньгам Латвии русская культура (за очень редкими исключениями) Латвии интересна как потеха или

возможность показать свои деньги. Во вторых, первым делом власти, якобы заботящейся о «взаимопонимании между народами», я бы считал как раз создание этой вот публичной трибуны для латвийской русской культуры.

СМИ нашего времени подчинены политическим стереотипам восприятия. Что главным делом нашей страны изо дня в день было не землешество или строительство, а политика. Первые десять главных событий у нас каждый день – политика. Значит, у нас век толп. Партийных, социальных, лингвистических... каких угодно. Роль? Отсутствие дискуссии, живого обмена мнениями, отсутствие разных (в том числе крайних) точек зрения свидетельство того, что информацию заменяет пропаганда. Значит роль – выстраивание и удержание определенных стереотипов в сознании масс. Манипуляция, а не укрепление самости.

Татьяна Аршавская: В оценке русскоязычной среды Латвии Юрий Иванович был абсолютно прав. Мы не столько противостояли, сколько не поддавались окружающему нас бескультурью. Изменить ситуацию мы не смогли, да и не очень пытались. Разве что, помогли ЛАШОРУ (Латвийская ассоциация школ с русским языком обучения).

Валерий Блюменкранц, член Правления ЛОРКа с 1989 по 2008 гг.: На мой взгляд, в своей оценке Юрий Иванович был прав, но... Спустя много лет мы можем оценить и те надежды, которыми жил Юрий Иванович, которые питали его убежденность в том, что идеологические и политические разногласия в русскоязычной среде хоть в какой-то мере будут преодолены с помощью культуры. Юрий Иванович очень переживал в последние годы своей жизни – время неумолимо подводило итог: результат, увы, минимальный, потому что те, к кому прежде всего обращался Ю.И.Абызов, слушать его не хотели...

Роальд Добровенский: Соответственно противостоять бескультурью, когда оно, бескультурье прет отовсюду, щедро финансируется и рекламируется, выступая в том числе под псевдонимом «Культура», если и удавалось, то в самом узком кругу. В том кругу, где бескультурьем и сроду не пахло.

Жанна Эзит: Мы сейчас живем совсем в другом мире. Единственный способ сохранить себя – делать свое дело и верить в то, что это самое необходимое, самое нужное, пытаться уберечь нишу, которую для себя выбрал.

О судьбе русской культуры и русского языка в Латвии Ю.И.Абызов, в частности, писал: «... Русской культуре и русскому языку грозит умаление и оскудение только в результате поведения самого русского народа...».

Как полагаете, грозит ли русской культуре в сегодняшней Латвии умаление и оскудение?

Виктор Авотиньш: По-моему, Юрий Иванович назвал основную причину, из-за чего такое может случиться. «Только в результате поведения самого русского народа...» Я бываю на русскоязычных тусовках, и меня несколько смущает, что, при обсуждении намерений той или иной организации, культура присутствует лишь как придаток, украшение, а не как смыслообразователь действия. Вот, например, говорится о дефиците демократии в Латвии. Но, извините, зачем демократия толпе (я имею в виду всех нас). Даже протест будет эффективным лишь тогда, когда будет полностью явлена угроза ценности и достоинству, породившая этот протест.

Валерий Блюменкранц: Ю.И.Абызов обеспокоен судьбой русской культуры и русского языка.

Все эти 25 лет политики не устают твердить, что вся эта беда от латышских националистов. На такой диагноз соответствующая реакция русскоязычных средств массовой информации: бесконечные претензии к властям Латвии по части языковых ограничений, беспокойства о пенсионерах и учащихся русских школ.

Позиция Ю.И.Абызова в 1989 году: если и грозит умаление и оскудение, то только в результате поведения самого русского народа.

Это совсем другой диагноз. Я бы на месте политиков задумался над ним. Суровый диагноз, но, по-моему, справедливый.

Роальд Добровенский: Умаление и оскудение русского языка – факт, относящийся не только к Латвии, а в той же или большей степени ко всему ареалу бытия языка, прежде всего к России, ее столицам и провинциям. Язык есть наше отражение и выражение сущностных процессов, происходящих в людских сообществах. Ой, что-то я того... забрел в не в свою лексику. Короче: как живем, как думаем, как спорим, так и говорим. Все это в последние сто лет делаем крайне некрасиво. Притом некрасивость эта в последние четверть века шла по нарастающей, крещендо.

Нинель Крамер, физик-атомщик, член ЛОРКа со времен его основания: Русскому языку в современной Латвии грозит умаление и оскудение, т.к. обучение на родном языке сокращается и усиливается влияние жаргонных выражений в быту и в интернете. Русской культуре в Латвии угрожает и массовая культура. Для меня сейчас важным показателем сохранения русской культуры в нашей стране являются радиопередачи Л.Ленца «Литературные прогулки» и наш ЛОРК.

Жанна Эзит: Сначала хотелось бы понять, что такое русская культура в современной Латвии. Способ выражения своих мыслей на русском языке? Но и язык оскудевает, когда не питается грудным молоком. Отсутствует словотворчество – это ли не признак? Так что грозит, и не только в результате поведения самого русского народа. Составляющих у этого процесса много.

В 1989 году Ю.И.Абызов, рассказывая о созданном им обществе, писал в газете «Сīņa» о том, что нам «предстоит практика „ликбеза”, ликвидации безграмотности, на сей раз, неграмотности этической и эстетической, практика приучения к книге. Ведь мнение о том, что мы самая читающая страна – очередной миф. Читается у нас преимущественно „чтово”, а не настоящая „трудная книга”».

За 25 лет прежде всего стараниями Юрия Ивановича в ЛОРКе создана уникальная библиотека в области художественной литературы, истории, культуры, но читателей, в особенности – молодых, в ней немного.

Естественный ли это процесс – самоликвидация читателей как класса?

Что мы сегодня преимущественно читаем?

Виктор Авотиньш: Нет, не естественный. Но это – отдельная тема. К тому же я ее разделил бы: самоликвидация читателей и ликвидация частных (не только) библиотек. Читатели, на мой взгляд, скорее трансформируются, чем самоуничтожаются.

Валерий Блюменкранц: Если бы меня спросили сегодня, за что я больше всего благодарен ЛОРКу и Юрию Ивановичу, я бы ответил: «За книги! За нашу библиотеку!».

Перестройка сняла запреты с многих интересных для нас изданий, а ЛОРК дал их, издания, в наши руки.

У Юрия Ивановича вслед за обычным вопросом: «Валерий, что читаете?», – шел разговор с советами, касающийся книг, журнальных публикаций, авторов... Если такие консультации, «бесплатные услуги» не всех нас интересовали, то, что поделаешь... «Кому нравится поп, кому попадья, а кому – попова дочка...».

Роальд Добровенский: Читатель отвечает сам – ногами. Бывший читатель. Вот если бы малыши увлеклись чтением так, как они – поголовно! – увлекаются динозаврами!

А читаем мы преимущественно сообщения в фейсбуке и твиттере.

Выступая на Форуме народов (дек. 1988 г.), Юрий Иванович заметил, что, в Латвии очень мало «русских писателей, осваивающих почву и судьбу своего окружения, своей среды с ее специфическими многонациональными болевыми проблемами. Ужасно низок уровень культурно-исторического сознания русского учительства... А ведь они, эти учителя, выращивают новое поколение».

Не слишком ли много надежд возлагал Юрий Иванович на учителей и писателей в деле воспитания общества?

Виктор Авотиньш: Школьная реформа все-таки показала, что не так уж и слишком. Конечно, протесты против нее имели и побочные эффекты, но многие учителя (хоть недостаточно многие) все же проявили себя публично, достойно и по существу дела. А вот в том, что мы (от СМИ до политиков и людей творческих) предпочитаем мифы «изучению своей среды» и ближнего своего, Юрий Иванович, пожалуй, был прав. Я весьма часто убеждаюсь, что молодому поколению удалось свое пространство общения сделать более естественным, человечным, нежели его содержим мы. Помимо школы, что ли?

Валерий Блюменкранц: Я бы хотел предложить пишущим людям, может быть тем, кто сегодня только собирается стать профессиональным писателем, внимательно присмотреться к творческому наследию Ю.И.Абызова...

Мировая культура и культура отдельных народов, по глубокому убеждению Юрия Ивановича, могут и должны быть использованы в решении межнациональных проблем и конфликтов. Он жил этой идеей, и его многолетняя работа осталась незавершенной...

Я думаю о том, что книга о Ю.Абызове могла быть интересна, если бы могла рассказать не столько о жизни активного общественного деятеля, сколько о судьбе его идей на фоне грандиозных перемен в мире и, в частности, в Латвии.

В качестве примера и аналога для такой работы можно привести роман Р.Добровенского о Я.Райнисе – жизнь поэта и судьба его родины Латвии XIX – начала XX века – драматических событий хватает...

Возвращаясь к поставленному вопросу: а на кого же нам остается надеяться, как ни на писателей и на учительство?..

Жанна Эзит: Юрий Иванович вообще был родом из 19 века. «Сейте разумное, доброе, вечное», – мне кажется, это был девиз всей его жизни, до последних минут. Хотя он видел и понимал, как изменилась жизнь. Но даже если исполнилась хотя бы доля процента его надежд – и это уже много.

Выступая на Учредительном собрании ЛОРКа в марте 1989 г., один из его учредителей, писатель Роальд Добровенский, заметил: «То, что происходит в нашей стране, по масштабам соответствует отмене крепостного права или крушению монархии...».

Согласны ли Вы с такой оценкой событий тех лет? Нуждалась ли страна в таких грандиозных переменах? Могла ли страна осилить такие перемены в исторически короткий срок?

Виктор Авотиньш: По времени и возвышенность речи. Политический режим был изменен. Я хотел, чтобы мой народ научился пользоваться свободой без какого-либо «старшего брата». Пока не научился. Я против того, чтобы огульно хаять прошлое, но обратно не хочу.

Татьяна и Виктор Аршавские: Нуждалась. Но и крушение монархии, и падение коммунистического режима Россия не смогла осилить достойно.

Валерий Блюменкранц: Исторические параллели в данном случае, по-моему, вполне уместны. Учитывая, что эти сравнения были высказаны в марте 89 г., они делают честь их автору. Писатель Роальд Добровенский не только широко видит и оценивает события, но и пытается образно и доходчиво разъяснить масштаб и важность происходящего.

А обсуждение двух других вопросов – нужны ли были «грандиозные перемены» и полезны ли они для Латвии – не имеют никакого смысла. Происходящее – закономерный итог 70-летнего (для Прибалтики – 50-летнего) движения по пути построения коммунизма. Крах идеи с неисчислимыми потерями и жертвами... Сегодня мало кто будет с этим спорить.

Роальд Добровенский: Не помню, какую страну я имел в виду. Наверное, ту, которая как раз тогда шла на дно. Тот титанический «Титаник». Тут неизбежно приходит на ум некрасовское:

*Порвалась цепь великая,
Порвалась – раскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику.*

Удары и здесь сыпались направо и налево, порой в буквальном смысле сокрушительные.

Перемены не только для той страны, а для всего мира вышли колоссальные. Отмена крепостного права в России, пожалуй, выглядит в этом смысле даже поскромней.

Но возможности, открывавшиеся тогда, не были использованы по-настоящему ни Россией, ни Латвией, ни человечеством, миром, включая Запад. А Восток, а мышление, типичное для средневековья, но с применением сегодняшних взрывчатых средств, вообще стали головной болью человечества.

Учредители ЛОРКа были оптимистами. Как почти все в то время. Дальнейшие события оптимизм подкосили под корень, – или, может быть, я смотрю на вещи чересчур пессимистично? Если это мое, возрастное, то оно и останется – явно ненадолго – моей личной проблемой. Такой расклад меня бы в высшей степени устроил.

Жанна Эзит: С оценкой событий однозначно согласна. Даже не хочется думать о том, что этого могло не произойти. Конечно, страна нуждалась в переменах.

В том же выступлении Р. Добровенский призывал «думать о том, чтобы здесь, на земле Прибалтики, выработались новые модели равноправных и честных отношений между нациями, отыскивались выходы в путанице грозных тупиков».

Что сделано, что надо было бы сделать нашему Обществу в попытке решения этой проблемы?

Виктор Авотиньш: Мне кажется, когда власть стала играть в «свою» политику, играть скорее на раскол, чем на единение и «честные отношения», все равно надо было продолжать упорно предлагать власти конструктивные и приемлемые для нас всех модели решения. Но, те, кто был заинтересован в нормальном общежитии, слишком рано успокоились и перешли на ожидание всего и вся от партий и власти. Как и подобает советским людям, и не только.

Татьяна Аршавская: Признать реальность того, что современная Латвия – не Латвия 1918 года.

Жанна Эзит: Что тут ответить? «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

В Обращении Инициативной группы будущего ЛОРКа в феврале 1989 г. было записано: «Организуемое общество поддерживает культурную программу Народного фронта Латвии».

Но, очевидно, происходящая перестройка требовала от ЛОРКа участия и в политических мероприятиях. Поэтому спустя несколько месяцев в неопубликованном проекте Устава ЛОРКа «ЛОРК признает программу Народного фронта Латвии и содействует ее осуществлению» (п. 1.4.). О том же речь и в совместном выступлении от 4 сент. 1989 г. Правления ЛОРКа и одного из учредителей Общества М.Костенецкой, где говорится о том, что ЛОРК признает и поддерживает программу НФЛ (т.е. не только культурную) и содействует ее осуществлению.

Спустя десять лет Юрия Ивановича спросили: «... Не испытываете ли [Вы] сожалений, разочарований. Может, не стоило так решительно вставать под знамена Народного фронта?»

Позиция Ю.Абызова в 1999 г.:

«... Я лично формально и не был членом НФЛ. Но разделял многие его идеи...».

«Если бы я снова делал свой выбор, я сделал бы то же самое, только с более ответственной проработкой важных вопросов, с проработкой альтернатив...».

Как Вы сегодня оцениваете деятельность ЛОРКа времени Народного фронта Латвии?

Виктор Авотиньш: Всецело положительно. По-моему, тогда именно ЛОРК в Латвии грамотно и, обладая достаточной долей критического восприятия происходящего, представлял те взгляды, которые в России представляла демократическая группа съезда Народных депутатов СССР, академик Сахаров... «Равноправие», Интерфронт тогда представляли не русских, а советских имперского толка. Не нашел дома, но точно помню, что в самом начале девяностых мы, полтора десятка или более творческих людей (в их числе представители ЛОРКа во главе с Юрием Ивановичем), составили свое мнение о культурной политике независимой Латвии. Там были перечислены и возможные риски языковой, этнической политики. Но очень скоро ЛОРК как серьезный диалоговый партнер оказался власти НФЛ не нужен. Неким резюме этого в своем роде эйфорического периода можно считать «письмо 14», которое вместе с русскими (русскоязычными) творческими людьми подписали три латышских поэта. Я тоже.

Татьяна и Виктор Аршавские: И сегодня мы сделали бы тот же выбор, но с оговоркой прав побежденных.

Роальд Добровенский: Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой. НФЛ исчез с быстротой необычайной. Романтиков сменили прагматики, знавшие, как извлечь из ситуации максимальную прибыль. К чести ЛОРКа, такого рода прагматизм тут не привился.

Нинель Крамер: Деятельность ЛОРКа в эпоху Народного фронта Латвии оцениваю очень положительно. Для меня создание ЛОРКа было отдушиной, т.к. я оказалась в среде чуждых мне интерфронтных настроений. И была большая надежда на перемены к лучшему.

Какие дела – встречи, выставки, издания... в деятельности ЛОРКа за 25 лет его существования остались в Вашей памяти? Каким Вам видится будущее ЛОРКа? Что бы Вы пожелали ЛОРКу на пути к следующему юбилею?

Виктор Аршавский: Будущее кажется весьма неопределенным, а жаль.

Валерий Блюменкранц: Помимо принципиальных соображений о

том, что такое ЛОРК, попробую перечислить дела, оставившие след в моей памяти:

- Встречи с московскими писателями во главе с А.Приставкиным в связи с презентацией первого номера альманаха «Апрель» (1990 г.);
- Беседы о музыке с сидящей за роялем проф. Л.Красинской (1992 г.);
- Издание двухтомника «От Лифляндии к Латвии» (1993 и 1999 гг.);
- Рижские встречи с легендарным Григорием Соломоновичем Померанцем (1994 г.);
- Юбилей Д.Самойлова с участием приглашенного Ю.И. Абызовым в Ригу Юлия Кима (1995 г.);
- Презентация книги «Рутения» (2005 г.);
- Презентация нашего Общества в московском Доме русского зарубежья (19 ноября 2008 г.);
- Вечера, посвященные А.П.Чехову (2010, 2012 гг.);
- Издание книги стихов И.Асаева и воспоминаний о поэте (2012 и 2014 гг.);
- Подготовка, издание и презентация воспоминаний Анны Васильевны Груздевой (2013 г.).

Это, конечно, лишь малая часть достойных дел Ю.И.Абызова и ЛОРКа. Надеюсь, этот перечень будет с годами продолжен.

Роальд Добровенский: Все печатные издания ЛОРКа, прежде всего, все, что делалось самим Юрием Ивановичем Абызовым, общий настрой, верность тому типу человеческих отношений и той деятельности, которую воплощал собой Ю.И. Абызов, остаются для меня ценностями незыблемыми. Победившая торговая, потребительская, во многом людоедская действительность – она съедает попутно своих адептов и апологетов – делает роль победителей откровенно жалкой. На мой взгляд, ЛОРК потерпел поражение. На мой взгляд – почетное. Если бы ЛОРКа не было, его бы следовало выдумать.

Нинель Крамер: С благодарностью вспоминаю общение с Ю.И. Абызовым. Сколько нового я узнала о русской культуре в довоенной Латвии. Спасибо Валерию Семеновичу за глубокое раскрытие творчества Владимира Высоцкого на протяжении многих лет и прекрасные выставки, ему посвященные. Запомнились встречи с Мариной Костенецкой. На памяти поэтический вечер, посвященный Лидии Ждановой, знакомство с поэзией Татьяны Аршавской, В. Френкеля. И настоящим открытием стало имя поэта Ильи Асаева, издание сборника

его стихов и воспоминание матери. А какие интересные получились беседы по рассказам Антона Чехова. Наши Рождественские встречи всегда полны неожиданностей. Так держать!

Виктор Авотиньш: Я самой важной все-таки считаю не, так сказать, событийную историю ЛОРКа, а ее основу – будничное, кропотливое, целенаправленное осмысление ситуации, собственных возможностей и, исходя из этого – планирование событий. Тем более, что ЛОРКу, отстаивая и продвигая русскую культуру, приходилось действовать с позиций обороны, а не равноправного сосуществования. Будущее ЛОРКа мне видится сложным. Вряд ли окружение станет вдруг подстраиваться под культуру в высоком смысле этого слова. Оно по-прежнему будет подстраивать культуру под себя и главным способом ее применения считать потребление. Значит, понадобится вера в себя, выдержка, мобилизация единомышленников, способных действовать самостоятельно. ЛОРК должен быть. Потому желаю ЛОРКу не подменять суть суетой, не мельтешить и не дробиться, а достойно продолжать свое славное дело.

Елена Матьякубова, председатель правления Латвийского общества русской культуры:

Что пожелать? Среди всего прочего, поддерживать добрые отношения с Рижской думой, всеми другими организациями, обществами, людьми, способствующими жизни и работе ЛОРКа. И поблагодарить долголетних друзей и членов ЛОРКа – И. Аппине, Л. Асаеву, Н. Блюменкранц, Л. Виксе, И. Винник, А.Груздеву, Е. Ермолаеву, Р. Запрудневу, Е. Земеля, С.Ковальчук, Н. Кононову, В. Матисон, В.Новикова, В.Попову, А. Ракитянского, Б. Семенова, Л. Спроге, Н. Троицкую, Д. Трубецкого, Т. Фейгмане, Б. Цилевич, В. Эйхенбаума, многих, многих других...

И конечно, Нину Ивановну Абызову...

* * *

Борис Равдин, соучастник ЛОРКа

ЛОРК и Ю.И.Абызов

Я вообще не знаю, зачем Юрий Иванович ввязался в это дело, в создание ЛОРКа. Зачем это ему было нужно? Я еще понимаю его в роли инициатора, вдохновителя движения, но председателя (разве что почетного?)... Похоже, что он мобилизовал себя в тот ответственный исторический момент, взял себя за шиворот, почти как Мюнхгаузен. Во имя чего? Думаю, ему было обидно, неловко, что русское, русскую культуру в тот момент представляет только Интерфронт. Остаться в стороне он не мог. Вряд ли он выступал во имя «свободы, равенства и братства». Скорее, все же, во имя своего понимания культуры, да еще во имя надежды на самоочищение какой-то части общества. Была ли у Юрия Ивановича надежда на успех? Может, и теплилась какая-то, но размер ее был очень небольшим. Просто ему не нравилось, когда люди режут друг друга (напомним, Юрий Иванович ведь был участником войны, о которой он не любил вспоминать), и он надеялся, что ему не придется быть свидетелем кровавой резни и яростной грызни. Может быть, мерещилось ему, что Латвийское общество русской культуры, объединявшее людей не по национальному признаку, а по культурным дефинициям, сможет пролить масло на бушующие волны национальных страстей.

И, тем не менее, почти не надеясь на успех, Юрий Иванович не отказывался от попыток поиска союзников в обретении «третьего пути». Сперва с некоторым интересом, затем с несколько отрешенным выражением лица он ходил на разные собрания по выработке общей тактики и стратегии в новых драматургических обстоятельствах места и времени, но вскоре понял, что хождение вряд ли имеет смысл. Какое-то время он просил представлять ЛОРК на этих «сходках» кого-нибудь из членов общества, а потом и это дело почти забросил...

Но, взявшись за гуж, Юрий Иванович все же старался честно выполнять возложенные им на себя обязанности, по крайней мере, в ЛОРКе. Нет, Юрий Иванович не был совсем уж одинок, вокруг были и товарищи, и единомышленники, которых исторической бу-

рей прибило к Юрию Ивановичу. Нет, его не беспокоило мнение части русскоязычного населения Латвии, видевшего в нем, говоря вчерашним, сегодняшним и завтрашним языком, «пятую колонну», его беспокоила убыль надежд, пусть призрачных, убыль активистов ЛОРКа, убыль читателей в библиотеке ЛОРКа, созданной на основе его личной библиотеки.

Может быть, я для красоты чуть преувеличу, но, на мой взгляд, Юрий Иванович, да еще в свои семьдесят и более лет не был похож на борца, скорее, все больше походил на скептика из стихотворения Владимира Ходасевича «Буря» 1921 года, через четыре приблизительно года после событий февраля и октября 1917: «Мудрый подойдет к окошку, / Поглядит, как бьет гроза, – / И смыкает понемножку / Пресыщенные глаза».

Все меньше внимания Юрий Иванович уделял общественной деятельности, все больше исследовательской и издательской работе в рамках ЛОРКа, где результат зависел почти только от него самого, от его знаний, умений, представлений, трудолюбия – всех этих достоинств Юрию Ивановичу было не занимать. В доведении его работ до читателя ему во многом помогали А.Ракитянский и Ж.Эзит. И пошли статьи, книги, указатели, возвращение имен и событий...

Я помню, как уже с середины 1990-х годов или даже раньше Юрий Иванович стал тяготиться ЛОРКом, как хотелось ему уйти, бросить все это дело к чертовой бабушке, отдаться целиком своей научно-исследовательской деятельности. Но никак не находилось крыльцо, на которое можно было подбросить младенца. А оставлять младенца совсем уж без присмотра было как-то нехорошо, неловко. Вот Юрий Иванович и тянул свою бурлацкую лямку до последних дней.

Спасибо, Юрий Иванович!

Юрий Иванович любил цитаты. По случаю, напомним одну, из Мартина Лютера: «Hier stehe ich und ich kann nicht anderes», что на всех языках означает: «На том стою и не могу иначе». И без восклицательного знака в приведенной цитате!

Наталия Каже, лауреат Фонда Интеграции за 2010-й год

Что было сделано малыми силами

Весьма сложно отвечать на общие вопросы в случае, когда сам находишься «в процессе» и, следовательно, скорее можешь оценить не то, что совершил – или не совершил ЛОРК, а то, что тебе лично удалось сделать благодаря наличию ЛОРКа. Естественно, любая оценка собственной деятельности всегда субъективна, но все же.

С ЛОРКом меня свела Ивонна Квятковская – тогда, более 25 лет назад, мы были приятельницами и в определенной степени единомышленицами. Мы ждали перемен, хотя, по правде сказать, уверенности, что Латвии удастся выскользнуть из объятий СССР настолько бескровно, у нас не было. Помню, что на Учредительном съезде ЛОРКа я оказалась представителем ДННЛ – в пику тому обстоятельству, что Интерфронт это мероприятие проигнорировал полностью. В дальнейшем мое сотрудничество с ЛОРКом свелось к тому, что можно назвать «сглаживанием углов» между двумя общинами Латвии. Первый проект, который мы намеревались подать с Юрием Ивановичем Абызовым, назывался «Приобщение» (Iesaistīšana). Основной его идеей было сближение общин через язык и культуру «в одном флаконе», а основной проблемой – поиск источников финансирования. Проект тогда имел отношение к волновавшей Юрия Ивановича проблеме учителей русских школ и, к сожалению, поддержки не получил – по крайней мере, со стороны Российского посольства. Помню реакцию одного из его представителей на наши соображения: «Вы что, считаете, что Россия должна помочь учителям русских школ в Латвии интегрироваться?». Наши доводы о том, что если России эти учителя на родине не нужны, то, очевидно, стоило бы им помочь остаться здесь, не потерять работу, никакого понимания не вызвали. Однако, могу по истечении этих лет констатировать, что определенных успехов все-таки удалось добиться, во всяком случае, антагонизм между «русской школой» и Латвийским государством в области языковой политики значительно уменьшился. Более того – в последние годы учительская аудитория латышских школ достаточно успешно сотрудничает с коллегами из «школ национальных меньшинств» в совместных (в том числе и обменных) проектах. Однако здесь роль ЛОРКа оказалась скорее промежуточной, но от этого не

менее важной. Единомышленники, среди которых были и Айна Антане, и, к сожалению, рано ушедший от нас доктор наук, астроном Юрий Францман, и Ирма Юфко, заместитель директора 13-й средней школы, и директор Классической гимназии Роман Алиев, и радиожурналист Лидия Черя – и многие другие, непосредственно с ЛОРКом не связанные, но привлеченные к интеграционной деятельности позднее, – осуществили достаточно много проектов. Правда, в значительной степени благодаря финансовой поддержке вначале Фонда Сороса, а позднее – Министерства Интеграции и Фонда интеграции. Перечислю только некоторые, на мой взгляд, наиболее значимые. Это, во-первых, двуязычный молодежный журнал «Мост» (Tilts), на протяжении трех лет публиковавший статьи и репортажи старшеклассников и распространявшийся бесплатно по школам. Программы по обмену учителями со шведскими школами, также сталкивающимися с проблемами билингвального образования. Создание подобных билингвальных центров в ряде школ Риги, Даугавпилса, Лиепая и Резекне с их последующей разработкой целого ряда учебных пособий, позволивших учителям постепенно перейти на двуязычное преподавание своего предмета. Лагеря, в которых дети и родители из семей, говорящих дома по-русски, могли провести несколько недель в обществе своих сверстников, говорящих на латышском языке.

Конечно, следует упомянуть еще нескольких людей, имевших – и продолжающих иметь – тесную связь непосредственно с деятельностью ЛОРКа. Это Валерий Блюменкранц, благодаря которому ЛОРК не сошел на нет в те тяжелые годы, когда лишился своего первого здания, а продолжил существование и даже несколько окреп. Плодотворное сотрудничество Валерия и Юрия Ивановича при этом обеспечило не просто рост книг и периодики в библиотеке ЛОРКа, но и отличное качество. Один из них успешно сотрудничал с тем, что можно назвать «блестящие остатки русской эмиграции» (Дмитрием Левицким, Игорем Чинновым), что пополнило библиотеку, и «Архивом русской революции», и «Современными записками», и разнообразными мемуарами. В свою очередь второй, имевший связи с литературным миром Москвы, снабжал ЛОРК и изысканной периодикой, и лучшими образцами современной русской прозы. Отмечу с благодарностью и тот факт, что благодаря Валерию мне и Роману Алиеву удалось опубликовать статью в международном

издании, посвященном проблемам образования, и рассказать о нашем опыте реального двуязычия в школьной практике. Позднее наша книга о билингвальном образовании (в переработанном варианте для русскоговорящей аудитории) была представлена на книжной ярмарке в Москве и вызвала большой интерес.

Возвращаясь к собственной деятельности, прямо или косвенно связанной с ЛОРКом. Это довольно любопытный «малый проект» под названием «От Мойдодыра до Гарри Поттера», когда две девушки из Рижской Классической гимназии провели анкетирование старшеклассников (естественно, не без нашей помощи) нескольких двух престижных Рижских школ – собственной и Французского лицея. Целью исследования было выяснение читательских предпочтений. Последовало обсуждение в ЛОРКе уже с приглашенными участниками и несколькими взрослыми, подтвердившее начальную гипотезу о том, что ни у взрослых, ни у детей нет никаких выраженных литературных национальных предпочтений – есть возрастные. И еще одно – увлечение Гарри Поттером есть благо, а не зло, поскольку это книга учит дружбе, чести и добру на современном уровне.

Немного о другом, более значимом проекте, в котором – так или иначе – участвовало несколько членов ЛОРКа. В 2009-2010 году общество «Диалоги», то самое, которое несколько лет поддерживало двуязычный сайт, осуществило электронный журнал «Полилоги» на двух языках (при финансировании Центра Интеграции), заявленный в качестве проекта под моим фактическим руководством. В течение 8 месяцев нами было подготовлено и выставлено в Интернет 8 номеров журнала, в котором освещались темы, выбираемые самими авторами, причем возраст участников был в пределах от 16 до 75 лет (с преобладанием младшей группы – учащихся и студентов). Соотношение языка написания статей было примерно равным. Темы – от истории до моды, от вопросов религии до фантастических эссе, от творчества Высоцкого до психологической совместимости соавторов коммерческих идей. Переводы на второй язык совершались почти одновременно с написанием оригиналов. В процессе осуществления проекта было несколько встреч с молодежью и учителями Риги, Резекне и Даугавпилса. К сожалению, отсутствие финансирования «прикрыло проект», хотя еще в течение примерно года мы продолжали кое-что публиковать – уже без переводов, но продолжая само-

стоятельно поддерживать сайт.

Еще о личности, с которой меня совершенно неожиданно свел ЛОРК. Это Уна Андерсоне, представитель того самого относительно молодого (по меркам активистов организации), просто юного поколения знатоков и ценителей культуры – ни в коем случае не хочу замыкаться в конкретных рамках русского языка, и особенно русской литературы. Определить точную сферу деятельности Уны сложно – она и блестящий фотограф, и дизайнер, и журналист, и психолог. Уна вела в качестве оформителя сайт Полилогов, написала для журнала несколько острых статей, принимала участие в литературных обсуждениях ЛОРКа и мероприятиях, связанных с творчеством Владимира Высоцкого – не как пассивный наблюдатель, а как проникательный и знающий читатель.

Наконец, последнее (но отнюдь не по значимости) – это роль Марины Костенецкой во всей нашей интеграционной деятельности. Несмотря на то, что наши пути как-то разошлись, я всегда с благодарностью вспоминаю несколько интервью с ней для «Домской площади», которые помогли в дальнейшей работе и обеспечили некоторый «выход в свет» проектам, в частности, созданию вместе с Артой Мацкевичей небольшой книги «Под одним солнцем» (*Zem vienas saules*), предназначенной именно для учителей – как латышских, так и русских школ.

Владлен Дозорцев

Побочный эффект лоботомии

Наверное, двадцатипятилетний юбилей ЛОРКа – последнего детства Юрия Ивановича Абызова – не лучший повод вспоминать мои скептические соображения двадцатипятилетней давности по части идеи образования национальных культурных обществ в Латвии. Но так как меня попросили поделиться свидетельствами этого начинания, я не могу не сказать, что меня раздражало тогда в деле, которое в принципе не может не быть общественным благом.

Действительно, кому в голову может прийти не способствовать естественной культурной самодеятельности людей той или иной национальности, такому кучкованию по интеллигентным интересам!

Я, конечно, не мог думать иначе и, обладая в то время некоторым влиянием, не мог ничего не делать для возникновения этих обществ, для добывания зданий, средств, оборудования, площадок. А когда возник АНКОЛ – Ассоциация национально-культурных обществ Латвии, то мне пришлось добывать для Хараджаняна все это вместе и сразу. Повторюсь: я не мог не быть за. Но я знал, с чего все началось.

Идея родилась на кухне НФЛ и не имела прямого отношения к заботе о национальных культурах этносов Латвии. Потому что в те дни у НФЛ была только одна пожарная забота: хоть что-нибудь противопоставить политической оппозиции Интерфронта, агрессивно угрожающего процессу от имени русскоязычных, просто русских. От имени 48 процентов!

К тому времени латвийские поляки уже танцевали краковяк и оберек, а латвийские евреи пели хаванагиу. То есть польское общество с Итой Казакевич уже существовало, а еврейское с Эльзой Рапиной становилось на ноги. Со времен землетрясения в Спитаке сложилась и армянская община.

Пошли разговоры, что этот процесс нужно двинуть документом НФЛ на другие меньшинства, и тогда будет понятно, что никаких 48 процентов русскоязычных или русских нет. Есть русские, украинские, белорусские, армянские, немецкие, польские, еврейские и т. д. проценты. Если все это быстро структурировать и образовать общую для всех надстройку (АНКОЛ), то откроется нормальный путь для так называемого рассредоточенного влияния на нелатышей и выход на созыв Форума народов Латвии. Была даже идея сделать форум юридическим органом, от имени которого можно будет... и т. д. А когда из форума ничего кроме жалоб на отсутствие средств не вышло, то было решено, что достаточно и АНКОЛа. Я идти на форум отказался.

Конечно, все было упаковано в приличные фразы, в заботу о развитии культур меньшинств, хотя идея была чисто шахматная: расколоть агрессивное русскоязычество Интерфронта на отдельные национальные квартиры.

С точки зрения оперативной тактики политической борьбы – идея нормальная, тем более обещавшая особое участие новой влиятельной силы государства в благородном деле – в бюджетном подпитывании национальных культур.

Сработала ли она в долговременной перспективе – другое дело.

Со временем выяснилось, что возникают более мощные интеграторы нелатышской массы – острее проблемы гражданства, языка, образования, вытеснения с рынка труда и т. д., которые никакими культурными посиделками не снимешь. Тем более, что и бюджетного питания не предвиделось – ни нормального государства еще не было, ни денег в бюджете, ни самого бюджета. Уже в середине 91-го года стало понятно, что идея была слишком переоценена и что дело кончится декоративными правлениями немногочисленных самостоятельных энтузиастов без средств и ясных целей, рассчитывающих только на обивание порогов посольств своих этнических родин или на поиски состоятельных одноплеменцев.

Но с идеями так бывает. Случалось, что авторы некоторых идей даже получали Нобелевскую премию, как это было с португальским мясником Монишем, изобретшим для подавления человеческой агрессии фронтальную лоботомию, впоследствии запрещенную, поскольку она превращала человека в овощ. А ведь какую эпидемию надежд она породила! Правда, даже сомнительные идеи всегда сопровождаются боковыми эффектами, полезными для человечества – на критике операционного вмешательства в психику возникли сотни правозащитных течений, остановивших карательную психиатрию и побудивших науку выработать кучу препаратных замещений.

Такили иначе, нов89-м все были воодушевлены. И эпидемия началась. В некоторых случаях возникали даже дублирующие культурные общества – это когда лидеры одного конкретного меньшинства не могли договориться. Так было не только с украинцами.

При образовании ЛОРКа, насколько я помню, такой проблемы не было – все быстро сошлись на том, что лучше Абызова мы ничего не придумаем.

Понимал ли Юрий Иванович политическую подоплеку эпидемии? Конечно. В эти горячие дни мы встречались регулярно, часто вместе выступали на митингах, дискуссиях, конференциях, и его взгляды я знал.

Более того, у нас были возможности детально углубиться в фундаментальные проблемы межнационального сожительства позднее, когда эти проблемы в Латвии стали зашкаливать снова – мы с ним вместе летали в Германию к немецким профессорам, озабоченным тем же.

По дороге и там, в Политическом центре на немецкой Балтии, где

нам предстояло не только слушать, но и выступать, мы, естественно, обменивались тезисами. Я кое-что писал об этом в журнальной статье, потом в своих мемуарах и хотел бы здесь повторить несколько соображений, раз уж мы говорим о действительных настроениях Абызова – татарина по корням, русского по языку, старожила Риги, большого знатока и исследователя русской прессы и литературы довоенной Латвии, основателя Латвийского общества русской культуры.

Тогда еще никто не знал мрачного прогноза президента Миттерана на 21-й век, который он сделал ближе к своей кончине в 1996-м с ужающей откровенностью: мир стоит на пороге этнических убийств, 21-й век будет веком этнических разборок. Но опасность уже нарастала. Европа ее видела.

Проблемы датчан на севере Германии и немцев на юге Дании, Южный Тироль, каталонцы, курды, немцы в Польше, венгры в Румынии, разделенный Кипр и на закуску – бывшая советская Прибалтика. Дальше Европы на конференции никто не совался. Мы тоже. До Сребреницы и бомбежек Белграда было еще далеко, а до сегодняшней Украины – как до Луны, хотя политический разлом по линии Харьков – Крым был виден уже тогда.

Основной иллюзией немецких профессорских мозговых атак было убеждение, что можно выработать свод норм для отношений между коренной нацией и национальным меньшинством, а затем дать его в руки специально созданному общеевропейскому органу, который будет регулировать температуру в горячих или нагреваемых точках континента, скроенного историей как лоскутное одеяло.

Ну и что – спрашивали мы с Юрием Ивановичем себя, готовясь к рефератам. Работают универсальные комплексы? Европа еще в 75-м в Хельсинки договорилась о нерушимости послевоенных границ, но рубежи ломались на наших глазах. Европа договорилась и о безусловном приоритете прав человека над правом нации. Но где этому внимали? Национально-освободительные движения и восстанавливающиеся государства сплошь и рядом меняют местами элементы этой универсальной формулы.

Если бы мы с Абызовым сейчас продолжали этот разговор, то он несомненно бы добавил, – что из двух доминантных принципов – нерушимости послевоенных границ и права наций на самоопределение – в последние сорок лет работает только второй. Достаточно

посчитать, сколько новых государств пополнило ООН с 1975-го года, когда в Хельсинки поклялись поставить точку. Около пятидесяти!

Можно придумать кодекс основных отношений между коренной нацией и нацменьшинством? И я, и Юрий Иванович в своих выступлениях солидарно считали, что если и можно, то он будет неподъемно объемным. Прежде всего потому, что с точки зрения коренного населения типов миноритета действительно много. Следовательно, много и моделей отношений.

Волей-неволей придется обращаться к генетике национальных расселений. Анализ того, как возник миноритет на данной территории, открывает путь к классификации конфликтных ситуаций в европейском мире.

Есть миноритет, возникший как естественная диффузия (экономическая миграция, беженцы. Например, те же датчане в Германии или немцы в Дании), а есть возникший как результат завоеваний, как колонизация. Тут примеров хоть отбавляй. Можно ли ждать одинакового отношения коренных к некоренным в обоих этих случаях?

Есть миноритет, накопившийся за столетия, а есть возникший как атака. Есть меньшинство, которое само когда-то было государством, а есть не имевшее своей государственности никогда. Есть народы, внедренные или внедрившиеся в тело другой страны как теперешнее государственное образование внутри другого (модель матрешки), а есть как уничтоженная внедрением государственность.

Вовсе не обязательно войны были причиной нынешних смещений – иногда вполне мирные акции приводили к сегодняшним тупикам. Допустим, крупные земельные дарения или нерасчетливая дипломатическая щедрость. Как это случилось с Крымом или частью Казахстана (это мы вспоминали Крым уже тогда).

Точно также можно классифицировать меньшинства и модели межнациональных отношений по объективным последствиям. Есть миноритет, ставший меньшинством на бывшей своей территории, а есть – на чужой. Есть имеющий свою большую этническую родину, а есть такой, о котором говорят, что все они тут, как гагаузы в Молдове, если не учитывать новейших переселений. Есть меньшинство, принесшее чужому народу близкую ментальность, а есть – варварство.

Наконец, есть еще политический аспект, с точки зрения которого коренное население смотрит на меньшинство либо как на лояльное соседство, либо как на пятую колонну.

В большинстве клинических случаев политики имеют дело не с чистым лабораторным продуктом и академическим временем для анализа, а с глубокой смесью всех этих вариантов, смесью уже забродившей или даже взорвавшейся бочку. Ну какой тут универсальный кодекс может работать, когда ситуация в районе немецко-датской национальной диффузии отличается от нашей или венгерской в Румынии, как конфликт на Уимблдонском турнире от карабахского. Там – проблема средств для этнографических фестивалей, а тут – вопрос жизни и смерти. Там уже все утряслось и поделилось давно, а тут разворачивается только первый акт масштабной драмы.

65 миллионов бывших советских оказалось не на своих этнических территориях. Демократия освободила одних и стала настоящей ловушкой для других.

Среди продуктов распада империй есть и свои, неизвестные науке демографические уродства. Например, миноритет-мутант, разросшийся на чужой территории до демографического большинства (как на то время русские в Казахстане). Или другой мрачный феномен, опровергающий теорию о том, что родной язык является главным определителем национального меньшинства (как русскоязычное население в Латвии или Эстонии, внутри которого ни еврей, ни татарин не знают своего родного языка). Или третий абсурд – однонациональное с большинством меньшинство (восточные немцы в Германии). Да, так тоже бывает: разъединяются одни народы, а соединяются уже разные.

Раскладывая этот тупиковый пасьянс, невольно начинаешь задумываться о кризисе цезаревой идеи национального государства, то есть идеи закрепления земли за этносом. Она становилась причиной войн – внешних и внутренних – в девяти случаях из десяти, делая национальность религией, а иноплеменство ересью.

Если руководствоваться доминантой политики как стремлением устранить причину конфликта, то тупо было и по-романовски прибирать к рукам национальную периферию, и по-ленински разрисовывать ее чертами государственности, и по-сталински перемешивать народы и границы.

Там, в Германии договорились лишь до того, что устранить причину национального конфликта вообще нельзя, можно лишь окультурить, цивилизовать его течение. То-то мы и видим. То-то и жмут друг

друга цивилизованно, то-то и гонят вон культурно. Речь не об улице – о законодательстве, которое, собственно, и есть окультуренное течение конфликта.

Ну хорошо, а с нами-то как, – спрашивали мы друг друга.

Говоря о генетике национальных расселений – о многообразии вариантов, мы склонялись к тому, что наш случай на карте Старого света – не самый тяжелый. «Все-таки не самый, не самый», – убеждал то ли меня, то ли себя Абызов. Есть Балканы. Но на севере Европы – это действительно самая проблемная модель межнационального сожительства. Почему?

Если не врать себе, то с точки зрения коренного населения мы тут – меньшинство, приближающееся в конце восьмидесятых к половине, имеющее по соседству свою этническую родину – вчерашнюю империю, экспансия которой на полвека лишила Латвию государственности. Взгляд на нас как на пятую колонну вполне реален еще много лет. Ассимилироваться, как довоенные нелатыши, мы не захотим. Значит, впереди – много слов об интеграции, а на самом деле – апартеид со всеми классическими его проявлениями. Правда, без двух самых мрачных – безраздельного проживания и без отдельного политического представительства.

Вот с этим замечательным прогнозом мы с Юрием Ивановичем и летели обратным рейсом. – я раскручивать свою ПНС (Партия народного согласия), а он – шевелить свой ЛОРК, который тогда, по-моему, обретался на Юрмалас гатве, куда он перевозил свою библиотеку.

Я спросил его, не пойдет ли он в политику, поскольку почти все лидеры меньшинственных общин потянулись туда. Даже цыгане, обычно не имевшие склонности к участию в политической жизни. Он наотрез отказался, что тоже показательно. Его много раз пытались использовать разные правительственные организации и СМИ в поисках сбалансированных или, как теперь говорят, лояльных русских. Это его тяготило. В его положении отказать тоже было не просто: у него на руках было хоть и маленькое, но все же хозяйство с надеждой на помощь государства либо сильных мира сего. Обычно он откручивался за счет нездоровья. Хотя это удавалось не всегда. Но следует сказать главное: он ни разу не дал ни радикальным латышам, ни таким же нелатышам использовать ЛОРК в качестве политического рычага.

Если возникал разговор о том, был ли положительный опыт в эпидемии, вызванной идеей НФЛ 89-го года, Юрий Иванович называл только один случай – ЛОЕК (Латвийское общество еврейской культуры). Действительно, только евреям Латвии удалось создать полнокровную мощную систему национально-культурной интеграции, имеющей свою образовательную, имущественную, издательскую, просветительскую, религиозную, историческую политику, которая работает по сей день. Это я тоже знал через своего старшего сына Андрея – тогда главного редактора первого на территории СССР еврейского журнала. Но, как я уже упоминал, евреи организовались до команды из штаба НФЛ.

Жалел ли Абызов, что почти два десятилетия отдавал большую часть своей исследовательской, писательской жизни поддержанию по сути обедневшей декоративной структуры энтузиастов русского слова, которая ничего не решает в главной его заботе – в поисках универсального инструмента регулирования межнационального сожительства?

Мы много говорили об этом в годы перед его уходом. Уверял, что нет, иронично ссылаясь на то, что любая, даже спекулятивно возникшая идея все-таки имеет свои боковые эффекты, ради которых стоит жить.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анна Аркатова – поэт, эссеист. Родилась в Риге, окончила филфак Лат. гос. ун-та и Лит. ин-т им. А.М.Горького (Москва). Автор 4-х поэтических сборников. Публикуется в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и др.

Святослав Берг (род. 1991) – студент Высшей школы менеджмента и информационных систем (Рига).

Наталья Большакова родилась в Пятигорске, в 1982 году окончила Лит. и-т им. А.М.Горького; автор театроведческих, литературоведческих и богословских статей, книг: «Христианство осуществимо на земле» – История создания и жизнь монастыря Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция), 2006; «Жизнь и служение епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)», 2009 г.; основатель и главный редактор альманаха «Христианос» (1991).

Леон Бриедис (род. 1949) – поэт, эссеист. Изучал в Кишиневском ун-те испанский язык и лит-ру (1972 – 1974), учился на Высших лит. курсах в Лит. ин-те им. А.М. Горького (1977 – 79), работал в газете «Literatūra un Māksla» (1979, 1986 – 87) и других изданиях. Основатель и долгодлительный издатель журнала «Kentaurs». Автор многих поэтических сборников; переводчик стихов с румынского, итальянского, испанского и др. языков. Стихи Б. переведены на румынский, русский и др. языки.

Ирина Вахитова (род. 1975, Рига) – окончила Лат. ун-т (2001), учитель русского языка и литературы. Автор стихов и песен, выступает под псевдонимом – Радогора.

Алексей Волосников (род. 1934) – поэт, художник, автор сборника стихов «Мирское духовное» (Екабпилс, 2006).

Игорь Губарев (1991) – студент 4-го курса мед. ф-та ун-та им. П.Страдыня. Публикации в «сети».

Роальд Добровенский (род. 1936) – прозаик, переводчик. В Латвии с 1975 года. Среди книг: романы-биографии о Бородине и Мусоргском, «Райнис и его братья» (1999) и др.. Переводил Райниса, А. Чака, М. Чаклайса, И. Аузиня, И. Зиедониса, К. Элсбергса и др.

Алена Закаблукотская родилась и живет в Иркутской области. Поэт, по образованию психолог. «Стихи начала писать в детстве... заплетать слова в строчки. Плету до сих пор. И не только стихи, плету всё, что можно плести: чушь, косы, коврики, кукол...» Подробнее о З. см. в Поэтическом альманахе «Параллель». № 28(302) (http://www.45parallel.net/alena_rychkova/).

Юрий Касянич (род. 1955) – поэт, переводчик. Окончил Лат. гос.ун-т. По специальности – физик. Автор двух сборников стихов, переводчик с латышского книги стихов Э.Плаудиса «Яд сирени» (1987); составитель поэтического альманаха «Письмена» (2013, 2014).

Константин Лосев (род. 1973) – окончил Рижский авиационный ун-т. Работает в строительной фирме. Публикации в сборниках «Светоч», «Дни русской культуры».

Людмила Нукневич – училась в Лат. гос. ун-те (журналистика), сценарном ф-те ВГИКа. Работала в журнале «Кино», других периодических изданиях Латвии. В последние годы занимается переводами с латышского (Икстене Н. Amour fou. Чокнутая любовь в 69-и строфах (Р. 2011) и др.

Владимир Ореховский (1959) – окончил физмат Лат. ун-та, доктор инженерных наук. Публикации в газетах «Бизнес&Балтия», «Республика», «Вести», «Час», «Суббота»; журналах «Datorpasaule», «Бизнес.lv», «Даугава», «Ева», «Карьера», «Коммерсант Baltik», «Патрон», в «Рижском альманахе».

Евгений Орлов (1960) – поэт. Окончил филфак Лат. гос. ун-та, работал учителем, журналистом в прессе и на ТВ. Автор трех сборников стихов (2005, 2006, 2010). Стихи публиковались в журналах: «Родник» (Латвия), «Литературная учеба», «Новая Аврора», «Знамя» (Россия), «Новый берег» (Дания) и др.

Фаина Осина – поэт, переводчик. Окончила филфак Уссурийского гос. пед. ин-та. В Латвии – с 1976 г. Соредактор сборника «Dzejas dienas» («Дни поэзии»), создатель и редактор «Провинциального альманаха HRONOS». Автор нескольких поэтических сборников, книги переводов латгальских авторов «Лучи по зеркалам».

Сергей Пичугин (род. 1957) – поэт, прозаик. Родился на Кубани, с 1974 года живет в Риге. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Стихи переводились на латышский и английский языки. Занимался изданием древнерусской певческой литературы и записями древнерусского знаменного распева.

Борис Равдин (род. 1942) – историк культуры. Окончил историко-филологический ф-т Лат. ун-та, работал в школе учителем литературы, в 1991-2006 гг. – редактор отдела, соредактор журнала «Даугава». Выступал со статьями и публикациями в разных изданиях. Автор, составитель и соредактор ряда историко-культурных сборников.

Янис Сирмбардис (род. 1937) – поэт, переводчик. Окончил отделение латышского языка и литературы историко-филологического ф-та Лат. гос. ун-та. Автор около 15 сборников стихотворений и поэм. Известен как переводчик поэзии и прозы с русского и украинского языков; среди переведенных авторов – Б.Акунин, А.Вознесенский, К.Кулиев, Н.Некрасов, Л.Озеров, Б.Пастернак, Л.Романенко, В.Светлов; украинские поэты: М.Бажан, Дм.Павлычко, П.Осадчук, В.Стус и др.

Павел Тюрин (род. 1943) – доктор психологических наук, доцент Балтийского ин-та психологии и менеджмента. Автор более ста статей на русском, латышском, английском, польском и др. языках. Автор книг по психологии творчества и психологии конфликта: «Y-design. Введение в психологию дизайнерского творчества» (2001); «Интерпретации визуальных ситуаций и метод отраженного трансформирования функциональных форм» (2009); «Психология между буквой и духом закона» (2012) и др. Последняя книга: *Legen about Blockhead and His Nessie* (P. 2014).

Елена Фельдман (род.1989, Иваново) – поэт, прозаик, переводчик художественной литературы с английского; живет в Москве. Окончила Лит. ин-т им. А. М. Горького по специальности «Художественный перевод», аспирант Лит. ин-та. Обладатель Гран-при посольства Великобритании «За лучший поэтический перевод с английского языка» (2013). Публиковалась в журналах «Волга XXI век», «День и ночь», «Северная Аврора», «Белый ворон», «Иностранная литература».

Владимир Френкель (род. 1944) – поэт, эссеист. Учился в Лат. гос. ун-те на физико-математическом, затем – на историческом факультете.

В 1964 – 1968 гг. жил в Ленинграде. Работал в художественном музее, в газете. В 1985 году арестован по делу о самиздате. В 1985 - 1986 годах - политзаключенный. С 1987 года живет в Израиле, в Иерусалиме, редактор в издательстве «Филобиблон» (Иерусалим). Публиковался в изданиях Латвии, Франции, Израиля, США. Автор семи сборников стихов.

Михаэль Шерб родился в Одессе, окончил физфак Одесского гос. ун-та. С 1994 г. живет в Германии, где окончил Дортмундский технический ун-т, работает программистом. Публикации в журналах «Крещатик», «Интерпоэзия», «Белый ворон», «Эмигрантская лира», альманахах «Побережье», «Связь времен» и др.

Михаил Юдовский (род. 1966, Киев) учился в художественно-промышленном техникуме и ин-те иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1992 года живет в Германии (город Франкенталь). Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа», 1992) написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Публиковался в Украине, России, Германии, Англии, Финляндии, Израиле, Австралии, США. Выставлял свои живописные работы в странах СНГ, Европы и Америки. Автор нескольких книг, среди которых: «Поэмы и стихи» (Украина, 2009), книга прозы «Воздушный шарик со свинцовым грузом» (М., 2013).

Маша Айнбиндер, «Улица Гертрудес», 1982 год. Холст, масло.

Рецензии, заметки о новых изданиях

СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПРОЗА

IN MEMORIA

АРХИВЫ

ДОКУМЕНТЫ

И МНОГОЕ ДРУГОЕ...

ISBN 978-9934-14-342-7

9 789934 143427